Л. А. Чарская

Нищенка

Изданіе
Т-ва М. О. Вольфъ

1853
1883
MOB

Л. А. ЧАРСКАЯ.

КНИГИ ДЛЯ ДѢТЕЙ И ЮНОШЕСТВА,

ИЗДАННЫЯ Т-ВОМЪ М. О. ВОЛЬФЪ:

*Книги, отмѣченныя въ настоящемъ спискѣ одною звѣздочкою *, допущены Ученымъ Комитетомъ Мин. Нар. Пр. въ библіотеки учебныхъ заведеній.*

*Книги, отмѣченныя двумя звѣздочками **, признаны Ученымъ Комитетомъ Мин. Нар. Просв. заслуживающими вниманія при пополненіи библіотекъ учебныхъ заведеній.*

Книги, отмѣченныя въ настоящемъ спискѣ кружкомъ ○, рекомендованы Главнымъ Управленіемъ Военно-Учебн. заведеній для чтенія кадетъ и допущены въ ротныя библіотеки.

*○ **ЗАПИСКИ ИНСТИТУТКИ.** Повѣсть для юношества, съ илл. А. И. Сударушкина. Изд. 4-е. Ц. въ переплетѣ 3 р.

*○ **КНЯЖНА ДЖАВАХА.** Повѣсть для юношества, въ 2-хъ частяхъ, съ илл. В. А. Табурина и А. И. Сударушкина. Изд. 4-е. Ц. въ переплетѣ 3 р.

*○ **ЛЮДА ВЛАССОВСКАЯ.** Повѣсть для юнош., въ 2-хъ частяхъ, съ илл. В. А. Табурина. Изд. 4-е. Ц. въ переплетѣ 3 р.

ВТОРАЯ НИНА. Повѣсть для юношества, съ илл. И. В. Симакова. Изд. 3-е. Ц. въ переплетѣ 3 р.

** **ДЖАВАХОВСКОЕ ГНѢЗДО.** Повѣсть для юнош., съ илл. И. Гурьева. Ц. 3 р.

○ **ВЕЧЕРА КНЯЖНЫ ДЖАВАХИ. Сказанія старой Барбалэ. Съ рис. Н. Н. Каразина, И. Гурьева и др. Ц. въ пер. 2 р. 25 к.

○ **ЗА ЧТО? Моя повѣсть о самой себѣ, въ 4-хъ частяхъ, съ илл. И. Гурьева. Изд. 3-е. Ц. въ переплетѣ 3 р.

○ **БОЛЬШОЙ ДЖОНЪ.** Повѣсть для юношества, съ иллюстр. И. Гурьева. Изд. 2-ое. Ц. въ переплетѣ 3 р.

НА ВСЮ ЖИЗНЬ. Юность Лиды Воронской. Повѣсть для юнош., съ илл. И. Гурьева.

ЦѢЛЬ ДОСТИГНУТА. Повѣсть для юношества, съ рис. И. Гурьева.

ЛЕСОВИЧКА. Повѣсть для юнош., съ илл. З. Шапиро. Изд. 2-е. Ц. въ пер. 3 р.

○ **СЕСТРА МАРИНА.** Пов. для юнош., съ илл. Е. П. Самокишъ-Судковской. Ц. въ пер. 3 р.

○ **ГАЗАВАТЪ. Историческая повѣсть, съ илл. І. І. Смукровича. Изд. 3-е. Ц. въ переплетѣ 3 р. 50 к.

○ **ПАЖЪ ЦЕСАРЕВНЫ. Историческая повѣсть, съ илл. А. Бальдингера. Изд. 2-е. Ц. въ переплетѣ 3 р. 50 к.

○ **СМѢЛАЯ ЖИЗНЬ. Истор. пов. для юнош., съ илл. Е. П. Самокишъ-Судковской. Изд. 3-е. Ц. въ переплетѣ 3 р. 50 к.

** **ГРОЗНАЯ ДРУЖИНА.** Историч. повѣсть, съ иллюстр. худ. С. Панова. Изд. 2-е. Ц. въ переплетѣ 3 р. 50 к.

ЖЕЛАННЫЙ ЦАРЬ. Истор. пов. для юнош., съ илл. И. Гурьева. Ц. 3 р. 50 к.

ЦАРСКІЙ ГНѢВЪ. Историческая повѣсть, съ илл. А. Бальдингера. Изд. 2-е. Ц. въ переплетѣ 1 р. 25 к.

○ **ОДИНЪ ЗА ВСѢХЪ.** Повѣсть о жизни великаго подвижника земли русской. Съ иллюстр. и снимк. съ карт. Нестерова, Новоскольцева, Брюллова. Ц. въ пер. 2 р.

ЕВФИМІЯ СТАРИЦКАЯ. Историческій романъ. Изд. 2-е. Ц. 1 р.

○ **ТАКЪ ВЕЛѢЛА ЦАРИЦА.** Историческая повѣсть для дѣтей, съ илл. А. Бальдингера. Изд. 2-е. Ц. въ перепл. 1 р. 50 к.

СИБИРОЧКА. Повѣсть для дѣтей, съ илл. И. Гурьева. Изд. 2-е. Ц. въ пер. 3 р.

○ **ГОЛУБАЯ ВОЛНА.** Стихи и пѣсни для юнош., съ илл. Ц. въ пер. 1 р. 75 к.

* **ПЕРВЫЕ ТОВАРИЩИ.** Повѣсть для дѣтей, съ иллюстр. Э. Соколовскаго. Изд. 3-е. Ц. въ переплетѣ 1 р. 75 к.

ЮРКИНЪ ХУТОРОКЪ. Повѣсть для дѣтей, съ иллюстр. И. В. Симакова. Изд. 2-е. Ц. въ переплетѣ 2 р. 50 к.

** **ЗАПИСКИ СИРОТКИ.** Повѣсть для дѣтей, съ илл. Э. Соколовскаго. Изд. 3-е. Ц. въ переплетѣ 1 р. 75 к.

ЛИЗОЧКИНО СЧАСТЬЕ. Повѣсть для дѣтей, съ илл. В. А. Табурина и И. В. Симакова. Изд. 3-е. Ц. въ переплетѣ 2 р. 50 к.

ТАСИНО ГОРЕ. Повѣсть для дѣтей, съ илл. И. В. Симакова. Изд. 2-е. Ц. въ переплетѣ 2 р. 50 к.

** **ЗАПИСКИ МАЛЕНЬКОЙ ГИМНАЗИСТКИ.** Повѣсть для дѣтей, съ иллюстр. А. Бальдингера. Изд. 2-е. Ц. въ переплетѣ 2 р. 50 к.

ДОМЪ ШАЛУНОВЪ. Повѣсть для дѣтей, съ иллюстр. А. Бальдингера, Ц. въ переплетѣ. 3 р.

○ **СЧАСТЛИВЧИКЪ. Пов. для дѣтей, съ илл. худ. И. Гурьева. Ц. въ пер. 3 р.

ЩЕЛЧОКЪ. Повѣсть для дѣтей, съ рис. И. Гурьева. Ц. въ пер. 2 р. 25 к.

** **СКАЗКИ ГОЛУБОЙ ФЕИ.** Съ рис. В. Мельникова, З. Шапиро и др. Изд. 3-е. Ц. въ переплетѣ 1 р. 75 к.

ТРИНАДЦАТАЯ. Повѣсть для дѣтей, съ рис. Спасскаго.

ПРОДАННЫЙ ТАЛАНТЪ. Повѣсть для юношества, съ илл. В. Полякова. Изд. 2-е. Ц. въ пап. переплетѣ 60 к.

ЛУЧШІЙ ДАРЪ. Волшебная картина въ одномъ дѣйствіи. Съ рис. М. Кипина. Ц. 15 к., въ папкѣ 30 к.

РЫЖИКЪ И ЧЕРНУШКА. Разсказъ для малютокъ, съ хром. карт. А. Гейера. Изд. 2-е. Ц. въ пап. переплетѣ 1 р. 50 к.

ВЕСЕЛАЯ ДЮЖИНКА. Книжка стишковъ для маленьк. дѣтей, съ илл. Изд. 2-е. Ц. въ папкѣ 50 к.

СМѢШНЫЯ МАЛЮТКИ. Шутки и прибаутки. Съ рис.

ВОВИКЪ. Полу-быль, полу-сказка, съ илл. барона Деметра. Ц. 30 к.

○ **НА РАДОСТЬ ЦАРЕВИЧУ.** Разсказъ изъ дѣтской жизни имп. Петра В. Съ рис. Е. Лебедевой. Ц. 15 к.

КОГДА МЫ БЫЛИ МАЛЕНЬКІЕ. Разсказы для маленькихъ дѣтей, съ хром. карт. Изд. 3-е. Ц. въ пап. переплетѣ 90 к.

НА КРАЙ СВѢТА. Разсказъ для маленькихъ дѣтей, съ илл. Б. К. Кильверта. Ц. 15 к.

СЧАСТЛИВЫЙ ЦВѢТОКЪ. Разсказъ для дѣтей мл. возр. съ рис. И. Гурьева. Ц. въ пап. 30 к.

38.68.2.67

ТРИНАДЦАТАЯ

ПОВѢСТЬ ДЛЯ ДѢТЕЙ

Л. А. ЧАРСКОЙ

Съ рисунками В. Спасскаго

ИЗДАНІЕ
Т-ВА М. О. ВОЛЬФЪ
С.-Петербургъ
Гостин. Дв., 18 и Невскій, 13
Москва
Кузн. М., 12 и Тверская, 22

ПЕЧАТЬ ТИПОГРАФІИ
Т-ва М-О-ВОЛЬФЪ
С-Петербургъ · Вас· Остр· 16 линія соб· домъ·

Гос.
Публичная
Библиотека
в
Ленинграде

I.

Лѣсное убѣжище для дѣвочекъ.

— ИТАКЪ, дѣти, завтра пріѣзжаетъ она, маленькая сиротка, которую вы должны принять какъ любимую подругу. Вы это сдѣлаете, не правда ли?

Двѣнадцать голосовъ отвѣчаютъ дружнымъ хоромъ:

— Да, Марья Андреевна, мы будемъ ласковы съ нею!

— Прекрасно,—произнесла съ улыбкою та, которую звали Марьей Андреевной, еще молодая дѣвушка, съ добрымъ лицомъ и густыми русыми волосами.— Признаться, я и не ожидала отъ васъ иного отвѣта. А теперь я пойду очистить въ спальнѣ мѣсто для новенькой и приготовить для нея кровать и ящикъ комода. Вы же можете поиграть до ужина. Вамъ еще остается три четверти часа.

Ласковая улыбка озаряетъ опять лицо воспитательницы, милое худенькое личико съ чуть замѣтными черточками на лбу, обрамленное пышными волосами.

И Марья Андреевна легкой походкой спѣшитъ къ двери.

Теплый іюньскій вечеръ врывается въ комнату. Окна раскрыты настежь. Запахи древесной смолы, гвоздики, резеды, левкоя и душистаго горошка, растущихъ на клумбахъ подъ окнами, сливаются вмѣстѣ и даютъ чудесный ароматъ. Заходящее солнце румянитъ стволы сосенъ. Деревья стоятъ такія розовыя и красивыя при его вечернемъ освѣщеніи. А кругомъ—тишина, нѣжная, пріятная тишина вѣчно зеленаго сосноваго лѣса...

Въ самой серединѣ его спрятана небольшая усадьба. Лѣсъ спереди, лѣсъ сзади, справа и слѣва, лѣсъ кругомъ, все тотъ же милый, старый, прекрасный лѣсъ. Такъ и называется въ честь его усадьба: «*Лѣсное убѣжище для дѣвочекъ*», о чемъ гласитъ большая черная доска съ золотыми буквами, прибитая къ воротамъ надъ главнымъ входомъ. Вокругъ главнаго зданія двухъэтажнаго деревяннаго дома, гдѣ живутъ пансіонерки, съ ихъ воспитательницей-учительницей Марьей Андреевной Миртовой, съ докторомъ Анной Васильевной, съ няней, старухой Ненилушкой, и со стряпухой Лизой, расположены другія, меньшія постройки, помѣщенія для сторожа и кучера, дворницкая, баня, конюшня, сараи и прачешная. Еще дальше—домикъ начальницы и учредительницы лѣсного убѣжища, Валеріи Сергѣевны Симановской, и небольшая церковь-часовня подлѣ него.

Три-четыре года тому назадъ лѣсная усадьба стояла одиноко, и въ ней не жилъ никто. Въ то время Вале-

рія Сергѣевна Симановская, богатая вдова помѣщика, хозяина усадьбы, жила въ Петербургѣ. Въ ея домѣ находилась тяжело больная: маленькая дочурка Валеріи Сергѣевны, Люся, лежала при смерти. Госпожа Симановская была въ отчаяніи. Она приглашала къ своей больной Люсѣ лучшихъ докторовъ столицы, умоляя ихъ спасти дѣвочку, ѣздила по церквамъ и служила молебны о спасеніи дочери. Но жизнь Люси висѣла на волоскѣ. Съ каждымъ днемъ дѣвочкѣ становилось все хуже и хуже, съ каждымъ часомъ Люся таяла, какъ свѣча.

И въ душѣ Валеріи Сергѣевны созрѣло рѣшеніе совершить въ случаѣ выздоровленія Люси крупное доброе дѣло.

— Господи,—шептала она въ слезахъ, преклоняя колѣни передъ образомъ Спасителя,—не отнимай отъ меня моей дочурки! Пошли ей исцѣленіе, Господи!.. За одну спасенную и возвращенную мнѣ дѣвочку я постараюсь сохранить жизнь и здоровье двѣнадцати другимъ. Обѣщаю Тебѣ это, милосердный Господи!

И тутъ же Валерія Сергѣевна повѣдала всѣмъ своимъ роднымъ и знакомымъ, что она рѣшила устроить, лишь только поправится Люся, убѣжище для двѣнадцати маленькихъ хилыхъ и болѣзненныхъ дѣвочекъ, которыхъ родители, по бѣдности, не могутъ лечить и холить.

Между тѣмъ Люся стала медленно, но вѣрно поправляться. Черезъ какой-нибудь мѣсяцъ Валерія Сергѣевна уже перевезла дѣвочку и ея младшаго братишку Славу въ свое лѣсное помѣстье, а еще черезъ

полгода большой домъ въ лѣсу оживился присутствіемъ двѣнадцати маленькихъ дѣвочекъ, нуждавшихся въ свѣжемъ смолистомъ лѣсномъ воздухѣ и въ здоровой, питательной пищѣ.

Слабенькія, болѣзненныя, хилыя дѣти бѣдныхъ родителей нашли все необходимое для здоровья подъ гостепріимнымъ кровомъ доброй лѣсной помѣщицы. Къ нимъ были приглашены: опытный докторъ, и, кромѣ того, воспитательница-учительница, такъ какъ, развивая силы и здоровье въ питомицахъ убѣжища, Валерія Сергѣевна, или мама-Валя, какъ ее называли ея дѣти-воспитанницы, рѣшила въ то же время подготовлять ихъ къ поступленію въ гимназіи или другія школы.

Такимъ образомъ, госпожа Симановская сдержала данное ею Богу обѣщаніе. Двѣнадцать дѣвочекъ были вырваны изъ рукъ нужды, лишеній и недуговъ и осчастливлены по случаю выздоровленія ея маленькой Люси.

II.

Лѣсныя дѣвочки.

СВѢТЛОЕ платье Марьи Андреевны исчезло за дверью, а дѣвочки все еще не расходились по своимъ мѣстамъ.

Ихъ оживленная группа стояла посреди большой свѣтлой комнаты, называемой классной. Здѣсь онѣ и занимались, и проводили свободное отъ занятій время.

Незамысловата была обстановка классной. Большой столъ занималъ середину комнаты. Вокругъ стола стояло двѣнадцать стульевъ. Столько же маленькихъ шкапиковъ ютилось вдоль стѣнъ классной. Здѣсь, въ этихъ шкапикахъ прятались тетради, книжки и игрушки воспитанницъ убѣжища.

— Дѣвочки,—подняла голосъ старшая изъ лѣсныхъ дѣвочекъ (какъ ихъ прозвали сосѣдніе крестьяне и окружные помѣщики), черненькая, худенькая, высокая Липа Стручкина, десяти или одиннадцати лѣтъ,—мы должны сдѣлать что-нибудь пріятное для новенькой, приготовить ей какой-нибудь сюрпризъ, чтобы облегчить ей ея пріѣздъ въ чужое мѣсто, къ незнакомымъ

людямъ! Вы слышали, что сказала Марья Андреевна! Она—круглая сиротка.

— Да! Да! Ей, должно быть, не легко, бѣдняжкѣ. Папа ея, морякъ, утонулъ годъ тому назадъ въ морѣ, какъ говорила вчера мама-Валя. Матери своей новенькая и не помнитъ даже, а тотъ старичокъ-родственникъ, другъ ея папы, у котораго она жила этотъ годъ, больше не можетъ держать ее у себя, потому что онъ самъ небогатъ и обремененъ большой семьей. И вотъ, бѣдную дѣвочку привезутъ сюда къ намъ,—добавила рыженькая Софочка, бойкая, шаловливая дѣвочка, съ глазами, похожими на горячіе угольки, и обвела подругъ быстрымъ взглядомъ.—Что касается меня, то я ей непремѣнно скажу блестящую рѣчь при встрѣчѣ,—неожиданно заключила она.

— Дѣвочки!—крикнула своимъ звонкимъ голоскомъ Наташа Чижова, бѣлокурая восьмилѣтняя дѣвчурка, съ голубыми глазенками,—мы попросимъ завтра утромъ Марью Андреевну сходить съ нами въ чащу лѣса, чтобы нарвать для новенькой незабудокъ.

— Да! Да! И поднесемъ ей завтра большой букетъ!—подхватила Ляля, шестилѣтняя крошка, самая маленькая пансіонерка, съ коротко остриженной головкой, похожей на круглый шарикъ, общая любимица, баловень всего убѣжища и закадычный другъ Наташи.

Высокая, тоненькая Вѣра, горячая, вспыльчивая, но добрая дѣвочка, нервно перебила подругъ:

— Нѣтъ! Нѣтъ! Цвѣты—это еще слишкомъ мало. Я предлагаю другое. Когда намъ за ужиномъ подадутъ нашу порцію пастилы, пусть каждая отложитъ свою

пастилку для новенькой. Я соберу ихъ, уложу въ большую коробку, перевяжу ее ленточкой, и мы всѣ вмѣстѣ поднесемъ коробку новенькой. Кто согласенъ—подними руку!

Двѣнадцать рукъ, чистенькихъ и грязныхъ, закапанныхъ чернилами, съ кляксами на ладоняхъ и съ царапинами на пальцахъ, одинаково дружно поднялись и замахали надъ бѣлокурыми, русыми и черненькими головками.

Ганя Сидоркина, тихая, маленькая крестьянка, дочь пришедшаго изъ деревни въ сосѣдній городъ на заработки мужичка, подобранная годъ тому назадъ Валеріей Сергѣевной съ жестокимъ воспаленіемъ легкихъ въ сыромъ углу подвала,—эта самая Ганя Сидоркина произнесла пріятнымъ голоскомъ:

— Мнѣ нечего подарить бѣдной сироткѣ, но зато я буду постилать ея постель каждое утро и каждый вечеръ, обметать пыль съ ея шкапика и вытирать мокрой щеткой каждое утро полъ около ея кроватки, чтобы ей не пришлось этого дѣлать самой.

— А я ей буду разсказывать сказки!—весело крикнула смугленькая Наля, умѣвшая выдумывать чудесные волшебные разсказы, которыми она забавляла подругъ.

— А я научу ее воспитывать куклу и пріучать ее къ порядку,—и Саша Кудряшова, или Саша-растеряша, какъ прозвали всѣ эту девятилѣтнюю, всегда растерянную, все забывающую и разсѣянную дѣвочку, выступила впередъ.

Всѣ остальныя при этихъ словахъ Саши громко разсмѣялись.

— Саша-растеряша можетъ научить порядку! Какъ же!

Оля и Катя Хмуровы, двѣ сестрички, восьми и десяти лѣтъ, очень похожія одна на другую, неразлучныя, какъ два маленькихъ попугайчика, присоединились къ своимъ подругамъ.

— Я ей наберу земляники въ лѣсу,—сказала старшая Оля.

— А я поймаю зеленаго кузнечика и посажу его для нея въ банку, — вторила ея младшая сестрица Катенька.

— А онъ тебѣ, кузнечикъ твой, сядетъ на носъ и носъ отъѣстъ,—засмѣялась бойкая Софочка, отлично знавшая, какъ и всѣ остальныя, слабость Кати трусить и бояться каждаго пустяка и плакать отъ страха.

Катя скорчила плачущую рожицу и сквозь слезы проронила:

— Кхи... кхи... кхи! Неправду ты говоришь, не отъѣстъ мнѣ носа кузнечикъ.

— Кхи... кхи... кхи!—передразнила подругу Софочка,— оттого только и не отъѣстъ, что приметъ его за еловую шишку. Видишь, какой онъ у тебя большой?

— И совсѣмъ не большой,—запищала Катя, въ то же время ощупывая пальцами свой носикъ.—О-о-л-я, скажи, чтобы она не смѣла о-би-ж-а-ать!—плаксиво затянула она, обращаясь къ старшей сестрѣ.

— Не смѣй обижать!—коротко и строго остановила Софочку Оля.

— Не смѣй обижать, изволь молчать! Не хочу

молчать, хочу сказать: Катенька-плаксушка, глупая дѣвчушка, перестань ревѣть, будемъ пѣсни пѣть, будемъ цвѣтики рвать, ими новенькую встрѣчать!— затараторила шалунья Софочка, имѣвшая слабость говорить подъ риѳму, стишками, къ великому удовольствію всѣхъ остальныхъ дѣвочекъ.

Дѣвочки тотчасъ же окружили Софочку тѣсной толпой и требовали отъ нея продолженія шутки.

— А дальше какъ, а дальше какъ?—заинтересовались онѣ.

— А дальше дома нѣтъ! «Господинъ Дальше» ушелъ на обѣдъ,—давясь смѣхомъ, продолжала шалунья,—а когда придетъ домой, тутъ вопросъ уже другой!—заключила она самой высокой ноткой и неожиданно волчкомъ завертѣлась по комнатѣ.

Протиснулась впередъ маленькая девятилѣтняя Сара Блюмъ, болѣзненная, блѣдная, совсѣмъ прозрачная дѣвочка, съ печальными глазами и голубыми жилками на вискахъ, дочь бѣднаго башмачника-еврея, имѣвшаго свою лавочку въ сосѣднемъ городѣ, куда Сару возили каждую субботу видѣться съ ея больнымъ отцомъ.

— Мнѣ папа всегда даетъ мятные пряники и карамельки, — застѣнчиво проговорила Сара,—и... и вотъ... я и не буду ихъ кушать съ этого дня, чтобы накопить ихъ для новенькой. У меня уже припрятано немножко въ моемъ шкапикѣ.

— Это хорошо,—произнесла Наля-сказочница и, помолчавъ съ минуту, прибавила:—а какое у нея странное и красивое имя, у этой новой дѣвочки! Кодя. Конкордія... Въ слѣдующей моей сказкѣ я назову

точно такъ же одну заколдованную принцессу,—неожиданно рѣшила она.

— Ея папа утонулъ въ Черномъ морѣ во время бури. Ахъ, какъ это ужасно потерять отца и мать! Не правда ли, дѣвочки?—и Наташа Чижова, блѣднѣя, закрыла свои красивые голубые глазки.

— Мы будемъ крѣпко любить ее!—прозвучалъ, какъ бывъ утѣшеніе ей, звонкій голосокъ малютки-Ляли.

— Она, должно быть, очень тихонькая и грустная, бѣдняжка,—шепнула Лина.

— Всегда печальная,—вторила ей Сара, которая сама рѣдко смѣялась, озабоченная болѣзнью отца.

— И плачетъ вѣрно часто-часто, бѣдненькая,—подхватили сестрички.

Но вотъ внезапно отдѣлилась отъ толпы десятилѣтняя Маня Кузьмина и съ испуганно-встревоженнымъ лицомъ громко произнесла:

— Что-жъ это такое, дѣвочки!? Этого нельзя! Никакъ невозможно! Не годится поступать въ убѣжище тринадцатой дѣвочкѣ. Подумайте! Вѣдь она будетъ—тринадцатая!

— Ну да, тринадцатая,—подхватили дѣти,—что-жъ изъ того, что тринадцатая?

— Да вѣдь число тринадцать—нехорошее число,—продолжала съ жаромъ Маня.—Говорятъ, оно всегда приноситъ какое-нибудь несчастіе за собой. Въ тринадцатое число каждаго мѣсяца никакого дѣла предпринимать нельзя; тринадцати человѣкамъ нельзя за столъ садиться, а то непремѣнно кто-нибудь да умретъ. И, стало быть, дѣвочка, тринадцатая по счету...

— Стыдись, Маня, какія ты глупости говоришь,— прервала подругу большая Лина, считавшаяся самой разумной изъ дѣтей. — Не объясняла ли намъ сама Марья Андреевна, что у Господа Бога всѣ дни одинаково равны? Вѣрить въ какія-то несчастныя числа это, прости пожалуйста, чепуха.

— Ай да, Лина, молодецъ! Пристыди ее въ концъ, чтобы чуши не болтала, чтобъ подружекъ не смущала, — выскакивая впередъ, снова скороговоркой затараторила Софочка.

— Вѣрно говоритъ Лина,—вмѣшалась въ разговоръ дѣвочекъ смуглая Наля-сказочница,—если послушать Маню, такъ слѣдовало бы бѣдную одинокую сиротку бросить безъ призора потому только, что она будетъ въ нашемъ убѣжищѣ тринадцатой.

— Стыдно, Маня, стыдно!—заговорили со всѣхъ сторонъ дѣвочки.

— Да когда же я сама слышала такъ...—оправдывалась Маня.

Гулкій ударъ колокола, привѣшеннаго къ ближайшему дереву подъ окномъ лѣсного дома, возвѣстилъ дѣтямъ о времени идти ужинать. Звонкіе голоса ихъ въ ту же минуту смолкли. Двѣнадцать дѣвочекъ попарно выстроились у дверей классной и чинно зашагали въ столовую, находившуюся въ первомъ этажѣ.

III.

Онѣ ее ждутъ.

ДВѢНАДЦАТЬ часовъ дня. Полдень въ лѣсу. Солнце золотитъ вершины сосенъ и скользитъ желтыми зайчиками по сосновой хвоѣ, похожей на зеленое кружево, все пронизанное золотомъ—его лучами.

У воротъ убѣжища двѣнадцать дѣвочекъ выстроились въ рядъ. Всѣ онѣ одинаково одѣты въ свѣтлыя ситцевыя платья и бѣлые передники.

Марья Андреевна, толстенькая, какъ кубышка, Анна Васильевна и старушка-няня Ненилушка, съ очками, сползшими на самый кончикъ носа, ждутъ съ неменьшимъ нетерпѣніемъ новенькую воспитанницу убѣжища.

По другую сторону воротъ находятся еще двое дѣтей,-мальчикъ и дѣвочка, Люся и Слава, сынъ и дочь доброй Валеріи Сергѣевны Симановской. Люся—веселая, бойкая хохотушка, съ забавной толстой бѣлобрысой косой, стоящей «торчкомъ» за плечами; Слава—черный, какъ цыганенокъ, отъ загара, съ ухватками отчаяннаго шалуна и съ глазами, такъ и высматри-

вающими, гдѣ бы ему пошалить да напроказить. Рядомъ съ ними Болтушка.

Болтушка это бѣлая овечка съ круглыми, глупыми глазами. Болтушка ходитъ всюду за своей хозяйкой Люсей, какъ собачка, и отчаянно блеетъ громкимъ голосомъ, когда надо и когда не надо.

За Славой ходитъ Жучокъ,—черный мохнатый пудель, съ разбойничьимъ взглядомъ.

У дѣвочекъ убѣжища въ рукахъ подарки для новенькой: у Наташи и Ляли—цвѣты: полныя руки голубыхъ незабудокъ; у Сары, въ бумажномъ фунтикѣ,—пряники и карамельки; Вѣра держитъ въ рукахъ коробку съ пастилой — приношеніемъ всѣхъ дѣвочекъ вмѣстѣ; у сестрички Оли—корзиночка земляники; у Катиши-трусиши — живой кузнечикъ въ баночкѣ. Словомъ, каждая дѣвочка приготовила что-нибудь.

Теперь всѣ глаза устремлены впередъ, на дорогу. Эта дорога проложена лѣсомъ вплоть до станціи, и по ней должна пріѣхать въ своей коляскѣ Валерія Сергѣевна и привезти новенькую, за которою она часъ тому назадъ отправилась на вокзалъ.

Кодю Танѣеву ея дорожные попутчики могли только довезти до станціи и тамъ передать съ рукъ на руки госпожѣ Симановской, какъ это было заранѣе условлено между ними.

Поѣздъ давно пришелъ. Ожиданіе дѣтей переходитъ въ волненіе.

— Что же такъ долго? Почему ихъ не видно до сихъ поръ?

Первая теряетъ терпѣніе Болтушка.

— Бэ, бэ, бэ,—блеетъ овечка и рвется изъ рукъ Люси къ цвѣточной клумбѣ, разбитой у самыхъ воротъ.

Растущіе на куртинѣ резеду и левкой Болтушка наивно принимаетъ за салатъ, который она очень любитъ.

За нею начинаетъ замѣтно безпокоиться и Жучокъ. Черный пудель вдругъ живо заинтересовывается собственнымъ хвостомъ, за которымъ тутъ же устраиваетъ настоящую охоту, къ немалому удовольствію присутствующихъ.

Особенно же радуется этому обстоятельству Слава. Этотъ шалунъ валится съ размаху на траву и громко хохочетъ, вызывая лѣсное эхо.

При первыхъ же звукахъ этого хохота Жучокъ оставляетъ свое занятіе и со всѣхъ ногъ кидается къ Славѣ. Въ мудрую собачью голову приходитъ новая, счастливая мысль: во что бы то ни стало лизнуть барахтающагося въ травѣ Славу, лизнуть прямо въ кончикъ носа, похожаго скорѣе на пуговицу или на кнопку электрическаго звонка, нежели на человѣческій носъ.

— Ѣдутъ! Ѣдутъ! Кодя ѣдетъ! Новенькая ѣдетъ! Вонъ они уже близко! Смотрите! Смотрите!—внезапно раздаются голоса воспитанницъ лѣсного убѣжища, и черному Жучку волей-неволей приходится отложить свое намѣреніе до болѣе подходящаго случая.

Въ то же время изъ-за ближайшей группы сосенъ показывается коляска. Въ ней сидитъ молодая еще

женщина, лѣтъ тридцати двухъ, съ красивымъ, усталымъ, озабоченнымъ лицомъ, очень встревоженнымъ въ эту минуту, и...

И... больше въ коляскѣ нѣтъ никого.

— А гдѣ же новая дѣвочка?—вырывается однимъ общимъ вопросомъ изъ груди всѣхъ присутствующихъ, взрослыхъ и дѣтей.—Да гдѣ же новая дѣвочка?

Очень взволнованная Валерія Сергѣевна выходитъ изъ коляски.

— Мама-Валя, а гдѣ же сиротка?—спрашиваетъ, протискиваясь впередъ, малютка Ляля и, на правахъ самой маленькой воспитанницы, виснетъ на шеѣ начальницы.

Попробовалъ послѣдовать ея примѣру и Жучокъ, который со всѣхъ ногъ кинулся на грудь хозяйки, но Слава, а за нимъ и Люся предупреждаютъ его, и Жучку остается только удовольствіе облизать затянутую въ перчатку руку Валеріи Сергѣевны.

Всѣ двѣнадцать воспитанницъ убѣжища вмигъ окружили начальницу.

— Что случилось съ дѣвочкой? Почему ея нѣтъ?—спрашивали онѣ.

Не менѣе самихъ дѣтей взволнованная, Валерія Сергѣевна говорила:

— Я обошла весь поѣздъ, всѣ вагоны, разспросила кондукторовъ, всю поѣздную прислугу, но мнѣ никто не могъ сказать, гдѣ находится маленькая дѣвочка. Говорили о ѣхавшемъ до предпослѣдней станціи какомъ-то подросткѣ, очень живомъ и шаловливомъ, но на послѣдней остановкѣ подростокъ куда-то исчезъ.

Во всякомъ случаѣ, дѣти, это была не Кодя. Вѣдь меня просили взять въ убѣжище бѣдную, маленькую, убитую горемъ, сиротку, а не шаловливаго подростка. Стало быть, это не она.

— Не она! — откликнулись двѣнадцать дѣтскихъ голосовъ эхомъ.

— Должно быть, она пріѣдетъ съ вечернимъ поѣздомъ, — сдѣлала предположеніе докторъ Анна Васильевна.

— Если угодно, я поѣду встрѣтить ее за васъ: вы устали,—предложила съ готовностью Марья Андреевна начальницѣ.

Не успѣла отвѣтить своей помощницѣ Валерія Сергѣевна, какъ отчаянный лай загремѣлъ по всей усадьбѣ. Два злющихъ дворовыхъ пса, Полканъ и Рябчикъ, оглушительно заливались теперь на весь лѣсъ. Имъ откликнулся звонкимъ тявканьемъ Жучокъ, пулей сорвавшійся съ мѣста, и съ быстротою молніи исчезъ въ чащѣ кустовъ.

Дѣти испуганно устремили глаза туда, откуда несся подозрительный шорохъ, трещали сучья подъ чьими-то быстрыми шагами и гдѣ отчаянно метался, словно обезумѣвшій, Жучокъ.

— Тамъ есть кто-то чужой!—вскрикнули лѣсныя дѣвочки.

— Неужели волкъ!? — испуганно взвизгнула Катиша-трусиша, прячась за спину сестры и собираясь заревѣть.

— Волкъ не волкъ, а медвѣдей цѣлый полкъ,— подзадорила ее Софочка.

— Или разбойникъ!—прибавила Люся.

— Нѣтъ, просто новый индѣецъ изъ племени лѣсныхъ братьевъ,—сдѣлалъ свое предположеніе Слава, бредившій разсказами о краснокожихъ.

— Кхи, кхи, кхи, я боюсь...—снова запищала Катиша-трусиша, мѣняясь въ лицѣ.

— Слава, дай мнѣ твою палку, я буду охранять маму-Валю отъ разбойниковъ и волковъ,—взволнованно закричала Саша-растеряша и, энергично выхватывая изъ рукъ Славы фуражку, которую тотъ снялъ съ головы, по разсѣянности замахнулась ею, какъ тросточкой, на невидимаго врага.

— Ай! Ты же меня задѣла!—запищала Катиша-трусиша, хватаясь за носъ, которому нечаянно попало отъ руки энергичной Саши.

— Нѣтъ, ужъ если на то пошло, то защищать васъ всѣхъ буду я! Вѣдь я среди васъ единственный мужчина.

И Слава, гордо поднявъ палку одной рукой, другой лихо уперся въ бокъ и выступилъ впередъ съ видомъ настоящаго вояки.

Въ тотъ же мигъ кусты зашуршали сильнѣе. Зашуршали и раздались на обѣ стороны подъ чьей-то энергичной рукой, и передъ лицомъ двѣнадцати пансіонерокъ, ихъ четырехъ воспитательницъ и двухъ «хозяйскихъ» дѣтей появилось что-то такое необычайное, странное, смѣшное и удивительное, что всѣ присутствовавшіе остолбенѣли отъ неожиданности и удивленія...

IV.

Неужели это она?

ПЕРЕДЪ воротами убѣжища стояла рослая, крѣпкая, здоровая фигурка, въ шляпѣ грибомъ, въ высоко подоткнутой юбкѣ, съ перекинутымъ за плечи узелкомъ, привѣшеннымъ на концѣ палки-дубинки, которую она держала, какъ коромысло. На другомъ концѣ здоровенной дубинки болтались сапоги съ засунутыми внутрь ихъ чулками и подвязками. Изъподъ гриба-шляпы можно было только разсмотрѣть нижнюю часть лица, здоровенныя, пышущія румянцемъ щеки и совершенно дочерна загорѣлую шею. Такія же загорѣлыя были и руки, длинные, сильные пальцы которыхъ крѣпко вцѣпились въ конецъ палки. Дно шляпы-гриба отстало за ветхостью, и сквозь образовавшееся отверстіе можно было разглядѣть на головѣ коротенькую и густую-прегустую шевелюру темнорусыхъ волосъ.

На видъ, по росту, вновь появившейся можно было дать лѣтъ двѣнадцать-тринадцать; она на цѣлый вершокъ, казалось, была выше Липы, Вѣры и Мани, самыхъ большихъ дѣвочекъ убѣжища. А среди худень-

кихъ, хрупкихъ, болѣзненнаго вида воспитанницъ казалась настоящимъ богатыремъ.

Странная дѣвочка, не спѣша, вылѣзла изъ кустовъ, степенно переступая босыми ногами, приблизилась къ группѣ изумленно, во всѣ глаза смотрѣвшихъ на нее людей и, ни къ кому не обращаясь, спросила:

— А гдѣ здѣсь будетъ начальница?—и сдвинувъ на затылокъ шляпу, какъ это дѣлаютъ мальчики, внимательнымъ взоромъ обвела всѣхъ присутствовавшихъ.

Глаза у нея были маленькіе, смѣющіеся и задорные. Голосъ грубоватый, какъ у мальчика, а большой ротъ при улыбкѣ открылъ два ряда такихъ ослѣпительно бѣлыхъ зубовъ, что бѣлизна ихъ могла сравняться развѣ съ однимъ миндалемъ, снѣгомъ или сахаромъ.

Когда шляпа дѣвочки съѣхала на затылокъ, на лбу оказался презабавный хохолокъ, потѣшно отдѣлившійся отъ общей щетинки дыбомъ стоявшихъ, какъ у ежика, короткихъ волосъ.

— Начальница лѣсного убѣжища—я. Что тебѣ надо отъ меня, дѣвочка?—ласково обратилась къ странной посѣтительницѣ Валерія Сергѣевна.

— Очень пріятно познакомиться съ вами,—произнесла странная дѣвочка, безцеремонно разглядывая госпожу Симановскую и въ то же время нѣсколько разъ подъ рядъ кивая ей головой, какъ равная равной.—Я о васъ слышала много, очень много хорошаго. И хотя не очень-то обрадовалась, когда мнѣ велѣли ѣхать сюда, ну, да дѣлать нечего, пришлось, какъ видите, покориться. Позвольте представиться пока-

мѣстъ: меня зовутъ Кодя Танѣева. Мнѣ девять лѣтъ. Пріѣхала поступить въ лѣсное убѣжище къ вамъ, хотя, повторяю, я не очень-то рада этому. Но, надѣюсь, какъ-нибудь привыкну, да и вы останетесь мною довольны, хотя я большая шалунья.

Тутъ дѣвочка схватилась за концы своей высоко подобранной юбки и отвѣсила изумленной Валеріи Сергѣевнѣ очень глубокій и очень почтительный реверансъ.

— Кодя! Кодя! Неужели это она!? Неужели тринадцатая дѣвочка!? Неужели это и есть та сиротка, которую мы такъ долго ожидали къ намъ?—зазвучали вокругъ необыкновенной, молоденькой особы взволнованные дѣтскіе голоса.

— Она и есть, — увѣренно произнесла Кодя и быстрыми, плутоватыми глазками обѣжала снова лица будущихъ подругъ. — Ба! Мальчуганъ! — неожиданно весело вскричала она при видѣ Славы, и радостная улыбка озарила, какъ солнце, ея некрасивое, большеротое, мальчишеское лицо. — Вотъ-то не ожидала, что встрѣчу здѣсь мальчишку! Очень рада! Очень рада! Я люблю мальчишекъ больше, чѣмъ дѣвочекъ. Дѣвчонки плаксы, трусихи, ревутъ изъ-за всякаго пустяка. А мальчуганы молодцы. Совсѣмъ иное дѣло. Какъ тебя зовутъ? Хочешь быть моимъ пріятелемъ и другомъ? — неожиданно подбѣгая къ Славѣ и изо всѣхъ силъ хлопая его по плечу, заключила вопросомъ свою рѣчь Кодя.

— А ты любишь играть въ индѣйцевъ?—въ свою очередь освѣдомился съ озабоченнымъ видомъ Слава.

Но новенькая не успѣла ему отвѣтить. Валерія Сергѣевна рѣшительно взяла ее за руку и притянула къ себѣ.

— Послушай, однако, Кодя, какъ ты попала сюда? Я искала тебя на станціи, въ вагонахъ, всюду. И вдругъ, совсѣмъ неожиданно ты появляешься передъ нами изъ кустовъ. Скажи мнѣ, по крайней мѣрѣ, какъ это все случилось.

— Какъ случилось? Гм, гм, гм, какъ случилось...

Дѣвочка вскинула на начальницу свои маленькіе глазки, отчаянно затеребила хохолокъ на лбу, посмотрѣла на небо, потомъ по направленію чащи, и тогда только начала говорить.

— Меня посадили въ вагонъ, вмѣстѣ съ дорожными попутчиками, друзьями покойнаго папы,—уже совсѣмъ инымъ, серьезнымъ тономъ сказала Кодя.—Они должны были довезти меня до мѣста... Но городъ, куда они ѣхали, оказалось, находится, не доѣзжая вашего убѣжища. Они вышли, такимъ образомъ, на три часа раньше меня, строго-настрого приказавъ мнѣ ѣхать смирнехонько до вашей станціи и ждать васъ тамъ въ вагонѣ, словомъ, быть умной и во всѣхъ отношеніяхъ благовоспитанной дѣвицей. Ну, хорошо, я и поѣхала... А по дорогѣ мнѣ пришла маленькая, совсѣмъ маленькая мысль—сдѣлать пріятный сюрпризъ, явившись въ убѣжище самымъ неожиданнымъ образомъ. Я незамѣтно выскользнула изъ вагона на вашей станціи, прошмыгнула къ вашей коляскѣ и, незамѣченная вами, проѣхала съ вами же три четверти всего пути...

— Какъ, со мною? Въ моей коляскѣ? — удивилась Валерія Сергѣевна.

— Ну, не совсѣмъ въ коляскѣ,—засмѣялась Кодя, при чемъ ея зубы сверкнули, какъ жемчужины. — Я примостилась позади коляски, знаете, какъ это дѣлаютъ ловкіе мальчуганы и мои большіе друзья...

— Ахъ!—вырвалось при этихъ словахъ съ неподдѣльнымъ ужасомъ изъ груди трехъ воспитательницъ и няни.—Она ѣхала, прицѣпившись у задка коляски, какъ уличный мальчуганъ!

Лѣсныя дѣвочки раскрыли рты при такомъ заявленіи. Одна только Софочка тихонько засмѣялась, прикрывъ рукою губы и бойко переглянувшись съ Люсей и Славой, повидимому очень сочувствовавшими поступку новой воспитанницы.

Послѣдняя, какъ ни въ чемъ не бывало, бойко поглядывала на присутствовавшихъ тѣмъ же своимъ лукавымъ, смѣющимся взглядомъ и плутовато подмигивала Славѣ и Люсѣ, сочувственно улыбавшимся ей.

Кодя продолжала:

— За нѣсколько минутъ пути до пріѣзда сюда, я соскочила съ моего неудобнаго сидѣнья и рѣшила пройтись пѣшкомъ, чтобы поразмять ноги. Да и интереснѣе пѣшкомъ прогуляться въ такую погоду. Вотъ, я сняла сапоги, подыскала палку и превратилась, какъ видите, въ настоящую странницу и богомолку, какихъ рисуютъ на картинкахъ. И вотъ я здѣсь...

— Очень жаль, что ты появилась такъ, а не иначе,—проговорила серьезнымъ тономъ Марья Андре-

евна.—Мы готовили тебѣ здѣсь торжественную встрѣчу, а ты предпочла другой способъ явиться сюда.

— Это ничего! — бойко отвѣтила новенькая, — встрѣчу можно устроить и сейчасъ. Никогда не поздно устраивать встрѣчи. Для начала я сяду на этотъ пень, а вы подходите ко мнѣ и привѣтствуйте меня съ пріѣздомъ... Подношенія и рѣчи я принимаю отъ сердца... Однако, медлить нечего. Разъ! Два! Три! Не томите меня, пожалуйста, такъ какъ сидѣть долго на одномъ мѣстѣ я не умѣю.

И Кодя, перебирая быстро-быстро своими босыми пятками, подбѣжала къ пню срубленной широченной сосны, преважно разсѣлась на немъ, поджавъ подъ себя босыя ножки, расправила тщательнымъ образомъ юбку и приготовилась слушать и смотрѣть

V.

Первый блинъ комомъ.

ПЕРВЫМИ выступили впередъ Ляля-малютка и бѣлокурая Наташа съ двумя огромными букетами незабудокъ въ рукахъ. За ними шла Софочка и, скосивъ глаза въ сторону, усиленно твердила слова ею же самой выдуманной рѣчи.

— Здравствуй, новенькая!—произнесла бойко скороговоркой Софочка, приблизившись къ Кодѣ и отвѣсивъ ей низкій поклонъ.—Мы тебя ждали, ждали, цвѣты тебѣ рвали, рвали, другомъ тебѣ быть обѣщали. Тебя рѣшили любить и ласкать, всячески вмѣстѣ тебя развлекать. Дѣлиться съ тобою каждой конфеткой, а при случаѣ, можетъ быть, и котлеткой. Отнюдь тебя не сердить и подругами вѣрными быть...

— И вмѣстѣ шалить... — подсказалъ Слава, и Софочка подхватила его слова къ общему удовольствію.

— И вмѣстѣ шалить!... Ха, ха, ха! Непремѣнно! Ха, ха, ха!—отозвалась новенькая. — Шалить я люблю, шалю, когда вздумается. И вотъ я какая зато здоровячка! Глядите, какіе у меня мускулы!

Она живо отвернула рукава своей кофты до самаго плеча и крѣпко сжала въ локтѣ руку.

Слава, какъ знатокъ въ вопросѣ о силѣ, подошелъ и съ многозначительнымъ видомъ посмотрѣлъ на Кодины «мускулы»—толстенькій небольшой шарикъ, налившійся у нея на рукѣ. И тутъ же одобрилъ ихъ.

Подошелъ и Жучокъ, съ глубокомысленнымъ видомъ взглянулъ на «мускулы», обнюхалъ ихъ тщательно и тоже одобрилъ, неожиданно взвизгнувъ отъ удовольствія.

Потомъ выступили Вѣра, Сара Блюмъ и Оля Хмурова со своими «сладкими» подарками, какъ прозвала ихъ подношенія проказница Софочка.

— Это мы тебѣ гостинцы приготовили: пастилу, пряники и лѣсную землянику,—просто сказала Вѣра, серьезнымъ взглядомъ окидывая новенькую.

— Земляника, пастила, говорите! Очень хорошо! Если бы я знала, что получу такія вкусныя вещи, я бы поступала въ убѣжище не менѣе трехсотъ шестидесяти разъ въ году!—весело вскричала Кодя, уставляя свободное около нея мѣстечко всѣми поднесенными ей лакомствами.

— А вотъ и живой кузнечикъ, котораго я поймала нарочно для тебя въ лѣсу,—подходя къ новенькой, произнесла въ свою очередь Катиша-трусиша и протянула ей тщательно обвязанную бумагой банку.

Новенькая съ живѣйшимъ интересомъ схватилась за банку.

— Живой кузнечикъ! Онъ стоитъ того, чтобы разсмотрѣть его хорошенько со всѣхъ сторонъ!

Она осторожно развязала банку и заглянула въ нее.

— Тише, ради Бога, тише! — вскричали дѣвочки.— Онъ улетитъ.

— Онъ улетитъ!—вторилъ имъ Слава.

— Гамъ! Гамъ! Гамъ!—сдѣлалъ то же самое предположеніе на своемъ собачьемъ языкѣ и Жучокъ.

— Да гдѣ же онъ, наконецъ, кузнечикъ? Банка пуста!—разочарованно протянула новенькая.

Четырнадцать дѣтскихъ головъ и одна собачья теперь окружили банку.

Она оказалась на самомъ дѣлѣ пустой. Въ ней не было никакого кузнечика. Рѣшительно не было ничего.

— Господа,—воскликнулъ Слава, — онъ или улетѣлъ, или его съѣлъ Жучокъ. Жучокъ, открой ротъ!— приказалъ онъ тутъ же своему другу начальническимъ тономъ.

Обиженный Жучокъ предпочелъ отойти прочь съ оскорбленнымъ видомъ, нежели открывать ротъ. Его собачье самолюбіе не допускало никакихъ обидныхъ подозрѣній.

— Ай, ай, ай!.. И незабудокъ нѣтъ, и земляники тоже!—неожиданно вскричала Люся.

Дѣйствительно, ни земляники, собранной въ лѣсу Олей, ни незабудокъ, нарванныхъ всѣми дѣтьми вмѣстѣ, не оказалось подлѣ древеснаго пня, на которомъ сидѣла Кодя. Зато на ихъ мѣстѣ стояла Болтушка и съ весьма глупымъ и самодовольнымъ видомъ поглядывала на дѣтей.

— Ахъ, какая чудесная дурочка!—вскричала Кодя и съ размаху обняла овечку.

Болтушкѣ далеко не понравилась эта «нѣжность». Испуганнымъ прыжкомъ она отскочила отъ Коди и въ карьеръ помчалась въ чащу.

— Что! Удираешь! Какъ бы не такъ! — весело вскричала новенькая и, мгновенно вскочивъ съ пня, стремительно помчалась за Болтушкой.

— Я тебя поймаю! Сейчасъ поймаю! Вотъ увидишь, глупышка!—кричала, смѣясь, дѣвочка, продолжая во весь духъ мчаться за овцой.

За Кодей, въ свою очередь, мчался Жучокъ, заливчато лая, не имѣя достаточно силы воли удержаться на мѣстѣ при видѣ бѣгущихъ людей.

За Жучкомъ кинулся Слава, отчаянно выкрикивая:

— Назадъ! Назадъ! Тубо, Жучокъ! Разбойникъ ты этакій! Тубо, тебѣ говорятъ!

И всѣ четверо скрылись въ ближайшей чащѣ деревьевъ и кустовъ.

— Какая странная дѣвочка!—проговорила Валерія Сергѣевна, задумчиво глядя вслѣдъ Кодѣ.

— И весьма, — поддакнула Анна Васильевна. — Судя по первымъ ея шагамъ въ нашемъ убѣжищѣ, отчаянная шалунья, а во всякомъ случаѣ, превеселая дѣвчурка, очень живая, бойкая, смѣлая...

Марья Андреевна тихо покачала головой.

— Боюсь одного только: не причинила бы она слишкомъ много хлопотъ нашему тихому лѣсному убѣжищу своей слишкомъ буйной натурой.

Няня Ненилушка, поправивъ очки, сползшія на носъ, проговорила ворчливо:

— Поздравляю васъ, государыньки мои. Приняли

къ намъ какого башибузука! Сорви-голову! Я бы ее ни за что не оставила здѣсь!

— А все-таки ее нельзя отослать обратно, —тихо, чтобы не быть услышанной дѣтьми, произнесла Валерія Сергѣевна.—Дѣвочкѣ некуда дѣваться—это разъ, а пересылать ее въ другое, болѣе подходящее къ ея характеру воспитательное заведеніе тоже нельзя. Ея мать и бабушка, насколько я слышала, умерли отъ чахотки. Кто знаетъ, можетъ быть, и въ этой здоровой, крѣпкой дѣвочкѣ таится тотъ же недугъ. Нашъ же лѣсной воздухъ, насыщенный смолою, не можетъ не принести ей пользы.

— Ишь, ты!.. Чахоточная и впрямь! Щеки, того и гляди, лопнутъ отъ здоровья!—заворчала снова няня Ненилушка и, неожиданно всплеснувъ руками, закричала отчаяннымъ голосомъ:

— Глядите-ка-сь, глядите, что надѣлала чахоточная ваша! Батюшки мои! Да гдѣ-жъ это ты портретъ свой такъ попортила, государынька ты моя!—и, еще разъ всплеснувъ руками, няня съ живостью молоденькой дѣвушки бросилась навстрѣчу выбѣжавшей изъ чащи Кодѣ, тащившей за рога Болтушку.

Впрочемъ, выскочившая изъ лѣса Кодя была похожа сейчасъ на недавнюю дѣвочку Кодю, какъ можетъ развѣ походить негритянка на жительницу европейской страны.

Однако, и Болтушка ей не уступала въ этомъ. И дѣвочка, и овца были сплошь покрыты черными комьями прилипшей къ нимъ грязи. Свѣтлое платье Коди, бѣлая шерсть овечки, руки и ноги дѣвочки —

— Я тебя поймаю! Сейчасъ поймаю!—кричала, смѣясь, дѣвочка...

Гос.
Публичная
Библиотека
в
Ленинграде

все это было чернѣе ночи. Но маленькіе плутовскіе глазенки дѣвочки сверкали неподдѣльнымъ восторгомъ, когда она, размахивая грязными руками, похожими на руки трубочиста, только что вылѣзшаго изъ трубы, закричала громкимъ голосомъ, заставившимъ снова отчаянно забезпокоиться сторожевыхъ псовъ, Рябчика и Полкана:

— Это ничего! Мы выкупались чуть-чуть въ канавѣ, но это ничего, увѣряю васъ... А все-таки я ее поймала въ концѣ концовъ. Видите, поймала!

И она съ торжественнымъ видомъ вытолкнула впередъ Болтушку.

— Ну, не башибузукъ ли это? — воскликнула въ новомъ порывѣ отчаянія няня, и ея круглыя очки совсѣмъ соскочили съ носа.—Угодники, Святители Божіи! Не въ наказаніе ли за грѣхи какіе прислана къ намъ эта дикая дѣвчонка, сорви-голова?

— Тринадцатая дѣвочка по счету, вотъ отчего происходитъ все это. Тринадцатая она, нянюшка, а это не къ добру,—тихо, приблизившись къ старушкѣ, шепнула ей Маня Кузьмина.

— И личность, портретъ свой, и платье, и ноги, все, какъ есть, въ грязи обваляла, безстыдница!—не слушая ея, причитала нянька.

— Ну, ничего, ничего, — успокаивала расходившуюся Ненилушку Марья Андреевна, — и лицо, и платье, и ноги можно вымыть сейчасъ же... Кстати, приготовь ванну для новенькой, нянюшка, я пришлю ее сейчасъ.

— Да ужъ ладно, присылайте,—отозвалась та, —

да мыла побольше выдайте. Чтобы на трехъ трубочистовъ хватило мыла-то, а ужъ вымою ее на славу!— приходя въ свое обычное добродушное состояніе, заключила няня.

Въ это время подошедшій къ сестрѣ, Слава восторженно шепнулъ на ухо Люсѣ:

— Какъ она бѣгаетъ! Какъ она бѣгаетъ, если бы ты видѣла только! И канавы перепрыгиваетъ не хуже любого мальчика. Нѣтъ, что ни говорите, а новенькая молодчинища!

VI.

Первыя сутки въ Лѣсномъ убѣжищѣ.

Кодя Танѣева, чистенько умытая, въ бѣлой ночной кофточкѣ и такомъ же чепцѣ, лежитъ въ своей кровати, въ тринадцатой по счету кровати, приставленной къ остальнымъ двѣнадцати, выстроеннымъ въ два правильные ряда посреди просторной комнаты, помѣщающейся во второмъ этажѣ зданія.

Большая комната—спальня воспитанницъ убѣжища. Послѣ ужина, состоявшаго изъ горячей яичницы-глазуньи, стакана молока и вкусной домашней булочки, полагавшихся на каждую воспитанницу, всѣхъ дѣвочекъ, по прочтеніи вечерней молитвы, привели сюда. Принявъ теплую ванну и переодѣвъ собственное бѣлье на новое убѣжищное, пришла сюда и Кодя.

Марья Андреевна приказала воспитанницамъ ложиться, а сама, присѣвъ на край Кодиной кроватки, стала посвящать новенькую въ предстоящую ей новую жизнь.

Дѣвочка очень внимательно слушала наставницу, таращила изо всѣхъ силъ сонные глазки, очень до-

Гос. публичная библиотека

бросовѣстно соглашалась со всѣмъ, что говорила ей ея воспитательница.

— Дѣвочки, призрѣваемыя въ Лѣсномъ убѣжищѣ, должны быть трудолюбивы, ласковы и послушны.

— Да, понимаю...

— Онѣ должны сами работать на себя, должны убирать свои постели и рабочіе шкапчики, должны умѣть сами причесываться и одѣваться, должны быть всегда аккуратны и чистоплотны.

— Очень хорошо.

— Что хорошо?

— Да что онѣ должны быть очень аккуратны...

— Имъ не слѣдуетъ лазить по деревьямъ и прыгать черезъ канавы, какъ это дѣлаютъ уличные мальчишки.

— Ну, понятно, разъ онѣ дѣвочки.

— Воспитанницы встаютъ въ восемь часовъ, молятся на общей молитвѣ, пьютъ молоко и занимаются, съ маленькими промежутками, отъ девяти часовъ до одиннадцати лѣтомъ, и отъ девяти до двухъ зимою,—продолжала наставлять Марья Андреевна.— Лѣтомъ мы только читаемъ, пишемъ и повторяемъ пройденное по Закону Божію и ариѳметикѣ. Въ двѣнадцать часовъ обѣдъ. Послѣ обѣда дѣвочки работаютъ въ саду и на огородѣ, играютъ и гуляютъ до четырехъ. У каждой изъ нихъ есть своя грядка для овощей и клумба съ цвѣтами, за которыми онѣ должны тщательно ухаживать. Въ четыре часа пьютъ снова молоко, или ѣдятъ простоквашу. До ужина, если стоитъ хорошая погода, мы совершаемъ дальнія про-

гулки въ лѣсъ. Въ дурную же погоду я читаю дѣтямъ, а онѣ работаютъ, вяжутъ или вышиваютъ что-нибудь. Въ восемь часовъ—ужинъ, молитва, и всѣ должны ложиться спать. Я надѣюсь, Кодя, ты скоро привыкнешь къ такому порядку дня.

Марья Андреевна ласково дотронулась до волосъ Коди, провела рукою по головѣ и заглянула въ лицо дѣвочки.

Кодя молчала, отчаянно теребила вихоръ и молчала.

— Ты слышишь, что я тебѣ говорю, Кодя?—снова возвысила голосъ молодая воспитательница.

Новое молчаніе было ей отвѣтомъ.

— Кодя, отвѣчай же мнѣ, наконецъ!

— Ммымъ!—произнесли неопредѣленно крупныя румяныя губы новенькой.

— Что съ тобою?

Опять молчаніе, еще болѣе продолжительное, нежели прежде.

Марья Андреевна тревожно наклонилась надъ дѣвочкой и заглянула ей въ лицо.

— Боже мой! Да она заснула, спитъ!—вырвалось изъ груди наставницы.

Дѣйствительно, утомленная долгой дорогой, новыми впечатлѣніями и теплой ванной, Кодя Танѣева спала непробуднымъ сномъ золотого здороваго дѣтства.

* *
*

Въ Лѣсномъ убѣжищѣ постепенно стихаютъ вечернiе звуки. Дѣвочки, вдоволь нагулявшіяся за день и

порядочно-таки разморившіяся на свѣжемъ воздухѣ, дремлютъ въ своихъ постелькахъ. Старый лѣсъ за окнами стережетъ ихъ покой. Старый лѣсъ нашептываетъ такія дивныя пестрыя сказки, баюкаетъ и нѣжитъ безмятежное спокойствіе дѣтскаго сна колыбельною пѣсенкой — шопотомъ деревьевъ и скрипѣніемъ вѣковыхъ сосенъ...

Но слабыя, хрупкія дѣти засыпаютъ не скоро.

Высокая Липа долго ворочается на своей кровати. Наля-сказочница шопотомъ разсказываетъ Вѣрѣ одну изъ безчисленныхъ своихъ волшебныхъ сказокъ. Катиша-трусиша давно уже перепрыгнула на постель сестры и, трясясь отъ страха, увѣряетъ, что подъ окнами дома навѣрное бродятъ волки по ночамъ. Саша-растеряша ищетъ ночную кофточку, которая давнымъ-давно одѣта на ней. Ляля-малютка и Наташа Чижова самымъ серьезнымъ образомъ укладываютъ въ постель большую куклу съ разбитымъ носомъ. Софочка шепчетъ своей сосѣдкѣ Ганѣ: «какая странная эта новенькая — ждали мы бѣдную, слабенькую, печальную сиротку, а пріѣхалъ разбойникъ какой-то. Но она мнѣ нравится, во всякомъ случаѣ, больше, нежели если бы она была другою».—«Трудно ей будетъ привыкать къ нашей тихой жизни»,—говоритъ несловоохотливая Ганя. Сара Блюмъ тихо плачетъ, вспоминая больного отца. Суевѣрная Маня передъ тѣмъ, какъ лечь въ постель, долго креститъ всѣ углы спальни, соскакиваетъ съ кровати, креститъ порогъ у двери и снова возвращается въ постель, смѣшно пятясь, какъ ракъ. Это она дѣлаетъ для того, чтобы не случилось

какого-нибудь несчастія у нихъ въ убѣжищѣ за ночь. Маня твердо убѣждена, что всякое горе, печаль и невзгода никогда не явятся человѣку, если пятиться такимъ образомъ въ кровать отъ двери.

Но вотъ къ десяти часамъ вечера все стихло, наконецъ, и дѣвочки понемногу уснули. Когда докторъ Анна Васильевна за два часа до полуночи прошлась по спальнѣ, дѣлая свой обычный вечерній обходъ, дружное сонное дыханіе тринадцати дѣвочекъ ясно долетѣло до ея слуха.

VII.

Немножко прошлаго.

На большихъ часахъ въ столовой пробило два.

Кодя проснулась, широко раскрыла удивленные глаза и, ничего не соображая, нѣсколько разъ окинула взоромъ окружавшую ее обстановку.

— Гдѣ я? — изумилась дѣвочка, но скоро сообразила, въ чемъ дѣло, и произнесла съ улыбкой:—ахъ, да, въ убѣжищѣ!.. Но почему такъ пасмурно нынче? Вѣрно дождь или туманъ на дворѣ.

И чтобы убѣдиться въ своемъ предположеніи, Кодя вскочила съ постели и неслышно подбѣжала къ окошку.

Ни дождя, ни тумана не было. Ранній лѣтній разсвѣтъ глядѣлъ въ окна лѣсного убѣжища. Только легкая, сѣрая, предутренняя пелена окутывала лѣсъ.

— Должно быть, еще очень рано, — сообразила Кодя, — но мнѣ спать совсѣмъ не хочется, — рѣшила она, возвращаясь въ постель.

Опустивъ всклокоченную голову на подушку, Кодя

стала думать обо всемъ томъ, что еще недавно происходило съ нею.

Ея папа (мамы она не помнитъ) былъ капитаномъ на одномъ изъ черноморскихъ пароходовъ, плавающихъ между Севастополемъ и Ялтой. Она, Кодя, жила въ Ялтѣ у папина друга, добраго старичка, котораго звала дѣдушкой. Часто-часто папа бралъ Кодю къ себѣ на судно, и она совершала съ нимъ рейсы по Черному морю. Чудесные это были рейсы. Папина команда очень любила «капитанскую дочку». Матросы дарили ей раковины и морскія звѣзды, учили ее лазить по мачтамъ, разсказывали ей о незнакомыхъ краяхъ, о чужихъ странахъ, куда нѣкоторые изъ нихъ плавали по океану.

Папа обожалъ свою Кодю.

— Ты у меня храбрая, тебѣ бы мальчикомъ родиться, такая ты смѣлая и ловкая,—говорилъ смѣясь папа, лаская свою дѣвочку и приглаживая непокорные вихры Коди. — Погоди, я вскорѣ поступлю на большое океанское судно капитаномъ и тебя юнгой къ себѣ возьму, — прибавлялъ онъ часто, заставляя Кодино сердечко замирать восторгомъ отъ этихъ словъ.

Дѣйствительно, Кодѣ надо было родиться мальчикомъ: она плавала, какъ рыба, лазила по мачтамъ не хуже любого матроса; проворная и ловкая, умѣла распознавать направленіе вѣтра, грести не хуже самого капитана и править рулемъ, какъ любой опытный рулевой.

Въ восемь лѣтъ Кодя казалась двѣнадцатилѣтней. Здоровая, сильная, рослая и коренастая, дѣвочка не призна-

вала длинныхъ волосъ, локоновъ и причесокъ и умоляла отца стричь ее подъ гребенку, какъ мальчугана.

Въ зимнее время Кодя жила въ Ялтѣ, училась съ внучатами папина друга—дѣдушки и съ нетерпѣніемъ ждала весны, чтобы снова совершать вмѣстѣ съ отцомъ обычные рейсы на пароходѣ.

Но пришла весна и принесла несчастіе бѣдной, маленькой Кодѣ. Въ одну ненастную бурную ночь волны кинули на подводную скалу пароходъ, ввѣренный Кодину отцу. Пароходъ пошелъ ко дну. Вся команда спаслась, всѣ до единаго, кромѣ самого капитана. Кодинъ отецъ утонулъ вмѣстѣ съ остовомъ своего разрушеннаго парохода.

Когда Кодѣ осторожно и мягко сказали про ея огромное горе, дѣвочка не пролила ни единой слезы. Она только до крови закусила губы и поблѣднѣла такъ, что окружающимъ стало страшно за нее. Всѣ слѣдующіе дни она молчала. Ходила на берегъ, смотрѣла на море и молчала... Боялись, что она помѣшается отъ горя, старались развлекать ее—ничто не помогало. Наконецъ рѣшили послать ее въ Лѣсное убѣжище, начальница котораго была хорошо знакома другу Кодина папы. Надѣялись, что въ убѣжищѣ, среди многихъ дѣвочекъ и на новомъ мѣстѣ, съ новыми впечатлѣніями, Кодя скорѣе забудетъ ужасное горе.

Черезъ мѣсяцъ, другой послѣ гибели отца, Кодя оправилась незамѣтно. Снова зазвенѣлъ ея голосокъ, снова лазила она по деревьямъ, замѣнявшимъ ей мачты,

каталась въ лодкѣ, собирала ракушки и ловила морскія звѣзды и крабовъ на морскомъ берегу.

— Какая безчувственная дѣвочка,—говорили про нее окружавшіе,—какъ она скоро забыла своего отца. Смотрите, она совсѣмъ не груститъ по немъ и не плачетъ.

Ахъ, какъ это было несправедливо!

Кодя такъ горячо любила своего дорогого папочку, такъ думала о немъ постоянно, когда оставалась одна! Но плакать она не умѣла. Кодя была закаленнымъ маленькимъ «юнгой», готовымъ принять всѣ ужасныя превратности судьбы смѣло и стойко. Развѣ она была виновата въ этомъ?

VIII.

Выдумка Коди.

БѢЛАЯ лѣтняя ночь смотрѣла въ окна. Птицы въ кустахъ огромнаго лѣса трепыхались тихонько, почуявъ скорое появленіе зари.

Кодя снова, на этотъ разъ медленно, сползла съ постели, выдвинула ящикъ стоявшаго близъ кровати комода, куда съ вечера Марья Андреевна приказала ей уложить ея вещи, и вынула изъ него какой-то плоскій твердый предметъ, завернутый въ чистую тряпочку. Быстрыми ловкими пальцами Кодя развернула пакетъ. Это была фотографическая карточка, вставленная въ скромную кипарисовую раму. Изъ бортовъ рамы глядѣло на дѣвочку мужественное и смѣлое, обросшее густой бородою, лицо, съ честнымъ открытымъ взоромъ.

Кодя долго, не двигаясь, смотрѣла въ лицо, изображенное на портретѣ. Ея маленькое сердце сильно билось въ этотъ мигъ. Мрачная черточка-морщинка залегла между бровей, и все лицо вслѣдствіе этого стало

грустнымъ и унылымъ. Теперь она вся казалась жалкой и печальной.

— Папочка,—прошептали, наконецъ, большія блѣдныя губы дѣвочки,—дорогой мой, ненаглядный мой папочка! Видишь ли ты сейчасъ твою Кодю? Чувствуешь ли ты, какъ твой маленькій юнга тоскуетъ по тебѣ? Милый ты мой, милый папочка, незабвенный дружочекъ мой! Твоя Кодя уѣхала далеко отъ твоей могилы—большого синяго моря, сокрывшаго тебя навсегда... Я теперь, папочка, въ убѣжищѣ, гдѣ много слабенькихъ, хрупкихъ и болѣзненныхъ дѣвочекъ, которыя совсѣмъ-совсѣмъ не похожи на твою сильную, здоровую Кодю... Мнѣ стало смѣшно и грустно, когда я увидѣла ихъ сегодня всѣхъ... Еще бы! Онѣ боятся ходить босикомъ, чтобы не простудиться, не бѣгаютъ, чтобы не запыхаться, кушаютъ бѣлый хлѣбъ, чтобы чернымъ не отягощать желудка, не то, что твоя Кодя, папочка, не признававшая простуды, усталости и уплетавшая съ такимъ удовольствіемъ здоровыя краюхи чернаго солдатскаго хлѣба съ солью... Всѣ здѣсь смотрятъ на меня, точно я бенгальскій тигръ или дикій олень, а не дѣвочка, пріѣхавшая съ моря... Ахъ, папочка, твоей Кодѣ будетъ очень скучно съ ними! Твой маленькій юнга умретъ здѣсь съ тоски или превратится въ такую же недотрогу-дѣвочку, какъ и всѣ остальныя...

Легкій шорохъ за окномъ прервалъ горячій, тихій шопотъ дѣвочки. Она быстро завернула и спрятала портретъ въ ящикъ комода, потомъ снова заглянула въ окно.

Заря еще не появлялась, но край неба уже чуть порозовѣлъ.

Внизу, въ столовой, часы пробили три удара; имъ откликнулись тѣ, что висѣли въ классной. Разъ! Два! Три!

Кодя сидѣла на подоконникѣ, болтала ногами и, глядя на часы, думала:

— Три часа только... Какъ далеко еще до утра! И какая ужасная мертвая тишина!.. Можно умереть съ тоски. Что бы сдѣлать такое, чтобы скорѣе настало утро?

Кодя задумывается на минуту, хмуритъ брови, морщитъ лобъ и отчаянно теребитъ хохолъ. Вдругъ плутовская улыбка освѣщаетъ ея лицо. Ея губы улыбаются. Зубы сверкаютъ. Счастливая мысль. Прекрасный планъ. Слѣдуетъ во что бы то ни стало привести его въ исполненіе.

Босая, въ одной сорочкѣ, Кодя соскакиваетъ съ окна, скользитъ мимо двухъ рядовъ кроватокъ, проскальзываетъ бочкомъ мимо большой, поставленной у самой печки, кровати няни Ненилушки, и пулей выскакиваетъ за дверь.

Спуститься по лѣстницѣ въ первый этажъ дома, гдѣ находятся классная, столовая и кухня, для Коди— дѣло нѣсколькихъ мгновеній. Въ столовой старинные часы съ кукушкой показываютъ ровно пять минутъ четвертаго. Нѣтъ ничего легче для Коди, какъ придвинуть къ стѣнѣ стулъ, вскочить на него и, протянувъ руку, перевести стрѣлку на восемь часовъ утра. Затѣмъ Кодя соскакиваетъ со стула и мчится въ класс-

ную. Здѣсь она дѣлаетъ то же, что и въ столовой: подставляетъ подъ часы стулъ, быстро вскакиваетъ на него, протягиваетъ руку къ часовой стрѣлкѣ и ставитъ ее на цифру восемь.

— Теперь скорѣе въ кухню,—подбодряетъ сама себя дѣвочка.

Въ кухнѣ стряпуха Лиза, полновѣсная особа, необъятной толщины, храпитъ такъ, какъ врядъ ли смогутъ храпѣть всѣ взятые вмѣстѣ медвѣди въ ихъ сонное зимнее время... Лиза во снѣ выдѣлываетъ такія рулады носомъ, какимъ навѣрное позавидовалъ бы любой флейтистъ. По лицу сладко спящей Лизы привольно разгуливаютъ мухи.

Все это отнюдь не мѣшаетъ Кодѣ влѣзть на кухонный столикъ, и въ нѣсколько секундъ она продѣлываетъ съ кухонными часами то же самое, что только что продѣлала съ часами въ классной и въ столовой.

Теперь кухонная стрѣлка показываетъ десять минутъ девятаго.

— Хи, хи, хи!—тихо себѣ подъ носъ засмѣялась Кодя.—Теперь все обстоитъ благополучно. Превосходный выйдетъ сюрпризъ!

И она спрыгиваетъ прямо со стола на полъ.

Отчаянный вопль подвернувшагося ей подъ ноги жирнаго кота Воркуна въ ту же минуту оглашаетъ кухню: Кодя неудачно спрыгнула на хвостъ безмятежно спавшаго Воркуна.

— Ахъ, что-бъ тебя!—взволновалась дѣвочка.—И чего кричишь, неужто же такъ больно?

Котъ обиженно взглянулъ на Кодю и сталъ лизать свой хвостъ.

Едва успѣлъ успокоиться котъ Воркунъ, какъ проснулась Лиза.

— Никакъ здѣсь новенькая! — удивленно произнесла она заспаннымъ голосомъ, съ недоумѣніемъ глядя на Кодю.

— Что вамъ здѣсь надо ночью? Чего вы ищете здѣсь?—при этомъ она такъ широко и сладко зѣваетъ, точно собирается проглотить и Кодю, и Воркуна, и даже всю кухню со всѣмъ имѣющимся въ ней имуществомъ, въ родѣ кастрюль, плошекъ, чумичекъ и сковородокъ.

Кодя величественнымъ жестомъ протягиваетъ руку по направленію къ часовой стрѣлкѣ и важно произноситъ:

— Какъ!? Вы еще спите? Но уже девятый часъ! Взгляните скорѣй! Вы проспали!

Боже, надо было видѣть, что произошло съ Лизой вслѣдъ за этимъ! Она буквально кубаремъ скатилась съ постели и нѣсколько минутъ вертѣлась волчкомъ по кухнѣ, не зная, за что схватиться и что предпринять. Наконецъ, накинувъ юбку вмѣсто кофты, а кофтой повязавъ голову вмѣсто платка и завернувшись въ одѣяло, она, точно совершенно потерявъ голову, помчалась въ сѣни, а оттуда въ садъ къ дереву съ колоколомъ.

При этомъ злосчастному Воркуну, подвернувшемуся некстати подъ ноги Лизѣ, попало снова.

Но что значитъ одинъ прищемленный кошачій

хвостъ въ сравненіи съ тѣмъ, что Лиза проспала впервые за всю свою службу въ Лѣсномъ убѣжищѣ!

Черезъ какую-нибудь минуту она у колокола, хватается за веревку и трезвонитъ изо всѣхъ силъ такъ, какъ будто горитъ усадьба.

— «Бимъ-бомъ! Бимъ-бомъ!»—изо всѣхъ силъ вызваниваетъ колоколъ.

— Гамъ, гамъ, гамъ!—вторятъ ему изо всѣхъ силъ не во-время потревоженные Полканъ и Рябчикъ, очевидно возмущенные этимъ раннимъ трезвономъ, такъ безсмысленно прервавшимъ ихъ сонныя собачьи грезы.

Лиза продолжаетъ отчаянно звонить, какъ бы желая наказать себя за излишнюю сонливость, и при этомъ что-то бормочетъ.

Лиза звонитъ. Обиженнымъ лаемъ ей вторятъ собаки; жалобно аккомпанируетъ имъ оскорбленный и взволнованный котъ.

Давясь отъ смѣха, Кодя проскальзываетъ въ спальню, шмыгаетъ въ постель и беззвучно хохочетъ, зарывшись головой въ подушки...

IX.

О томъ, что произошло дальше.

— Что это?

— Развѣ уже звонятъ?

— Какъ рано!.. Кажется, что вотъ-вотъ только легли недавно...

— Почему нѣтъ солнца сегодня!

— Можетъ быть, солнце проспало?

— Да неужели уже девятый часъ!

— Ахъ, я совсѣмъ не выспалась.

— И я! И я то же!

— У меня болитъ голова!

— А я точно не засыпала!

— Вставайте, вставайте, дѣвочки! Пора! Слышите, какъ тамъ, внизу, трезвонитъ Лиза!

Блѣдныя, заспанныя, не отдохнувшія за ночь, дѣвчурки нехотя поднимаются со своихъ постелей.

День выдался, какъ нарочно, пасмурный, и солнце взошло въ облакахъ. Поэтому никто изъ обитателей Лѣсного убѣжища и не замѣтилъ необычайности сегодняшняго ранняго пробужденія.

Утомленныя, не выспавшіяся, дѣвочки спустились внизъ на утреннюю молитву, попили молока и затѣмъ прошли въ классную. Марья Андреевна, не менѣе ихъ усталая, приказала развернуть тетрадки, взять перья, и обычный урокъ начался.

Воспитательница на большой черной доскѣ, повѣшенной на одной изъ стѣнъ классной комнаты, писала слова и цѣлыя фразы. Дѣвочки кромѣ Ляли-малютки, не умѣвшей еще писать, переписывали ихъ начисто, каждая въ свою тетрадку.

«*Роза красивый нѣжный цвѣтокъ, который хорошо пахнетъ*»,—выводила крупными буквами на доскѣ мѣломъ Марья Андреевна.

Саша-растеряша, окончательно потерявшая голову въ это необычайное утро, не менѣе тщательно выводила дѣтскимъ почеркомъ въ своей тетрадкѣ:

«*Коза плаксивый влажный пѣтухъ, который холодо чахнетъ...*»

Потомъ, вмѣсто того, чтобы обмакнуть въ стоявшую передъ ней чернильницу перо, она безъ малѣйшаго колебанія отправила туда собственный палецъ и была несказанно удивлена, что вмѣсто точки у нея получилась огромная клякса, величиной въ мѣдный пятакъ.

Не клеилась работа и у другихъ дѣвочекъ.

Софочка, совсѣмъ сонная, выводила подъ ритму на своей страничкѣ: *роза—занога, коза—слеза... колбаса...* Дальше этого списыванье не подвигалось.

Потомъ началась всеобщая зѣвота.

Ляля-малютка, чертившая палочки карандашомъ на отдѣльномъ листѣ бумаги, зѣвнула первая.

За нею—Наташа бѣлокуренькая. Еще черезъ минутку—Катиша-трусиша; потомъ Вѣра, Наля-сказочница, Маня, Сара, большая Липа, словомъ, всѣ по очереди, одна за другой.

Зѣвнула слѣдомъ за ними и сама Марья Андреевна.

Чтобы разсѣять себя и дѣтей отъ невозможной дремоты, Марья Андреевна проговорила преувеличенно громкимъ голосомъ:

— Я буду разсказывать вамъ сказку, дѣти, а затѣмъ заставлю каждую изъ васъ повторить.

Сдѣлавъ небольшую паузу, она начала пѣвучимъ голосомъ, растягивая слова:

— Въ нѣкоторомъ царствѣ, въ нѣкоторомъ государствѣ,—тутъ молодая воспитательница зѣвнула еще разъ, стараясь скрыть зѣвокъ отъ своихъ слушательницъ,—жилъ-былъ царь съ царицей и съ маленькимъ царевичемъ. У царевича была забавная игрушка, (опять зѣвокъ, еще болѣе продолжительный, нежели раньше), очень забавная игрушка, а именно—небольшое гладкое зеркальце, въ которомъ отражалось все, что дѣлалъ добраго или дурного сынъ царевича и...

Снова зѣвокъ, который Марья Андреевна всѣми силами старается подавить, и опять течетъ и развертывается плавно ея сказка.

— Царевичъ видитъ въ зеркалѣ всѣ свои дурные и хорошіе поступки, и... и... и...

Глаза у Марьи Андреевны слипаются, какъ могутъ только съ непривычки слипаться глаза у поднявшагося съ зарею человѣка. Она дѣлаетъ еще одно усиліе

побороть сонъ, широко раскрываетъ глаза и неожиданно замѣчаетъ странную картину.

Ея маленькія дѣвочки, начиная съ большой Липы и кончая Лялей-малюткой, громко и дружно всхрапываютъ, упавъ головенками на свои тетради. Дѣвочки спятъ. Двѣнадцать головокъ, принявъ, очевидно, столъ за подушку, грезятъ сонныя грезы, забывъ обо всемъ.

Только двѣнадцать, а гдѣ же тринадцатая дѣвочка?

Марья Андреевна видитъ прекрасно, что мѣсто вихрастой дѣвочки пустуетъ за учебнымъ столомъ.

Куда могла скрыться эта Кодя?

Воспитательница волнуется.

— Да гдѣ же, наконецъ, Кодя?

Марья Андреевна дѣлаетъ движеніе, намѣреваясь встать со стула, и обезсиленная падаетъ снова на прежнее мѣсто. Въ тотъ-же мигъ проказникъ-сонъ прокрадывается и къ ней, и учительница засыпаетъ такъ же сладко, какъ и ея двѣнадцать воспитанницъ, сидящія за столами...

X.

Кодя становится вождемъ лѣсного кружка.

Гдѣ же, однако, Кодя?

На большой лѣсной полянѣ дремлетъ прозрачное синее озеро. Вѣтви ракитъ, свѣсившись у берега въ воду, купаются въ его зеркальной глубинѣ. На его гладкой поверхности отражаются мохнатыя сосны, ясное голубое небо и пролетающія стаи дикихъ утокъ и гусей... А въ самомъ озерѣ ходятъ вереницы серебристыхъ жирныхъ карасей.

Шалунъ Слава и его младшая сестричка знаютъ прекрасно о богатствахъ лѣсного озера. Съ вечера еще братъ и сестрица раздобыли большую корзину, обтянули ее парусиной, привязали ко дну ея якорь въ видѣ большого кирпича, обмотаннаго веревкой, вырѣзали отверстіе въ парусинѣ и опустили въ это отверстіе на дно корзины куски сырого мяса и размягченныя въ водѣ хлѣбныя корки. Это была необходимая приманка для карасей.

Наканунѣ вечеромъ дѣти Симановскіе сбѣгали на лѣсное озеро,—благо Валерія Сергѣевна разрѣшила имъ

ходить туда, такъ какъ озеро было не глубоко и вполнѣ безопасно,—столкнули корзинку въ воду, а на утро рѣшили пойти посмотрѣть на уловъ.

Каково же было удивленіе обоихъ, когда они увидѣли на берегу лѣсного озера веселую, вихрастую дѣвочку, вчерашнюю новенькую, Кодю Танѣеву, съ ея забавной внѣшностью развеселаго мальчугана!

Она стояла у самой воды и бросала камни въ озеро, цѣлясь, какъ настоящій мальчишка.

— Почему ты такъ рано встала? Почему звонятъ не во-время въ колоколъ?—освѣдомился Слава, подходя къ новенькой и окидывая ее любопытными глазами.

— Ха, ха, ха!—весело расхохоталась Кодя,—это по моей милости,—и, не оставляя своего занятія, она разсказала дѣтямъ про свою забавную продѣлку съ часами.

— Ха, ха, ха!—залились въ свою очередь смѣхомъ Слава и Люся, выслушавъ ея разсказъ.

— Гамъ, гамъ, гамъ!—выразилъ свое сочувствіе общему веселью и Жучокъ, прибѣжавшій помогать своимъ юнымъ хозяевамъ въ рыбной ловлѣ.

— Ха, ха, ха! Гамъ, гамъ, гамъ!—не менѣе сочувственно отозвалось и лѣсное эхо.

— Ты, однако, молодецъ дѣвчонка!—весело крикнулъ Слава, ударивъ Кодю по плечу.—Ты мнѣ ужасно нравишься, говоря откровенно. Словно ты и не дѣвочка вовсе, а свой братъ-мальчуганъ... Дѣвочки убѣжища всѣ, кромѣ, пожалуй, одной Софы, такія невозможныя кисляйки: насморка боятся, кашля

боятся, собаки боятся, грозы боятся, не говоря уже о темной комнатѣ, которой онѣ трусятъ больше всего. Ни побѣгать, ни порѣзвиться съ ними! Толкнешь ихъ нечаянно,—ревутъ; ноги промокнутъ—у нихъ сейчасъ это кхи, кхи, кхи, да кха, кха, кха,—кашель. Терпѣть мы съ Люсей такихъ не можемъ. Правда, Люська?—обратился онъ съ живостью къ сестрѣ.—Ни ты, ни я, мы не выносимъ такихъ.

— Понятно, не выносимъ,—безъ малѣйшаго колебанія подтвердила Люся.—А ты, новенькая, совсѣмъ особенная, другая.

— Конечно, другая,—согласилась съ ними обоими Кодя.

— Да, ты будешь почище Софы, пожалуй. Той до Коди Танѣевой далеко.

— Далеко,—подтвердила Люся.

— Знаешь, Кодя!—съ большимъ воодушевленіемъ сказалъ Слава,—ты такая умная, смѣлая, что я хочу тебя принять въ нашъ кружокъ. Желаешь?

— Какой кружокъ?—переспросила его удивленная дѣвочка.

— Нашъ лѣсной кружокъ... Видишь ли, мы всѣ: Люся, Софа, я и Жучокъ—лѣсные друзья, то есть особая семья, состоящая изъ самыхъ смѣлыхъ, храбрыхъ и безстрашныхъ обитателей этихъ лѣсовъ. Мы образовали свой кружокъ. Мы совершаемъ подвиги, стараемся доказать, что мы неустрашимы, какъ и тѣ краснокожіе индѣйцы, про которыхъ мы читали въ книгахъ. И мы всѣ изображаемъ индѣйцевъ. Каждый въ нашемъ кружкѣ имѣетъ свое индѣйское имя или

прозвище. Я—по прозвищу—Слѣдопытъ-развѣдчикъ, Люся—Смѣлая Рука, Софа—Мудрый Змѣй, а Жучокъ—Быстрая Лапа. Четыре индѣйца только, какъ видишь, но дѣло не въ количествѣ, а въ нашей смѣлости и готовности идти на всякій подвигъ... Иногда четверо человѣкъ равняются четыремъ тысячамъ. Понимаешь?

— Понимаю,—отвѣтила Кодя очень весело, потому что ее начинала уже забавлять эта интересная игра.

— Когда я увидѣлъ тебя сегодня, я сказалъ самому себѣ: вотъ первая дѣвочка въ мірѣ, которой я бы могъ подчиняться, какъ своему брату краснокожему; я охотно выбралъ бы ее даже въ предводители нашего племени, если она исполнитъ три необходимые для этого подвига храбрости. Исполнишь?

— Посмотримъ, каковы будутъ твои подвиги,—усмѣхнулась Кодя.

— Увидишь! Пока же надо принять тебя въ нашъ кружокъ. Для этого необходимо произнести обѣты и поклясться выполнить ихъ всѣ до конца.

— Поклянусь и выполню,—отозвалась Кодя.

— Хорошо, отлично. Въ такомъ случаѣ, повторяй за мной...

— Изволь. Скажи только, что мнѣ надо повторять,—согласилась и съ этимъ покладистая дѣвочка.

Тутъ Слава и Люся съ невозмутимо серьезными лицами подхватили подъ руки Кодю и поставили ее на колѣни посреди зеленаго холмика изъ мха, еще влажнаго отъ утренней росы.

Слава поднялъ съ земли какую-то дубинку и, держа ее высоко, какъ знамя, надъ головой, началъ

говорить торжественнымъ тономъ, останавливаясь на каждой фразѣ, чтобы дать возможность Кодѣ повторять за нимъ:

— «Я, Кодя Танѣева, тринадцатая дѣвочка Лѣсного убѣжища, торжественно вступаю въ кружокъ краснокожихъ и торжественно обѣщаю исполнить точно всѣ обязанности, возлагаемыя на меня кружкомъ, а именно: первое—говорить всегда и всѣмъ одну истинную правду».

— Говорить истинную правду,—повторила Кодя и замѣтила тутъ же какъ бы про себя:—но этого и обѣщать нечего: я и такъ постоянно ее говорю и не умѣю лгать.

— «Второе—быть безстрашной, мужественной и не останавливаться ни передъ какими препятствіями»,—продолжалъ Слава.

— «Третье—терпѣливо переносить всякія непріятности и боль».

— «Четвертое—защищать всѣхъ, нуждающихся въ защитѣ».

— «Пятое—помогать бѣднымъ».

— «Шестое—никогда не хвастать своими подвигами».

— «Седьмое—всячески выручать и членовъ кружка, и постороннихъ людей изъ опасности».

— «Восьмое — дружески относиться къ прочимъ членамъ кружка».

— «Девятое—никогда не плакать и не быть бабой и тряпкой».

— «И наконецъ — десятое, — заключилъ торже-

ственно Слава,—совершить три подвига храбрости. Во всемъ этомъ приношу мое обѣщаніе передъ небомъ, озеромъ, лѣсомъ и моими новыми товарищами. Отнынѣ да будетъ такъ! Клянусь! Клянусь! Клянусь! Клянусь исполнить данные мною обѣты».

— Клянусь! Клянусь! Клянусь!—повторила Кодя, поднявъ по примѣру Славы кверху правую руку.

— Теперь... одна маленькая непріятность.

Тутъ Слава взмахнулъ своей дубинкой и ударилъ ею Кодю по спинѣ.

Новому члену кружка краснокожихъ индѣйцевъ сдѣлалось очень больно, спина заныла, но онъ смолчалъ и даже не поморщился, вспомнивъ во-время одинъ изъ обѣтовъ о терпѣніи и выносливости, необходимыхъ каждому члену кружка.

— Итакъ, храбрый товарищъ по кружку, обнимемся, я исполнилъ свой долгъ,—протягивая руку Кодѣ, все такъ же торжественно произнесъ Слава и пожалъ пальцы дѣвочкѣ.

Они обнялись.

Протянула руку Люся... Обнялись и съ нею.

Преважно поднялъ лапу Жучокъ.

Пришлось пожать и его благородную лапу и обнять черную кудлатую голову собаки.

— Ну-съ, отнынѣ ты у насъ въ кружкѣ будешь называться Соколиный Глазъ,—продолжалъ Слава.— Запомни это. Это будетъ твое имя. Такъ принято у настоящихъ краснокожихъ индѣйцевъ... И какъ только ты совершишь три необходимыхъ для этого подвига, мы тебя выберемъ вождемъ краснокожихъ...

— Все это прекрасно! — воскликнула Кодя. — Но какіе же три подвига должна я совершить и когда?

— Первые два обязательно сегодня же до восхода солнца, — не допускающимъ возраженія голосомъ произнесъ Слава.

— Или до обѣда, — вставила Люся, — такъ какъ солнце уже взошло.

— Говорите же какіе, — нетерпѣливо торопила ихъ Кодя, сгорая отъ любопытства.

Слава подумалъ немного. Люся подумала тоже. Повертѣлъ хвостомъ и Жучокъ, очевидно, въ знакъ того, что и онъ думаетъ.

Наконецъ Слава поднялъ руку кверху и произнесъ, отчеканивая каждое слово:

— Соколиный Глазъ, во-первыхъ, ты долженъ разогнать стадо дикихъ буйволовъ, которое пасется за той группой деревьевъ. Это первый подвигъ. Второй: здѣсь имѣется песъ Полканъ — злѣйшее животное на земномъ шарѣ. Ты долженъ, Соколиный Глазъ, войти въ вигвамъ, то есть въ будку, Полкана и унести кость оттуда, изъ-подъ самаго носа сердитаго пса. И наконецъ третій и послѣдній подвигъ, который требуется отъ тебя: ты долженъ придумать и сдѣлать что-нибудь такое, за что о тебѣ заговорили бы всѣ на земномъ шарѣ, — и бѣлые, и краснокожіе, — и не дальше какъ черезъ недѣлю, но чтобы это никому не принесло вреда... Вотъ тебѣ три подвига. Два первыхъ исполни тотчасъ же, какъ тебѣ приказываетъ твой краснокожій братъ Слѣдопытъ, — заключилъ свою рѣчь мальчикъ.

XI.

Первый подвигъ «Соколинаго Глаза».

За группой вѣчно-зеленыхъ сосенъ, тамъ, подальше отъ озера, лежитъ другая поляна, окруженная лиственными деревьями,—большая зеленая поляна, поросшая высокой сочной травой. Пастушокъ изъ сосѣдней деревни, съ разрѣшенія Валеріи Сергѣевны, выгоняетъ туда ежедневно на пастбище коровъ.

Мирно пасутся черныя, бѣлыя, пестрыя и желтыя буренки, пощипывая траву. Около нихъ телята съ глупыми недоумѣвающими глазами.

Дремлетъ мальчишка-пастушокъ въ тѣни подъ бѣлостволой березой... Сладкіе сны снятся пастушку. Онъ углубленъ въ свои чудесные сны...

А между тѣмъ опасность не за горами.

По зеленой травѣ, съ привязанными ко лбу, при помощи бечевки, травами, стоящими торчкомъ надъ стриженой вихрастой головкой, осторожно ползетъ Соколиный Глазъ. Въ рукахъ у Соколинаго Глаза дубинка, та самая, которая участвовала при обрядѣ посвященія его въ члены кружка. А глаза такъ и впи-

ваются въ стадо буйволовъ, вѣрнѣе, буренокъ и ихъ глупыхъ телятъ.

Посреди стада пасется молодой, но неистовый въ своемъ дикомъ нравѣ, бычокъ Краснукъ.

— Хорошо бы подбѣжать къ быку и схватить его прямехонько за рога. Это былъ бы высшій подвигъ храбрости, — соображаетъ Соколиный Глазъ, т.-е. проказница Кодя.

Издали доносится пронзительный крикъ, настоящій крикъ обитателей лѣсовъ Южной Америки, крикъ истиннаго краснокожаго.

Соколиный Глазъ догадался, что это кричитъ Слѣдопытъ, его краснокожій братъ, Слава. Ему вторятъ Быстрая Лапа и Смѣлая Рука.

Кодя отлично понимаетъ, что это сигналъ. Она быстро вскакиваетъ съ травы и, испустивъ такой же точно крикъ, размахивая своей дубинкой и потряхивая своей зеленой гривой, дающей ей несомнѣнное сходство съ индѣйцами, устремляется туда, прямо впередъ, въ самую середину стада.

Откуда-то стремительно, точно на подмогу смѣлому краснокожему, выскакиваетъ Быстрая Лапа и, едва касаясь земли, тоже стрѣлою, съ оглушительнымъ лаемъ, мало впрочемъ похожимъ на боевой крикъ индѣйцевъ, влетаетъ въ стадо.

Удивленныя буренки, испуганные телята, проснувшійся Петька и дикій Краснукъ видятъ теперь удивительную картину: краснощекая дѣвочка, съ зеленой гривой изъ травъ вмѣсто волосъ на головѣ, несется съ неистовымъ крикомъ прямо на нихъ.

По зеленой травѣ осторожно ползетъ Соколиный Глазъ.

Гос. Публичная Библиотека в Ленинграде

Черный пудель за нею.

— Гуа! Гуа! Гуа!—кричитъ дѣвочка.

— Гамъ! Гамъ! Гамъ!—вторитъ пудель.

— Гуа! Гуа! Гуа! Да здравствуетъ Соколиный Глазъ!—доносится изъ кустовъ.

— Му-му-му!—отчаянно ревутъ испуганныя коровы.

— Мя-мя-мя!—вторятъ имъ растерявшіеся телята.

Бычокъ-дикарь принимаетъ сразу воинственный видъ. Онъ, несомнѣнно, готовъ встрѣтить врага со смѣлостью, достойной его отважной особы.

Но онъ не успѣваетъ предпринять что-либо. Что-то быстрое, всклокоченное и крикливое бросается прямо на него, и двѣ маленькія, но сильныя руки хватаютъ бычка за рога.

— Гуа! Гуа! Гуа!—влетаетъ ему прямо въ ухо.

— Гамъ! Гамъ! Гамъ!—назойливо лѣзетъ въ другое ухо бычка.

Все стадо вздрагиваетъ, топчется въ нерѣшительности съ минуту-другую и внезапно обращается въ бѣгство.

Бѣгутъ съ мычаніемъ коровы, бѣгутъ телята, бѣжитъ огорошенный неожиданностью бычокъ, бѣжитъ, наконецъ, и самъ пастушокъ Петька, сверкая грязными пятками.

А дубинка гуляетъ да гуляетъ себѣ вправо и влѣво.

Дикій ревъ Соколинаго Глаза, отчаянный лай Быстрой Лапы, отвѣтные крики выскочившихъ изъ-за кустовъ Слѣдопыта и Смѣлой Руки, мычанье коровъ и крики Петьки—все смѣшалось въ такой оглуши-

тельный концертъ, какого не слыхала, должно быть, никогда лѣсная чаща.

Поле битвы теперь опустѣло. «Дикіе буйволы» позорно отступили. Соколиный Глазъ (онъ же Кодя Танѣева) торжествующе принималъ поздравленія подоспѣвшихъ Смѣлой Руки и Слѣдопыта.

— Молодецъ Кодя!

— Соколиный Глазъ одержалъ побѣду!

— Да здравствуетъ Соколиный Глазъ!

XII.

Второй подвигъ, кончающійся очень плачевно.

ЛѢСНОЕ убѣжище спитъ. Спятъ дѣвочки, спитъ Марья Андреевна; няня на крылечкѣ дремлетъ съ чулкомъ; дворникъ, конюхъ и садовникъ, поднятые особенно рано въ это утро, слѣдуютъ примѣру всѣхъ остальныхъ.

Одна только Лиза-стряпуха ушла въ ближайшее село за провизіей.

Дремлютъ и Полканъ съ Рябчикомъ, каждый у своей будки.

Полканъ—злѣйшій изъ двухъ четвероногихъ сторожей усадьбы,—и это извѣстно всѣмъ и каждому. Огромный Полканъ никого не подпускаетъ къ своей будкѣ и готовъ растерзать не только чужого пришлеца въ Лѣсную усадьбу, но и самихъ обитателей ея.

Полканъ любитъ только одного Славу. Полканъ и Слава—друзья. Въ присутствіи Славы Полканъ—ягненокъ. Когда Слава Симановскій былъ еще совсѣмъ маленькимъ мальчикомъ, онъ безнаказанно могъ ѣздить

верхомъ на здоровенной спинѣ Полкана, трепать его за уши, отнимать у него посуду съ ѣдой. Все это разрѣшалось продѣлывать одному только Славѣ. Привыкшій любить и баловать Славу въ дѣтствѣ, Полканъ продолжаетъ дѣлать это и теперь. Мальчикъ Слава пользуется его исключительной благосклонностью.

Солнце, наконецъ, прорѣзало тучи и осѣнило лѣсъ своимъ золотымъ крыломъ. Заиграли, забѣгали его шаловливые лучи по зеленымъ соснамъ. Зачирикали обрадованныя благопріятной перемѣной погоды лѣсныя птицы.

А въ усадьбѣ все еще спали.

— Ну-съ, теперь ступай! — говоритъ Слава нѣсколько тревожнымъ голосомъ, обращаясь къ Кодѣ, и прячется за сосѣднее дерево, крѣпко держа за ошейникъ Жучка, рвущагося вслѣдъ за дѣвочкой.

Люся, замирая отъ волненія, становится поблизости, тутъ-же, за широкій кустъ бузины, выжидая, что будетъ.

Кодя смѣлой походкой идетъ впередъ. У нея въ рукахъ та же дубинка, но на головѣ нѣтъ уже зеленой гривы изъ травы.

Полканъ лежитъ безмятежно и дремлетъ около своей будки, похожей на маленькую бесѣдку, куда можетъ войти, согнувшись въ три погибели, лишь только маленькій человѣкъ.

— Соколиный Глазъ! Начинай свое дѣло!—доносится до Коди шопотъ изъ чащи деревьевъ и кустовъ.

Кодя смѣло приближается къ будкѣ. Не доходя двадцати шаговъ до страшнаго Полкана, она ложится

на траву и, скрытая травой и мелкимъ кустарникомъ, ползетъ къ отверстію его будки.

Вотъ она уже близко-близко отъ Полкана... Еще и еще ближе... Вотъ уже ее отдѣляютъ какихъ-нибудь два аршина отъ спящаго страшилища. Еще минута, и она въ будкѣ-бесѣдкѣ, можетъ протянуть руку и взять обглоданную Полканомъ огромную кость, лежащую у порога... Еще... еще... немного... чуть-чуть... самую крошечку и...

— У-у-у-у! — взвываетъ страшилище, внезапно проснувшись, сразу вскакиваетъ на всѣ четыре лапы, гремя цѣпью, и кидается къ Кодѣ...

— Тубо! Тубо! Полканъ! Тубо, гадкій! Тебѣ говорятъ!..—кричитъ Слава, выскочившій изъ-за дерева въ ту же минуту и подлетая, въ свою очередь, къ собакѣ. Но,—увы!—онъ не успѣваетъ предупредить ее.

Со страшнымъ рычаньемъ Полканъ накидывается на Кодю, валитъ ее на землю и, не обращая вниманія на хватающаго его за ноги Жучка, рветъ на ней платье.

Ревъ Полкана, лай Рябчика и Жучка, отчаянные крики дѣтей и вопль Коди будятъ спящую усадьбу. Съ крыльца бѣжитъ проснувшаяся няня; изъ дворницкой—сторожъ и дворникъ, изъ кучерской—кучеръ Михайло. Просыпаются и двѣнадцать дѣвочекъ во главѣ съ ихъ наставницей Марьей Андреевной, и всѣ выскакиваютъ на крыльцо.

— Полканъ! Кодя! Боже мой, Кодя!—кричатъ онѣ на разные голоса, испуганныя до смерти.

— Тубо, Полканъ! Тубо, негодный!—надрывается

Слава, стараясь во что бы то ни стало оттащить Полкана отъ распростертой на землѣ дѣвочки.

Неожиданно на глаза Славѣ попадается ведро съ водою, стоящее подлѣ будки, и быстрая мысль приходитъ на помощь мальчику.

Въ то время, какъ зубы Полкана, разорвавъ въ клочья верхнюю одежду Коди, готовы уже впиться въ обнажившееся плечо дѣвочки, маленькія руки Славы со страшнымъ усиліемъ приподнимаютъ тяжелое ведро надъ головою и съ размаха опрокидываютъ его на спину разъяренной собаки.

Отчаянный визгъ, цѣлая лужа воды, мокрая собака и мокрая дѣвочка въ растерзанномъ платьѣ—вотъ что послѣдовало за этимъ.

Подбѣгаетъ няня, Марья Андреевна, дѣти, Валерія Сергѣевна.

Кодю поднимаютъ и несутъ въ домъ, благо Полканъ подъ дѣйствіемъ холоднаго душа отрезвился отъ своей бѣшеной ярости и предпочелъ убраться въ будку по-добру по-здорову.

— Тебѣ не больно? Ты не укушена? Не укусилъ онъ тебя?—сыплются на Кодю со всѣхъ сторонъ встревоженные вопросы.

Но дѣвочка спокойна, даже для постигшаго ее ужаса слишкомъ спокойна—точно ничего особеннаго и не случилось.

— Жаль платья, конечно, но мнѣ самой право же ничего,—нѣсколько смущенно лепечутъ ея губы.

— Какъ это случилось? Какъ ты попала къ Полкану?—спрашиваетъ Марья Андреевна.

«Какъ случилось это? Гм! Гм! Не думаютъ ли въ самомъ дѣлѣ, учительницы, что Соколиный Глазъ можетъ нарушить данные имъ обѣты! Неужто же выдать Славу! Какъ бы не такъ!».

И Кодя уже дѣлаетъ плутоватую рожицу и продолжаетъ съ лукавой усмѣшкой:

— Мнѣ ничего... Право же ничего... а только я хочу спать, очень хочу спать, потому что...

Тутъ она уже не можетъ удержаться отъ смѣха и, приподнявшись въ постели, на которую ее только что уложили, захлебываясь, сознается въ томъ, какую шутку сыграла она нынче съ обитателями усадьбы, поднявъ ихъ въ это утро до солнечнаго восхода.

Ей какъ разъ подошло время сознаться въ этомъ, такъ какъ вернувшаяся изъ лавки Лиза оказывается глубоко возмущенной и обиженной: ей пришлось прождать въ селѣ около двухъ часовъ кряду, пока открыли мясную лавку и лабазъ.

— Это не иначе, какъ новенькая наша перевела часы и подняла всѣхъ съ пѣтухами,—обиженно заключила Лиза, бросая на Кодю негодующій взглядъ.

Валерія Сергѣевна и Марья Андреевна переглянулись.

Анна Васильевна покачала съ укоромъ головой.

Дѣвочки поглядывали на старшихъ, старшія на дѣтей.

Няня заворчала что-то о непристойномъ поступкѣ «башибузука».

Только Слава, Люся и Софочка остались вполнѣ довольны такимъ событіемъ, особенно Слава.

Когда всѣ вышли изъ спальни, поручивъ Кодю заботамъ Анны Васильевны, Слава задержался немного около постели дѣвочки, насильно уложенной докторшей, и шепнулъ ей, захлебываясь отъ восторга:

— Соколиный Глазъ и новый членъ нашего кружка! Ты храбрѣйшій изъ людей, бѣлыхъ и краснокожихъ. Ты герой. А поэтому третьяго подвига тебѣ совершать не надо. Ты съ сегодняшняго дня вождь, Соколиный Глазъ. Дай мнѣ твою руку.

Но Соколиный Глазъ не могъ, къ сожалѣнію, исполнить желаніе Слѣдопыта.

Принявъ хорошую дозу успокоительныхъ капель изъ рукъ заботливой докторши, новый «вождь краснокожихъ» и вновь избранный членъ кружка крѣпко спалъ, богатырски похрапывая на весь домъ.

XIII.

Совсѣмъ небольшая исторія, не влекущая за собой никакихъ послѣдствій.

— Милая Кодя, мнѣ надо переговорить съ тобою. Подойди ко мнѣ, дитя мое.

Эту фразу Валерія Сергѣевна Симановская произноситъ ровно черезъ двѣ недѣли по вступленіи Коди въ Лѣсной пріютъ.

Быстро, незамѣтно для самой дѣвочки, промелькнули эти двѣ недѣли. Прочно и дружно сошлась она со Славой, Люсей, Софочкой и Жучкомъ. Эти пятеро маленькихъ существъ, включая въ ихъ число и собаку, связаны между собою самыми тѣсными, неразрывными узами дружбы. Они играютъ вмѣстѣ въ краснокожихъ, а затѣмъ, превратившись въ бѣлолицыхъ, ухаживаютъ за цвѣтами, выращиваютъ совмѣстно овощи въ огородѣ, читаютъ интересныя книги про дикарей, которыя имѣются у Славы и Люси въ огромномъ количествѣ, и т. д.

Они—пятеро друзей вѣрныхъ и неразлучныхъ, стоящихъ другъ за друга горой. Особенно всѣ

они привязались къ Кодѣ. Смѣлая, ловкая, веселая и шаловливая дѣвочка совсѣмъ покорила ихъ всѣхъ.

Но если у Коди есть друзья, то есть и недруги. Или, по крайней мѣрѣ, ей такъ кажется.

Няня Ненилушка иначе не зоветъ Кодю, какъ «башибузукомъ» и «сорви-головой», и ворчитъ на нее съ утра до вечера.

Вѣра Чужова, самая вспыльчивая и горячая головка въ убѣжищѣ, тоже не особенно долюбливаетъ Кодю. Большая Липа какъ будто раздѣляетъ чувства Вѣры къ новенькой.

Еще бы! Кодя постоянно подшучиваетъ надъ Липой, смѣется надъ ея именемъ, называетъ его «деревяннымъ именемъ» и часто вмѣсто Липы зоветъ Липу то «Осиной», то «Березой». Все это, конечно, далеко не нравится обидчивой дѣвочкѣ.

Но больше всѣхъ не возлюбила Кодю суевѣрная Маня Кузьмина.

Маня самымъ чистосердечнымъ образомъ вѣритъ, что Кодя, какъ тринадцатая по числу воспитанница, несетъ несчастіе всему убѣжищу.

Съ тѣхъ поръ, какъ водворилась въ Лѣсномъ пріютѣ Кодя, здѣсь то и дѣло, по мнѣнію Мани, происходятъ всякія несчастія. Полканъ чуть не взбѣсился, погоды перемѣнились къ худшему, у Сары Блюмъ еще серьезнѣе расхворался и безъ того больной ея отецъ-башмачникъ, Ганя Сидоркина, убирая свою кровать, наколола руку булавкой и на рукѣ образовался огромнѣйшій нарывъ—словомъ, несчастія такъ и сыпались

дождемъ. Конечно, все это по винѣ Коди—такъ, по крайней мѣрѣ, убѣждена Маня.

Больше же всѣхъ была недовольна Кодей Танѣевой няня.

Ей, не въ примѣръ прошлому, много прибавилось работы со дня поступленія въ убѣжище Коди.

На дѣвочкѣ все горѣло, какъ въ огнѣ. Ей запрещено было ходить босою, а потому ежедневно нянѣ Ненилушкѣ приходилось штопать огромнѣйшія дыры на Кодиныхъ чулкахъ. Затѣмъ каждый вечеръ приходилось класть заплаты на ея фартучекъ и платье и стирать головную косынку, которую Кодя употребляла больше какъ знамя во время игры въ краснокожихъ, а не какъ головной уборъ. А о носовыхъ платкахъ, превращаемыхъ тоже въ дырявыя знамена, и говорить нечего. Словомъ, дѣвочка своей живой натурой доставляла немало хлопотъ старухѣ.

— Вотъ видишь ли, Кодя, я уѣзжаю на двѣ недѣли изъ Лѣсной Усадьбы съ Люсей и Славой,—говоритъ Валерія Сергѣевна,—но уѣхать спокойно я не могу до тѣхъ поръ, пока ты мнѣ не дашь слова вести себя тихо и спокойно, не шалить и не выкидывать никакихъ проказъ. Слышишь, Кодя? Можешь ты отпустить меня со спокойной душой?

Добрые, всегда немного грустные глаза Валеріи Сергѣевны смотрятъ въ лицо Коди, смотрятъ какъ будто въ самую душу этого страннаго, неспокойнаго существа.

Кодя буквально обожаетъ Валерію Сергѣевну. Въ мамѣ-Валѣ (какъ обыкновенно называютъ дѣти убѣ-

жища ихъ добрую начальницу) ей нравится все, рѣшительно все: и ея голубиная кротость (мама-Валя никогда ни на кого не сердится, никого не бранитъ, а ограничивается только замѣчаніями, которыхъ дѣти убѣжища боятся больше всякихъ выговоровъ и рѣзкихъ замѣчаній, боятся постольку, поскольку непріятны самой мамѣ-Валѣ эти замѣчанія). Нравится Кодѣ и самая внѣшность мамы-Вали, ея глубокіе синіе глаза и черные нѣжные и мягкіе, какъ шелкъ, густые волосы.

Кодя любитъ все красивое, доброе, честное и прекрасное. И сейчасъ, глядя въ лицо Валеріи Сергѣевны преданными, открытыми, хотя чуть-чуть плутовскими, глазенками, Кодя говоритъ, теребя свой хохолъ и улыбаясь во всю ширь своего крупнаго рта:

— Пожалуйста, не безпокойтесь, мама-Валя. Я не могу дать вамъ слово не шалить, потому что вѣдь вы сами понимаете, какъ это страшно дать слово и не исполнить его потомъ, но... но я даю вамъ безусловно слово с т а р а т ь с я (Кодя выговариваетъ это особенно отчетливо) не шалить и не проказничать. Такое слово я могу вамъ дать.

Валерія Сергѣевна невольно улыбается и цѣлуетъ дѣвочку.

— И слушаться Марью Андреевну тоже обѣщаешь мнѣ?

— О, да! Это уже навѣрное. Вѣдь она такая милая, что слушаться ее совсѣмъ не трудно!—горячо восклицаетъ дѣвочка.

— Дай твою руку, Кодя.

— Вотъ она, мама-Валя.

Сильная, но не такъ чтобы очень чистоплотная ручонка Коди крѣпко ударяетъ по протянутой бѣлой, нѣжной и красивой ладони Валеріи Сергѣевны.

— Вотъ и по рукамъ, значитъ, мама-Валя, — смѣется Кодя,—будетъ нечестно, если я отступлю... Такъ говорилъ покойный папа...

Кодя не договариваетъ и замолкаетъ на полуфразѣ.

Ея глаза теряютъ сразу оживленное, плутоватое выраженіе и становятся грустными и печальными. Ей вспоминается такъ ясно знакомая дорогая фигура отца и милое, любимое мужественное лицо его, загорѣлое, обвѣянное вѣтромъ. Слезы невольно навертываются ей на глаза, которые она прячетъ сейчасъ отъ Валеріи Сергѣевны.

«Кодя, ты, кажется, хочешь разревѣться, какъ баба. Стыдись, вѣдь ты храбрый вождь Лѣсного кружка»,—говоритъ сама себѣ дѣвочка и, сдѣлавъ надъ собой невѣроятное усиліе, бросается къ окну.

— Куры на клумбѣ! Куры на клумбѣ!—кричитъ Кодя неистово и съ громкимъ хохотомъ вскакиваетъ на подоконникъ, откуда прямо спрыгиваетъ внизъ.

Еще минута, и она уже несется съ оглушительнымъ хохотомъ за громко и отчаянно кудахтающими курами, въ страхѣ мечущимися по саду.

— Кодя, платье разорвешь!

— Кодя, сапогъ потеряла!

— Кодя, носъ разобьешь!

— Кодя, Кодя, Кодя!—несутся слѣдомъ за дѣвочкой разные голоса.

Но Кодя уже безчувственна ко всѣмъ этимъ воплямъ и крикамъ.

Кодя не слышитъ ничего...

XIV.

Кодя пишетъ нянѣ письмо.

— ПРОЩАЙ, Соколиный Глазъ!

— Прощай, Слѣдопытъ-Развѣдчикъ!

— Прощай, Смѣлая Рука!

— Прощай, Быстрая Лапа!

— Мудрый Змѣй, прощай!

Софочка, Кодя и Жучокъ крѣпко пожимаютъ руки отъѣзжающимъ.

Мама-Валя, Люся и Слава сидятъ уже въ коляскѣ.

Всѣ трое уѣзжаютъ за сто верстъ гостить на недѣлю въ имѣніе къ дѣдушкѣ.

Тринадцать дѣвочекъ, подъ наблюденіемъ Марьи Андреевны, няни и докторши, вышли проводить семью Симановскихъ за ворота усадьбы.

Тринадцать дѣвочекъ и три воспитательницы машутъ платками до тѣхъ поръ, пока коляска не исчезаетъ за густыми деревьями.

— Кодя,—говоритъ Марья Андреевна,—мама-Валя сказала мнѣ, что ты... Ну, словомъ, ты сдержишь данное слово? Не правда-ли, Кодя?

Глаза дѣвочки серьезно смотрятъ въ молодое, миловидное лицо воспитательницы.

— Я сказала, что буду стараться, — повторяетъ она, хмуря свои густыя русыя брови и растягивая послѣднее слово.

— Ужъ чего тутъ!—вмѣшивается въ разговоръ няня Ненилушка и сердито, поверхъ очковъ, смотритъ на Кодю.—Ужъ и гдѣ это видано, ужъ и гдѣ это слыхано, чтобы въ одну недѣлю исправилась такая шалунья и сорви-голова?!

— Вотъ увидимъ! Поживемъ и увидимъ,—отвѣчаетъ Марья Андреевна.

— Нянечка!—говоритъ черезъ нѣсколько минутъ покорнымъ и кроткимъ голосомъ Кодя,—не надо ли вамъ написать письмо въ деревню, зятю и сестрѣ? Я могу написать, если хотите?

Няня изумлена.

Очень изумлена няня. Такого любезнаго предложенія она и не ожидала отъ шалуньи и сорви-головы. Кодя пишетъ красивѣе и лучше всѣхъ дѣвочекъ убѣжища. Но сколько бы разъ ни просила няня Кодю написать письмо къ ея семьѣ, проживающей гдѣ-то за тысячи верстъ у себя въ деревнѣ, Кодя всегда находила предлогъ убѣжать отъ непріятной для нея обязанности. А тутъ вдругъ, виданное ли дѣло, предлагаетъ сама!

— Ахъ, ты, государынька моя миленькая!—умиляется няня,—да ужъ не знаю, какъ тебя за это отблагодарить! Напиши, напиши, государынька, коли милость на это будетъ. Спасибо тебѣ скажу сердечное.

Черезъ пять минутъ Кодя важно воссѣдаетъ за столомъ въ классной. Передъ нею чернильница, перо, листъ бумаги, конвертъ съ адресомъ и маркой.

Няня съ замирающимъ отъ радости сердцемъ сидитъ рядомъ съ нею и диктуетъ Кодѣ:

«Дорогая моя, любезная моему сердцу доченька, Аграфена Тимоѳеевна. Въ первыхъ строкахъ моего письма шлю я вамъ, доченька, отъ Господа Бога мое родительское благословеніе, на вѣки ненарушимое и которое можетъ существовать по гробъ вашей жизни, и съ любовью низкій поклонъ. И еще низко кланяюсь зятю нашему, Иларіону Ѳеоѳиловичу, и еще кланяюсь любезненькой внучкѣ Машенькѣ, и еще кланяюсь внучкѣ Дашенькѣ, и еще кланяюсь любезному братцу Николаю Микитичу, и еще кланяюсь сестрицѣ Ольгѣ Ивановнѣ, и еще кланяюсь лавочнику Петру Петровичу, и еще кланяюсь куму Алексѣю Петровичу, и еще кланяюсь кумушкѣ Платонидѣ Акакіевнѣ, и еще кланяюсь Хевроніи...»

По мѣрѣ того, какъ диктовала няня Ненилушка, все плутоватѣе и плутоватѣе дѣлалось личико Коди. При послѣдней же продиктованной фразѣ Кодя «вдохновилась» окончательно, и шаловливыя мысли сразу зароились въ ея изобрѣтательной головкѣ.

Подумавъ немного, Кодя обмакнула перо въ чернила и бойко написала своимъ красивымъ почеркомъ уже не подъ диктовку, а отъ себя—то, что сама сочинила:

«И еще низко кланяюсь Рыжкѣ-коровѣ вашей и важной телушкѣ съ ребятами, свинушкѣ-хрюшкѣ съ

поросятами. И Василію Васильевичу, куму усатому—коту-котовичу полосатому и теленку-сыночку глупому, и барану рогатому, и Барбосу лохматому... И еще кланяюсь кумушкѣ-крысѣ злой и мыши лѣсной; и еще всѣмъ тараканамъ на печи и всѣмъ клопикамъ въ ночи шлю мое привѣтствіе и съ любовью низкій поклонъ. Прошу помнить ихъ всѣхъ и не забывать, что далеко-далеко живетъ ваша старая мать Ненила Ѳедоровна».

Кодя быстро пробѣжала конецъ письма, затѣмъ прочла начало его вслухъ нянѣ и, умолчавъ о заключительныхъ фразахъ, т.-е. о томъ, что она сама прибавила «отъ себя», запечатала письмо.

— Вотъ и готово. Сдавайте, нянечка, дворнику, онъ скоро поѣдетъ на почту,—отдавая письмо нянѣ, какъ ни въ чемъ не бывало, проговорила она. А сама, давясь отъ смѣха, стрѣлою помчалась въ садъ, гдѣ дѣвочки подъ наблюденіемъ Марьи Андреевны пололи траву на клумбахъ.

XV.

Сарочкино горе.

— БѢДНАЯ Сарочка! У нея умеръ папа!

— Бѣдная! Бѣдная Сарочка!

— Какъ мнѣ жаль ее, бѣдняжку.

— Да, да! И мнѣ тоже!

— Мы будемъ стараться всячески развлекать ее!

— Поможемъ ей, какъ умѣемъ, перенести ея горе!

Двѣнадцать дѣвочекъ столпились въ группу посреди лѣсного огорода (онъ же и садъ). Съ взволнованнымъ печальнымъ лицомъ Ляля-малютка горько плакала, Ганя Сидоркина украдкой вытирала слезы, бѣлокурая Наташа Чижова готова была разрыдаться.

Марья Андреевна, возившая дѣвочку въ городъ проститься съ ея отцомъ, только что вернулась съ Сарой, убитой и потрясенной горемъ.

Два часа тому назадъ бѣдный еврей-башмачникъ, послѣ долгой тяжелой болѣзни, скончался.

— Бѣдная дѣвочка лежитъ въ спальнѣ и плачетъ,— шепнула Марья Андреевна, на минуту отлучившись

отъ безутѣшной Сары и выходя въ садъ къ своимъ питомицамъ.

— Не шумите, дѣвочки. Было бы очень хорошо, если бы она уснула.

— Да, мы будемъ тихи, Марья Андреевна,—пообѣщала за всѣхъ Большая Липа.

Когда тонкая фигура молодой воспитательницы скрылась за дверью дома, дѣвочки снова оживленно заговорили, понизивъ до шопота свои звонкіе голоса.

— Разумѣется, этого надо было ожидать,—произнесла Маня.

— Ну да,—вторила ей Вѣра,—потому что Саринъ папа давно боленъ.

— И совсѣмъ нѣтъ,—горячо возразила Маня,—а потому, что къ намъ поступила эта несчастная тринадцатая, которая всѣмъ должна приносить одно горе.

— Маня, стыдись говорить такія глупости!—вспыхнула Софочка и даже топнула ногою; потомъ насмѣшливо взглянула на Маню и затараторила по привычкѣ:—Маня у насъ большая, но ужасно глупая какая! Вѣритъ въ разную труху и городитъ чепуху. О, Манюша, поскорѣй хорошенько поумнѣй. А то выросла съ версту, а...

— Что за народъ собрался?—неожиданно выкрикнулъ звонкій голосъ Коди, появившейся съ Жучкомъ изъ-за кустовъ.

Со дня отъѣзда Симановскихъ прошло уже четыре дня, и за отсутствіе Славы и Люси Быстрая Лапа очень привязался къ своему «краснокожему вождю».

По крайней мѣрѣ Соколиный Глазъ и Быстрая Лапа все это время были неразлучны, какъ самые близкіе друзья.

— Тише! Сарочка спитъ! Тише!—зашикали на нее всѣ дѣвочки.

— Кодя, у тебя голосъ, какъ у мальчишки,—презрительно поджимая губки, произнесла Вѣра.

— Тѣмъ лучше. Значитъ, его хорошо слышно

— Правда!—согласилась Софочка.

— А все же надо потише, такъ какъ Сарочка спитъ,—вмѣшалась Липа.

— Очень хорошо, дорогая Осина,—съ изысканной вѣжливостью отвѣтила Кодя, отвѣшивая старшей дѣвочкѣ настоящій придворный реверансъ.

— Липа, а не Осина,—поправила ее та обидчиво.

— Осина, а не Липа,—невозмутимо повторила Кодя.

— Какая скверная дѣвчонка!—вспыльчиво крикнула Вѣра.

— Тише, моя милочка, Сарочка спитъ!—разсмѣялась Кодя.—Зачѣмъ такъ кричать, я не понимаю!—прибавила она, разводя руками.

— У этой Коди нѣтъ сердца!—сердито заговорила Вѣра.—Всѣмъ намъ жалко Сару, а ей нипочемъ, что у Сарочки умеръ отецъ: она смѣется... Конечно, у нея нѣтъ сердца.

— Безчувственная какая-то,—согласилась Маня, недружелюбно поглядывая на Кодю.

— Ахъ, неправда,—горячо протестовала Софочка,—вы Коди не знаете, оттого такъ и разсуждаете, а

узнайте поскорѣе, будетъ всѣмъ она милѣе, потому что наша Кодя всѣхъ умнѣе и добрѣе. Впрочемъ, съ вами разсуждать, только время потерять. Соколиный Глазъ,—шопотомъ проговорила Софочка, обращаясь уже къ Кодѣ,—не придумалъ ли великій вождь краснокожихъ, чѣмъ позабавить и развлечь бѣдную сиротку Сару, чѣмъ хоть отчасти развлечь ея тоску?

— Твоя правда, Мудрый Змѣй,—отвѣтила Кодя.— Соколиный Глазъ будетъ думать сейчасъ надъ этимъ вопросомъ.

И Кодя глубоко задумалась, опустившись на пень.

Вдругъ она стремительно вскочила со своего мѣста и звонко шлепнула себя ладонью по лбу.

На лбу тотчасъ же вскочило багровое пятно, величиною съ копеечную булку, и сама Кодя, снова забывшись, прокричала на весь лѣсъ:

— Придумала! Ура! Придумала!

И такъ какъ дѣвочки сразу отчаянно зашикали, Кодя поняла свою ошибку и смущенно понизила голосъ:

— Завтра я устраиваю представленіе. Будетъ отдѣленіе цирка, будутъ театръ, фокусы. И въ заключеніе Кодя Танѣева, башибузукъ и сорви-голова, спустится со второго этажа на парашютѣ,—совсѣмъ шопотомъ заключила дѣвочка.

— Что это такое парашютъ?—живо заинтересовались остальныя.

— Огромный зонтикъ, въ родѣ дождевого, на которомъ можно спускаться, какъ на воздушномъ шарѣ, съ какой угодно высоты, даже съ облаковъ,—поясъ-

нила Кодя.—Ну, что, хорошо придумано?—снова забывшись, закричала во весь свой звонкій голосъ Кодя.

Въ окно второго этажа выглянуло испуганное лицо Марьи Андрѣевны.

— Кодя! Развѣ можно такъ неистовствовать? Ты разбудишь Сару.

— Не буду! Ахъ, не буду! Совсѣмъ забыла,—отвѣтила сконфуженно Кодя.

Минутъ черезъ пять Марья Андреевна была уже внизу, среди дѣтей.

— Дѣвочки,—произнесла она своимъ обычно ласковымъ голосомъ,—Сара спитъ крѣпко и не скоро проснется. Бѣдняжка такъ измучена. Анна Васильевна и няня побудутъ съ нею, а мы отправимся на прогулку въ лѣсъ. Заодно соберемъ грибовъ къ завтрашнему обѣду, да кстати сдѣлаемъ изъ цвѣтовъ большіе букеты—вѣдь вы всѣ такъ любите цвѣты. Еще не поздно, къ ужину мы успѣемъ вернуться.

— Ахъ, да, конечно, великолѣпно, чудесно!—послышался сдавленный шопотъ одиннадцати голосовъ, въ то время какъ двѣнадцатый голосъ Мани выговорилъ тревожно:

— Сегодня, собственно говоря, не слѣдовало бы идти куда-либо.

— Почему? Почему?—заволновалась вся маленькая толпа дѣвочекъ.

— Да потому что сегодня понедѣльникъ.

— Ну, такъ что же?

— Понедѣльникъ—несчастливый день,—съ увѣренностью проговорила Маня.

— Глупенькая, глупенькая ты дѣвочка!—произнесла съ укоромъ молодая воспитательница.—И когда ты перестанешь, Маня, повторять эти пустяки?! Всѣ дни одинаково равны у Бога. Сколько разъ я это говорила тебѣ.

Маня покраснѣла, какъ ракъ, и пролепетала что-то непонятное въ свое оправданіе.

— Ну, дѣти,—обратилась Марья Андреевна къ остальнымъ дѣвочкамъ убѣжища,—идите собираться. Берите платки, косынки и корзинки, съ которыми мы обыкновенно ходимъ въ лѣсъ.

— Я не знаю, гдѣ моя корзинка,—минутою позднѣе объявила Саша-растеряша.—Не видѣла-ли ты моей корзинки? Не знаешь-ли, куда я дѣла ее?—приставала она съ разспросами то къ той, то къ другой дѣвочкѣ.

— Гдѣ Сашина корзинка? Растеряша потеряла свою корзинку!—засуетились дѣвочки.

— Кажется, она была въ классной,—высказала предположеніе Ляля-малютка.

— Или въ спальнѣ...—вторила ей ея подруга, бѣлокурая Наташа.

— Или на чердакѣ.

— А можетъ быть въ саду подъ качелью?

Всѣ бросились искать Сашину корзинку.

Искали въ саду между грядами и клумбами, искали въ домѣ и даже заглядывали на чердакъ и въ колодецъ.

— А это что?—подбѣгая къ Сашѣ и хватая ее за плечо, вскричала Кодя.

Черезъ плечо у Саши была перекинута веревка, на которой болталась корзинка.

— Вотъ тебѣ разъ! Я и забыла, что она на мнѣ!— смущенно развела руками Саша.

На это Софочка, давясь отъ смѣха, затрещала скороговоркой:

— Ахъ, ты Сашенька-Саша! Большая ты растеряша! Все то ты забываешь, сѣешь все и теряешь. На плечахъ твоихъ—увы!—тыква вмѣсто головы...

— Ну, вотъ ужъ и тыква!—обидѣлась Саша.

— Ну, такъ капустный качанъ,—не унималась Софочка.

— А у тебя... А у тебя...—захлебываясь отъ обиды, начала было Саша...

— Не ссорьтесь, дѣти. Идемъ, а то будетъ поздно.

Марья Андреевна, повязанная, какъ и дѣвочки, бѣлой косынкой, двинулась впереди.

За нею по-двое, по-трое заспѣшили дѣвочки.

Шествіе замыкали трое: Кодя, Софочка и Жучокъ.

XVI.

Прогулка въ лѣсъ. Наля-сказочница выступаетъ.

Какая прелесть! Какая тишина!

Старый лѣсъ точно призадумался своей глубокой зеленой думой. Точно заколдованный принцъ затихъ онъ въ завороженной дремотѣ вечерняго покоя и тишины. Пышныя зеленыя сосны, березы и осины, позолоченныя начинавшимъ уже опускаться солнцемъ, безъ малѣйшаго трепета, безъ единаго дыханія вѣтерка, стоятъ молчаливо, прекрасныя и величавыя въ своемъ предвечернемъ спокойствіи.

Только веселыя птицы наполняютъ несмолкаемымъ гомономъ лѣсъ. Цѣлыя пѣсни выводитъ подъ вечеръ ихъ звонкій, радостный хоръ.

Двѣнадцать дѣвочекъ, во главѣ съ ихъ воспитательницей, проходятъ въ самую чащу.

Здѣсь еще лучше, привольнѣе и зеленѣе. Пестрые мотыльки носятся вперегонки. Стрекочутъ въ травѣ зеленые кузнечики. Красивыя полевыя травы—лиловые колокольчики, ало-бѣлая кашка, синеватыя лѣсныя

фіалки, медвѣжья губка, бѣлая ромашка—все это вмѣстѣ даетъ на диво подобранный букетъ.

— Ахъ, что это?

Дѣвочки останавливаются, какъ вкопанныя. Тамъ за группой кустовъ, стелется голубой коверъ по зеленому, ярко блестящему полю.

— Да вѣдь это незабудки! Цѣлое царство нѣжныхъ, прелестныхъ незабудокъ, нѣжно-голубыхъ, похожихъ на голубыя небеса!

Ляля-малютка, Наташа, Софочка и Кодя бросаются къ нимъ со всѣхъ ногъ въ сопровожденіи Жучка.

— Куда? Ни съ мѣста! — останавливаетъ дѣтей испуганный окликъ, и Марья Андреевна, блѣдная и взволнованная, удерживаетъ бѣгущихъ.

— Какой ужасъ, дѣти,—говоритъ она дрожащимъ голосомъ,—какой ужасъ, если бы вы знали только, таится подъ этимъ ковромъ цвѣточковъ. Боже васъ сохрани подходить близко къ этому полю. Оно зелено, свѣжо и прекрасно на видъ съ его голубыми цвѣтами. Но не довѣряйтесь его обманчивой красотѣ. Стоитъ только кому-либо вступить на этотъ сверкающій зеленымъ бархатомъ коверъ, и онъ погибъ... Эта голубая лужайка представляетъ изъ себя не что иное, какъ засасывающее бездонное болото, и человѣкъ, котораго оно медленно, но вѣрно затягиваетъ внизъ, неизмѣнно гибнетъ, захлебнувшись въ этой густой ужасной тинѣ и грязи. Мнѣ жаль, что я васъ повела сюда, въ эту часть лѣса... Васъ соблазняютъ эти роскошныя незабудки, но помните, дѣти, что подъ

ними находится ужасная, роковая, страшная могила для каждаго, кто ступитъ ногою хоть на одну минуту на этотъ голубой лужокъ,—закончила дрожащимъ голосомъ взволнованная Марья Андреевна.

Дѣти молчали.

У Катиши-трусиши уже тряслись губы, а на глаза навертывались слезы испуга.

— Грибы! Смотрите, грибы!—неожиданно крикнула Ганя Сидоркина, замѣтивъ своими дальнозоркими глазками хорошенькую семью боровиковъ, пріютившуюся между древесными корнями.

— Ай, вотъ и еще, и еще! Смотрите!—подхватили дѣти, и вся ихъ маленькая толпа весело разсыпалась по лѣсной чащѣ.

Отъ гриба къ грибу, отъ цвѣтка къ цвѣтку, и вскорѣ бѣлыя косынки воспитанницъ убѣжища замелькали между деревьями и кустами.

Великое множество грибовъ было въ этомъ лѣсу. Черезъ какой-нибудь часъ всѣ корзины и платки были наполнены. Отовсюду торчали красныя, бѣлыя и коричневыя шапочки, обросшія мхомъ и травою, съ прилипшими къ нимъ старыми прошлогодними листьями, славненькія, крѣпкія, чудесно пахнувшія землею и лѣсомъ.

Когда уже не находилось больше мѣста для грибовъ, усталыя, возбужденныя и счастливыя дѣвочки усѣлись отдохнуть подъ развѣсистыми старыми соснами, подъ ихъ хвойными кружевными вѣтвями.

Марья Андреевна прилегла поодаль съ книгою въ рукахъ, бросая поминутно озабоченные взгляды на своихъ питомицъ.

— Хотите, дѣвочки, послушать сказку про старика-боровика?—предложила своимъ подругамъ сказочница Наля.

— Да. Да. Разскажи намъ, Наля. Пожалуйста, разскажи,—радостно зазвучали вокругъ веселые, возбужденные голоса дѣтей.

У Ляли-малютки, особенно любившей Налины сказки, загорѣлись глазки. Она положила свою круглую, какъ шарикъ, головенку на колѣни Наташѣ Чижовой и вся превратилась во вниманіе и слухъ.

Преисполнились вниманія и всѣ остальныя дѣвочки, усѣвшіяся въ кружокъ вокругъ разсказчицы.

Наля обвела всѣхъ ихъ быстрымъ взглядомъ и начала свою сказку.

— Жилъ-былъ въ лѣсу старый грибной духъ Боровикъ. У него было страшное сморщенное смуглое лицо и корявыя кривыя ноги. Онъ былъ очень сердитый. Боровикъ былъ назначенъ грибнымъ царемъ всего грибного царства. Онъ всячески заботился о томъ, чтобы люди не проникали въ его владѣнія и не уносили его подданныхъ изъ лѣса. Но это ему плохо удавалось, потому что люди очень любили ходить за грибами въ огромный лѣсъ и наполнять ими доверха свои корзины. И вотъ злой духъ Боровикъ задумалъ отомстить людямъ; онъ рѣшилъ обращать маленькихъ людскихъ дѣтей въ лѣсные грибочки. Однажды въ его лѣсъ забрели такія дѣти—братецъ и сестричка. Они тоже собирали грибы и вдругъ видятъ: передъ ними, какъ изъ-подъ земли, выросъ маленькій старикъ землистаго цвѣта съ растрепанной бородой и всклоко-

ченной головою... Старикъ сталъ у нихъ на глазахъ дѣлаться все выше и выше и превратился, наконецъ, въ огромнаго великана и...

— И... замолчи, пожалуйста! Мнѣ страшно!—не своимъ голосомъ взвизгнула Катиша-трусиша, закрывая обѣими руками лицо и въ страхѣ пятясь отъ разсказчицы.

— Катѣ страшно! Замолчи, Наля!—строго произнесла Оля Хмурова, старшая изъ сестричекъ.

— И я боюсь,—пропищала Ляля-малютка.

— Богъ съ ней, со сказкой. Не надо такой страшной сказки,—пролепетала Маня и, вскочивъ со своего мѣста, стала крестить воздухъ направо и налѣво, приговаривая:—Чуръ меня! Чуръ меня! Наше мѣсто свято! Чуръ! Чуръ! Чуръ!

— Вотъ-то глупышки!—засмѣялась Кодя.—Чего боятся? Вкуснѣйшаго изъ грибовъ боятся, дурочки!.. Надо радоваться, когда найдешь такого боровика, а онѣ... Да хотите, я вызову его сейчасъ? А?

— Ай! Ай! Ай!—отвѣтили на это предложеніе дѣвочки дружнымъ визгомъ.

— А я все-таки вызову!—хохотала Кодя.

— Не смѣй! Не смѣй!—отзывались отовсюду встревоженные, испуганные голоса.

— Вызову, даю вамъ слово, вызову старика-Боровика.

Тутъ Кодя отбѣжала въ сторону, подняла руки и глухимъ голосомъ закричала на весь лѣсъ:

— Старикъ-Боровикъ, мы тебя не боимся. Явись передо мной, какъ листъ передъ травой. Зову тебя,

ничего не боюсь, ничего не страшусь. Явись! Явись! Явись!

Дружный визгъ дѣвочекъ покрылъ слова Коди. Визжали всѣ, кромѣ Липы и Софочки. Первая, волнуясь, уговаривала Кодю не пугать дѣтей; вторая, бросившись въ траву, громко хохотала.

— Явись! Явись! Явись!—продолжала вопить громкимъ голосомъ на весь лѣсъ Кодя.

Марья Андреевна поспѣшила къ дѣтямъ, издали замѣтивъ, что творится нѣчто не совсѣмъ обыкновенное.

Вдругъ что-то зашумѣло, захрустѣло, застучало поблизости въ кустахъ.

— Это онъ! Боровикъ! Грибной царь!—вскричала Катиша и, не выдержавъ, залилась слезами.

— Ай!—взвизгнули хоромъ всѣ остальныя дѣвочки.

— Явись!—крикнула еще разъ Кодя и протянула руку впередъ.

Еще громче захрустѣло что-то позади кустовъ, затопало, задышало могучимъ вздохомъ и...

Большая пестрая морда, увѣнчанная рогами, съ любопытствомъ высунулась изъ-за кустовъ.

Очевидно, заблудившаяся въ лѣсу корова, услышавъ людскіе голоса, рѣшила обнаружить свое присутствіе.

XVII.

Голубые цвѣты.

Кодя, Софочка и Жучокъ съ громкими хохотомъ и лаемъ неслись по лѣсной дорогѣ.

Соколиный Глазъ, Лукавый Змѣй и Быстрая Лапа были въ восторгѣ отъ происшествія съ коровой.

Позади, въ оставшейся за ними чащѣ, Марья Андреевна всячески успокоивала перепуганныхъ дѣвочекъ, въ то время какъ крестьяночка Ганя, Липа и Вѣра, вооруженныя сучьями, старались прогнать подальше непрошеную рогатую гостью.

— Гляди, вонъ лѣсное болото!—вскричала Софочка, протягивая руку впередъ.

Сразу всѣ они—Кодя, Софочка и Жучокъ—остановились, какъ вкопанные.

Прелестная лужайка зеленѣла передъ ними. Голубые цвѣты устилали ее сплошнымъ ковромъ.

И ничего страшнаго не было, казалось дѣвочкамъ, въ этой бархатной зелено-голубой, похожей на пушистый коверъ нѣжнѣйшихъ оттѣнковъ полянѣ, покрытой незабудками.

— Незабудки,—говорила словно зачарованная видомъ Кодя.—Ты помнишь, Софа, что говорила Сара на прошлой недѣлѣ? Она говорила: «мой больной папа очень любитъ незабудки. Я каждый разъ, какъ ѣду въ городъ, забѣгаю въ лѣсъ и собираю ихъ для него цѣлый букетъ». Такъ она говорила недѣлю тому назадъ, бѣдная Сарочка. А теперь, когда ея папа умеръ, не думаешь ли ты, что ей будетъ очень пріятно, если мы нарвемъ ей этихъ чудесныхъ цвѣтовъ, и она засыплетъ ими отцовскую могилу?

Съ минуту Кодя стоитъ, задумавшись. Она точно видитъ передъ собою заплаканное личико осиротѣвшей Сары, видитъ тоненькую, хрупкую фигурку маленькой евреечки. И ей до боли становится жаль сиротки. Хочется утѣшить и порадовать Сару хотя бы чѣмъ-нибудь.

— Рѣшено,—говоритъ она, дѣлая энергичный жестъ своей маленькой рукой.—Рѣшено, Софочка, я иду за незабудками для Сары, то есть, вѣрнѣе, для ея покойнаго отца. Это будетъ хотя маленькое утѣшеніе для бѣдняжки.

— Соколиный Глазъ, ты храбръ, какъ настоящій вождь краснокожихъ, но ты слышалъ, что говорила эта «бѣлая» Марья Андреевна?—осторожно замѣчаетъ рыженькій краснокожій въ лицѣ Софочки.—Въ зеленоголубой лужайкѣ таится могила, смерть...

— Но только не для храбрецовъ!—еще энергичнѣе отвѣчаетъ Кодя.—Итакъ, Мудрый Змѣй, и ты, Быстрая Лапа,—я иду. Не бойся за меня, ради Бога,—прибавляетъ черезъ минуту Кодя со своей сверкающей бѣлоснѣжными зубами улыбкой,—не бойся. Я дочь

моряка и сумѣю выплыть изъ моря, а не только изъ какого-то болота. Только вотъ сниму башмаки—безъ нихъ куда легче; они стѣсняютъ каждое движеніе... И, пожалуйста, не бойся за меня. Болото передъ моремъ—одна глупость. А я плаваю, какъ рыба, замѣть.

— А Марья Андреевна?—нерѣшительно прошептала Софочка, встряхнувъ своими рыженькими кудрями,—не находишь ли ты, что мы должны ее слушать?

— Разумѣется, — подхватываетъ Кодя, — Марью Андреевну я готова слушать всегда и во всемъ, но Марья Андреевна не краснокожій и не можетъ постичь всей ловкости нашего племени.

— А если ты утонешь?—волнуясь, задаетъ вопросъ Софочка.

— Если бы, да кабы, да во рту росли бобы, то былъ бы не ротъ, а цѣлый огородъ.

Послѣднія слова Кодя доканчиваетъ уже, сидя на травѣ и разувая ноги. Еще минута, и она стоитъ у самаго края зеленой лужайки. Съ обѣихъ сторонъ ея стоятъ два другіе члена лѣсного кружка, Софа и Жучокъ.

Жучокъ тихо подвизгиваетъ, пятясь задомъ отъ роковой лужайки. Софа лепечетъ что-то о долгѣ послушанія, о благоразуміи и опасности.

Но Кодя уже не слышитъ ничего.

— Разъ! Два! Три!—отсчитываетъ Кодя и дѣлаетъ прыжокъ на середину болота.

— О-о!—проносится въ ту же минуту отчаянный вопль по всему лѣсу.

Испуганная Софочка отвѣчаетъ такимъ же крикомъ.

— О-о-о-о!

Жучокъ воетъ и мечется по берегу.

Кодя стоитъ посреди лѣсной поляны, въ самомъ густомъ мѣстѣ царства незабудокъ, съ испуганно вытаращенными глазами и съ мертвенно-блѣднымъ лицомъ. Ея босыя ноги по щиколодку ушли подъ зеленую травку болота... Вмѣсто зеленой травы вокругъ нея образовалась густая, липкая грязь... Эта густая черная липкая масса облѣпила подошвы дѣвочки, ея ноги и тяжелыми путами тянетъ ее внизъ...

— Что это? Боже мой, что это?

Кодя чувствуетъ, къ своему ужасу, точно къ ея ногамъ привѣшены гири, точно кто-то настойчиво и цѣпко обхватилъ ихъ тамъ, внизу, подъ этимъ зеленоголубымъ ковромъ, и тихо, но энергично влечетъ къ себѣ, ко дну, обезумѣвшую отъ ужаса дѣвочку.

Она хочетъ вытянуть ногу... Хочетъ сдѣлать движеніе и не можетъ... Цѣпко и властно схватило свою жертву неумолимое болото и съ каждымъ новымъ мгновеніемъ засасываетъ все глубже и глубже дѣвочку, испуганную на-смерть...

Рыженькая Софочка и Жучокъ неистово мечутся по берегу зеленаго болота.

— Кодя тонетъ! Кодя тонетъ!—кричитъ Софочка, рыдая и ломая руки.

Жучокъ попрежнему воетъ гулкимъ протяжнымъ воемъ преданнаго животнаго, испуганнаго и охваченнаго страхомъ за гибель человѣка.

А Кодя, съ искаженнымъ отъ страха лицомъ, уходитъ все глубже и глубже. О томъ, чтобы плыть,

нечего и думать теперь. Болото оказалось гораздо гуще и тверже, нежели это думала несчастная дѣвочка.

Вотъ оно уже до колѣнъ засосало свою жертву... Вотъ уже покрываетъ ее до пояса... Поднимается выше, къ груди и шеѣ... Все глубже и глубже исчезаетъ подъ его мутной густой грязью обезумѣвшая Кодя. На ея блѣдномъ, безъ кровинки, лицѣ написаны отчаяніе, смертельный испугъ, предсмертная тоска, тоска маленькаго человѣка, разстающагося съ жизнью... Софочка падаетъ на траву и кричитъ не своимъ голосомъ:

— Спасите Кодю! На помощь къ Кодѣ! Спасите! Помогите! Кодя... Кодя... Кодя... Она гибнетъ! На помощь... Сюда!.. Сюда!..

Печальная улыбка, похожая скорѣе на гримасу, нежели на улыбку, морщитъ крупныя, сейчасъ совсѣмъ бѣлыя губы Коди.

— Софочка...—едва внятно лепечетъ она,—скажи имъ всѣмъ, особенно мамѣ-Валѣ, Марьѣ Андреевнѣ и Славѣ... и всѣмъ лѣснымъ дѣвочкамъ тоже, что Кодя очень, очень полюбила ихъ всѣхъ...

Ужасный вой Жучка становится все протяжнѣе и отчаяннѣе съ каждой минутой... Онъ то кидается къ Кодѣ, то съ визгомъ отпрыгиваетъ назадъ и хрипитъ, съ налившимися кровью глазами глядя на предательскій голубой коверъ.

А Кодя продолжаетъ уходить въ роковую болотную грязь. Вотъ она уже по самую голову ушла въ его мутную гущу... Теперь оттуда торчитъ одна лишь голова дѣвочки съ испуганными помертвѣвшими глазами.

— Кодя! Кодя!—несутся отчаянные крики съ берега...

Марья Андреевна и дѣвочки, обезумѣвъ отъ ужаса, мечутся взадъ и впередъ. Онѣ едва видятъ теперь Кодю, видятъ вѣрнѣе круглый вихрастый шарикъ—ея голову, затерявшуюся среди голубыхъ цвѣтовъ. Что происходитъ потомъ—описать трудно.

Марья Андреевна возвращается въ чащу, поднимаетъ съ земли огромный сукъ, вѣрнѣе стволъ молоденькой вывороченной съ корнемъ елки, схватываетъ его дрожащими руками и стрѣлою несется съ нимъ къ берегу рокового болота. Крѣпко держась за одинъ конецъ длиннѣйшаго ствола молодой елки, она другой конецъ протягиваетъ Кодѣ.

— Держись за него крѣпко, дѣвочка!—кричитъ она взволнованнымъ голосомъ, въ то время какъ одиннадцать дѣвочекъ продолжаютъ съ рыданіемъ метаться по берегу.

Кодя съ трудомъ поднимаетъ руки, оставшіяся, къ ея большому счастью, поверхъ ужасной гущи, и старается дотянуться ими до деревца. Сильные пальцы дѣвочки цѣпко хватаются за его сучья...

Марья Андреевна съ Липой и Вѣрой усиленно тянутъ древесный стволъ за другой конецъ.

И Кодя, захлебываясь въ мутной и густой массѣ болота, со страшнымъ усиліемъ притягивается къ берегу.

Очутившись на твердой землѣ, она едва стоитъ на ногахъ, шатается изъ стороны въ сторону и, прежде нежели кто-нибудь успѣваетъ поддержать ее, падаетъ безъ чувствъ на мшистую траву лѣса.

Возвращеніе домой очень торжественно и печально. Кодю несутъ на рукахъ Марья Андреевна, Маня, Вѣра, Оля и Липа. Обезсиленная, она не можетъ двинуть ни рукой, ни ногой.

Няня, выбѣжавшая изъ воротъ усадьбы, при видѣ въ концѣ испорченнаго болотомъ платья дѣвочки, разражается потокомъ упрековъ по адресу «сорви-головы» и «башибузука».

Но Марья Андреевна сразу же останавливаетъ ее.

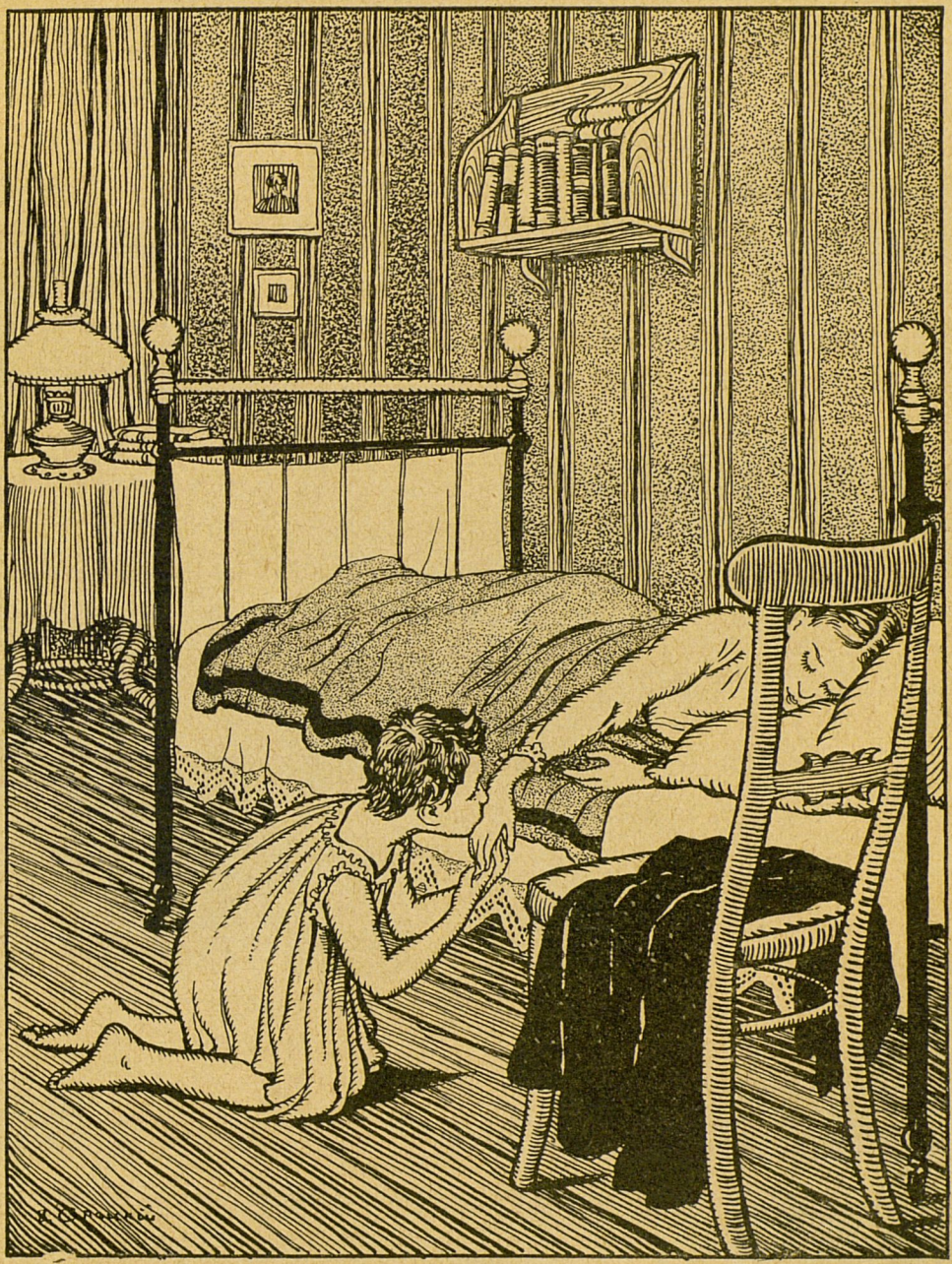
— Оставьте, нянечка. Кодя и такъ довольно наказана. Бѣдняжка была на волосокъ отъ смерти,—говоритъ она чуть слышно и тутъ же отворачивается, чтобы скрыть непрошеныя слезы.

— Государынька моя, да какъ же это тебя угораздило, голубонька!—всплеснувъ руками, сразу мѣняетъ тонъ няня и, припавъ къ мокрой и грязной Кодѣ, рыдаетъ надъ ней, словно надъ мертвецомъ.

Рыдаютъ съ нею заодно и двѣнадцать дѣвочекъ. Имъ жаль Кодю. Онѣ привыкли за это короткое время къ этой, не знающей страха и удержу, отчаянной дѣвчуркѣ. Даже «враги» Коди: Вѣра, Маня и Липа, сознаютъ, что, несмотря ни на что, Кодя мила и близка ихъ маленькимъ сердцамъ.

Одна Кодя не плачетъ. Она даже не замѣчаетъ, кажется, всеобщаго волненія. Она закрыла глаза и будто дремлетъ.

Но поздно вечеромъ, когда всѣ засыпаютъ, отъ одной изъ кроватей отдѣляется высокенькая фигура дѣвочки и на цыпочкахъ пробирается въ сосѣднюю со спальней комнату.



— Спасибо вамъ, милая!—шепчетъ Кодя...

Гос.
Публичная
Библиотека
в
Ленинграде

Въ этой комнатѣ спитъ Марья Андреевна.

Кодя тѣнью скользитъ къ ея постели, опускается на колѣни передъ нею и нѣжно-нѣжно приникаетъ губами къ ея свѣсившейся съ постели тонкой рукѣ.

— Спасибо вамъ, милая!—шепчетъ Кодя.—Если бы не вы, Соколинаго Глаза уже не было бы на землѣ. Если бы вы знали, какъ стыдно мнѣ, что я ослушалась васъ!

Но вотъ Марья Андреевна во снѣ пошевелила рукою—и Кодя уже далеко... По дорогѣ она поправляетъ сползшее одѣяло на Лялѣ-малюткѣ, посылаетъ воздушный поцѣлуй спящей Софочкѣ и долго стоитъ у постели Сары, съ тревогой, грустью и сочувствіемъ глядя на ея сонныя черты.

— Бѣдняжка! Бѣдняжечка моя! Ты тоже лишилась твоего папы!—шепчетъ Кодя,—но клянусь, я постараюсь, какъ могу, утѣшить тебя.

Тутъ легко и безшумно склоняется она надъ черненькой головкой осиротѣвшей дѣвочки, чмокаетъ ее въ лобъ и снова быстрой тѣнью скользитъ дальше по направленію къ своей кровати.

XVIII.

Представленіе въ саду.

ЕДИНСТВЕННЫЙ РАЗЪ
ВЪ ЛѢСНОМЪ УБѢЖИЩѢ
!!! ТОЛЬКО ЕДИНСТВЕННЫЙ РАЗЪ !!!
ЧРЕЗВЫЧАЙНОЕ ПРЕДСТАВЛЕНІЕ.
ФОКУСНИКЪ,
ДРЕССИРОВАННАЯ ОВЦА И СОБАКА
и къ довершенію: СЮРПРИЗЪ, самое интересное мѣсто программы.

Большой, съ такой тщательно расписанной надписью, листъ бумаги приклеенъ къ балкону Лѣсного убѣжища.

Въ саду стоятъ кресла, скамейки и стулья въ нѣсколько рядовъ. На балконѣ же должно произойти самое «чрезвычайное» представленіе, какъ значится въ афишѣ.

Блѣдненькая сиротка Сара, которая еще грустила послѣ смерти отца, занимала самое почетное мѣсто.

Это представленіе дается, судя по словамъ Коди, исключительно для нея.

Марья Андреевна, няня и докторъ Анна Васильевна занимаютъ другія, не менѣе почетныя, мѣста.

А одиннадцать дѣвочекъ разсаживаются позади нихъ на стульяхъ и скамейкахъ.

Стряпуха Лиза, кучеръ, дворникъ и сторожъ съ женою и двумя ребятишками, луща сѣмячки, пристроились, стоя позади скамеекъ. Къ нимъ присоединились горничная, поваръ и судомойка Симановскихъ изъ другого «маленькаго» дома, какъ зовутъ помѣщеніе начальницы въ отличіе отъ самого убѣжища.

Наканунѣ Кодя обѣжала всю лѣсную усадьбу, сообщая всѣмъ и каждому о томъ, что, желая развлечь и хоть немножко позабавить убитую горемъ Сарочку, она рѣшила дать завтрашній день занимательное большое представленіе.

Марья Андреевна ничего не имѣла противъ такой забавы. Только послѣднее мѣсто въ афишѣ нѣсколько волновало ее. Что за сюрпризъ готовила Кодя своей невзыскательной публикѣ?

Но на ея вопросъ Кодя таинственно жмурила глаза, сохраняя обычное плутоватое выраженіе лица.

— Если разсказать о сюрпризѣ заранѣе, то сюрпризъ уже не будетъ сюрпризомъ,—отвѣчала она воспитательницѣ.

Послѣдняя съ этимъ не могла не согласиться.

— Только, ради Бога, ничего не дѣлай такого, что можетъ принести вредъ тебѣ или другимъ. Слышишь, Кодя? Вѣдь послѣ ужаснаго происшествія на болотѣ

ты будешь благоразумна? Не правда ли?—несовсѣмъ спокойно говорила она дѣвочкѣ.

— Ну, конечно, буду благоразумна,—безъ запинки отвѣтила та.

— Динь! динь! динь!—неожиданно прозвучалъ колокольчикъ въ глубинѣ дома.

Это означало, что представленіе скоро начнется.

Огромные заплаканные глаза Сары и взоры другихъ дѣвочекъ обратились къ балкону.

И тотчасъ же громкій взрывъ хохота дружно огласилъ лѣсную усадьбу.

На балконѣ, раскланиваясь съ почтенною публикою, на одной ножкѣ стояла Кодя и вправо и влѣво разсыпала воздушные поцѣлуи съ ловкостью настоящаго артиста.

На ней были одѣты матросскія штанишки Славы, а за спиною болталась ватная кофта няни, приколотая въ видѣ плаща къ плечамъ дѣвочки съ одного на другое, какъ носятъ испанскіе укротители звѣрей. На головѣ неуклюже сидѣла старая кучерская шапка, нахлобученная по самыя уши и придававшая Кодѣ невѣроятно комическій видъ. Въ шляпу была воткнута, вмѣсто пера, зеленая вѣтка мохнатаго папоротника. При каждомъ движеніи Кодиной головы вѣтка размашисто качалась изъ стороны въ сторону, кружась надъ донышкомъ шляпы.

— Честь имѣю представиться—знаменитый Плюмъ-Клюмъ, самый извѣстный дрессировщикъ въ мірѣ,—скороговоркой затараторила Софочка, привставъ со своего мѣста и указывая на забавную фигурку Коди, раскланивавшуюся съ почтенной публикой.

— Дрессировщикъ знаменитый, носъ покамѣстъ не разбитый,—затараторила Софочка.—Учитъ птичекъ и звѣрей, и овечекъ, и мышей. Знаетъ толкъ и въ волшебствѣ...

Тутъ Софочка остановилась на минутку, подыскивая риѳму къ слову «волшебствѣ». А знаменитый Плюмъ-Клюмъ громко выкрикнулъ съ балкона, воспользовавшись паузой:

— Прошу вниманія и снисхожденія. Прошу слѣдить хорошенько за всѣмъ, что здѣсь произойдетъ. Прошу также хлопать побольше, не жалѣя ладоней, и, не стѣсняясь, громко выражать восторгъ. Сейчасъ будетъ первый номеръ программы: знаменитый черный пудель, мосье Жучокъ, и не менѣе его знаменитая дрессированная овца, мадмуазель Болтушка, продѣлаютъ передъ почтеннѣйшей публикой всѣ свои головоломные фокусы... Разъ, два, три! Прошу еще разъ вниманія. Я начинаю.

— Динь! Динь! Динь!—снова зазвонила Кодя въ вынутый изъ кармана маленькій колокольчикъ.

— Жучокъ! Болтушка! сюда!—крикнула она вслѣдъ затѣмъ, обращаясь въ глубину дома.

Изъ комнаты на балконъ, дѣйствительно, выбѣжали Жучокъ и Болтушка.

— Пли, Жучокъ, пли!—крикнула Кодя, схвативъ за ошейникъ своего друга.

— Вотъ видите ли, у меня есть кусочекъ мяса,—тутъ Кодя подняла надъ головою тарелку съ остатками обѣда, показывая ее зрителямъ.—Я докажу при помощи его всю благородную дрессировку этого мудрѣйшаго изъ животныхъ (тутъ Кодя ласково похлопала по шеѣ

Жучка). Я положу ему кусочекъ мяса на носъ, и онъ не съѣстъ его до тѣхъ поръ, пока я не скажу ему: пиль.

И говоря это, Кодя, дѣйствительно, взяла съ тарелки кусочекъ жаркого и положила его на кончикъ носа Жучка.

— Гамъ!—сдѣлалъ тутъ же Жучокъ, ужасно раскрылъ ротъ и, какъ ни въ чемъ не бывало, проглотилъ кусочекъ.

«Публика» громко захохотала.

— Неудачный опытъ. Еще разъ, Жучокъ!—нѣсколько смущенная такимъ оборотомъ дѣла, строго обратилась Кодя къ своей «удивительно выдрессированной» собакѣ.—Я кладу еще разъ кусочекъ. Надѣюсь, вы будете умнѣе, мосье Жучокъ.

И она исполнила то, что говорила.

— Гамъ!—сдѣлалъ еще разъ Жучокъ и снова проглотилъ кусочекъ.

И новый взрывъ смѣха огласилъ лѣсную усадьбу.

— Это не въ счетъ! Это не въ счетъ!—крикнула еще болѣе сконфуженная Кодя.

Обращаясь къ Жучку уже сердитымъ и строгимъ голосомъ, она произнесла, грозя пальцемъ передъ самымъ носомъ пуделя:

— Быстрая Лапа, ты не достоинъ носить имя краснокожаго. Но чтобы дать тебѣ возможность исправить свою ошибку, я ставлю тарелку на полъ, отворачиваюсь затѣмъ и считаю до двадцати... Потомъ оборачиваюсь снова и говорю: пиль. Тогда только ты, дрессированное животное, приступишь къ лакомому угощенію.

Кодя положила кусочекъ жаркого на кончикъ носа Жучка...

Гос.
Публичная
Библиотека
в
Ленинграде

Пока Кодя говорила, произошло совсѣмъ непредвидѣнное событіе.

Въ садъ, пользуясь свободнымъ доступомъ, забрела огромная свинья Машка съ цѣлою дюжиною поросятъ. И Машка, и ея семейство, тыкаясь носами-пятачками въ цвѣточныя клумбы и похрюкивая отъ такого удовольствія, понемногу приближались къ балкону.

Болтушка, выжидавшая своего «номера» на балконѣ и уже третій разъ начинавшая отъ скуки ловить черный хвостъ Жучка, принимая его за пучокъ салата, первая увидѣла Машку съ ея хрюшками и посвоему привѣтствовала ее.

— Бэ, бэ. бэ, бэ...

— Хрю, хрю, хрю...—умильно отвѣчала Машка, направляя въ ея сторону свой пятачокъ.

— Бэ, бэ, бэ...—еще разъ протянула Болтушка и, потряхивая рожками, помчалась навстрѣчу Машкѣ, топча и ломая по пути розаны, взрощенные съ большою тщательностью самой Валеріей Сергѣевной.

— Удралъ! Одинъ изъ актеровъ удралъ со сцены!—смѣясь, кричали дѣти.

— Это ничего,—съ любезнѣйшею улыбкою раскланялся съ балкона дрессировщикъ,—у меня остается другой артистъ.

Но тутъ же, оглянувшись на Жучка, Кодя остолбенѣла.

Со свойственной собачьему племени прожорливостью, Жучокъ уписывалъ съ такой добросовѣстной поспѣшностью кушанье на тарелкѣ, точно его, Жучка, не кормили, по крайней мѣрѣ, двѣнадцать дней.

— О, несчастный краснокожій! Гдѣ твоя честность, Быстрая Лапа? — хватаясь за голову, выкрикивала Кодя.

Жучокъ спокойно облизнулся и... раскрылъ ротъ, какъ-будто показывая этимъ, что честность спрятана у него во рту...

Потомъ онъ неожиданно насторожился. Въ это время онъ увидѣлъ Машку съ хрюшками и гонявшуюся за ними Болтушку, успѣвшую попутно отвѣдать вкусъ чайныхъ розановъ на клумбахъ. Сдѣлавъ прыжокъ, Жучокъ стрѣлою метнулся съ балкона, чтобы схватить за ноги Болтушку, Машку и ея поросятъ.

XIX.

Представленіе продолжается.

— Маленькій перерывъ не по моей винѣ,— десятью минутами позднѣе говорила Кодя, когда Машка съ хрюшками, а Болтушка и Жучокъ за компанію съ ними, были съ позоромъ выгнаны изъ сада, и, вволю набѣгавшись за ними, зрители снова заняли свои мѣста.

— Теперь слѣдуютъ фокусы,—повысивъ голосъ, предупредила публику Кодя, помнившая прекрасно пріѣздъ знаменитаго фокусника къ нимъ въ Ялту, и, стараясь во всемъ подражать ему, проговорила:

— Почтеннѣйшая публика! Не можетъ ли кто-либо изъ васъ предложить мнѣ свой носовой платокъ? Не безпокойтесь, я верну его вамъ черезъ пять минутъ въ томъ же видѣ, въ какомъ вы его мнѣ дадите, то-есть цѣлымъ и невредимымъ вполнѣ.

Кодя помнила, что пріѣзжій фокусникъ бралъ платокъ у кого-нибудь изъ публики, разрывалъ его на части и снова возвращалъ въ цѣлости его владѣтелю. Кодя также хорошо помнила, что публика въ Ялтѣ за

это такъ сильно и горячо аплодировала фокуснику, что у многихъ послѣ того образовались на рукахъ мозоли.

И, заранѣе жалѣя своихъ зрителей, дабы у нихъ не случилось того же, Кодя любезно предупредила:

— Прошу не хлопать: простое «браво» явится для меня вполнѣ достаточнымъ одобреніемъ за мое искусство. Но кто же, однако, мнѣ дастъ платокъ?

— На, государынька моя, на, голубонька,—великодушно пришла ей на помощь няня и протянула «знаменитому фокуснику» свой платокъ.

Кодя взяла платокъ и рѣшила продѣлать съ нимъ то же самое, что дѣлалъ фокусникъ, т.-е. разорвать платокъ на глазахъ у зрителей на самые мелкіе кусочки.

Но, конечно, не платокъ разорвать, а ту чистую тряпку, заранѣе приготовленную ею, которую она будетъ сейчасъ показывать вмѣсто платка. Платокъ же Кодя незамѣтно спрячетъ, пока не покажетъ всѣмъ разорванную тряпку, а затѣмъ дунетъ и покажетъ вмѣсто лоскутковъ тряпки совершенно цѣлый платокъ. Это такъ занятно. Очень, очень занятно. И будетъ имѣть, конечно, вполнѣ заслуженный успѣхъ.

И потирая отъ предстоявшаго ей удовольствія руки, Кодя стала рвать на мелкіе-мелкіе кусочки то, что было у нея въ рукахъ.

Увы!—то была не тряпка, а платокъ няни.

Впопыхахъ и въ волненіи, Кодя рвала въ дикомъ неистовствѣ нянинъ носовой платокъ вмѣсто предназначенной для этого тряпки.

— Вы видите,—торжествующе кричала она съ балкона, кромсая платокъ на мелкія части,—что такъ я рву этотъ платокъ, а потомъ дуну, плюну, хлопну, топну и возвращу его цѣлымъ по назначенію.

Но Кодѣ не пришлось ни дунуть, ни плюнуть, ни хлопнуть, ни топнуть.

Няня Ненилушка стремительно сорвалась со своего мѣста, кинулась къ Кодѣ и, вырывая у нея платокъ, отчаянно заголосила:

— Разорвала-таки! Какъ есть разорвала, государынька моя, башибузукъ ты этакій, сорви-голова злосчастный! Да я тебя!... Да я тебя!..

— Не безпокойтесь, сударыня, вашъ платокъ цѣлъ и невредимъ,—съ изысканной вѣжливостью проговорила, отнюдь не смущаясь, Кодя и вынула изъ-за пазухи свою тряпку...

— Ахъ!

Кодя вспыхнула и красная, какъ ракъ, потупила глазки. Она сейчасъ только поняла свой промахъ, свою ошибку.

О, какъ могла она такъ перепутать и принять за тряпку платокъ!

Растерянная, стояла она передъ няней и, путаясь, извинялась.

— Простите, нянюшка, простите,—лепетала она смущенно,—я же хотѣла разорвать тряпку, а не платокъ... Право, я не виновата...

XX.

Окончательно несчастливый день.

ПРЕДСТАВЛЕНІЕ пришлось прекратить.

Няня сердилась, ворчала и бранилась, выкрикивая на весь садъ, что Кодя скверная дѣвчонка, что начала она портить чужія вещи, а тамъ и головы всѣмъ посвернетъ, если дать волю такому башибузуку.

Кое-кто изъ дѣвочекъ соглашался съ няней, другія держали сторону провинившейся.

Марья Андреевна повела смущенную дѣвочку къ себѣ въ комнату и долго увѣщевала ее, прося образумиться и быть какъ всѣ, не шалить, не проказить и никому не дѣлать непріятностей, хотя бы и невольно.

Катиша-трусиша плакала, жалѣя и Кодю, и няню, обѣихъ вмѣстѣ и порознь.

Ляля-малютка увела бѣлокурую Наташу, Ганю и еще двухъ дѣвочекъ подвязывать сломанные розаны на клумбахъ.

Маня, отведя въ сторону большую Липу и Вѣру, сообщала имъ таинственно, что до тѣхъ поръ будутъ

сыпаться несчастія на Лѣсное убѣжище, пока въ немъ останется дѣвочка, тринадцатая по числу.

Но вотъ изъ комнаты наставницы стрѣлою промчалась Кодя.

— Представленіе не можетъ остаться не законченнымъ,—кричала она еще по пути,—но... но... я возобновлю его, когда мы уляжемся спать. Даю вамъ слово. Я представленіе окончу.

— А Марья Андреевна?—замѣтила Липа.

— Марья Андреевна будетъ спать,—подумавъ немного, рѣшила Кодя.

— Но ты, кажется, дала слово мамѣ-Валѣ вести себя прилично?—язвительно роняетъ Вѣра.

— Ахъ, да. Спасибо, что напомнила,—совершенно искренно сорвалось съ устъ Коди, и она усиленно затормошила свою и безъ того вихрастую шевелюру.

— Да, я, дѣйствительно, дала слово и должна его сдержать.

Вечеромъ, въ то время, какъ дѣвочки пили молоко, закусывая его бутербродами, въ столовую влетѣла страшно разстроенная няня.

— Батюшки-свѣты! Угоднички! Святители! Да что-жъ это такое? Изъ деревни отвѣтъ прислали, мнѣ Михайла въ людской читалъ, а сраму-то, сраму сколько! Вся дворня хохотала, надо мной, старухой, хохотала, а я должна была краснѣть да молчать. Марья Андреевна, государынька моя, ужъ ты за меня, сдѣлай милость, заступись... Опять эта шалунья Кодя надѣлала бѣдъ. Вотъ прочти, что мнѣ зять мой пишетъ изъ деревни, да заодно и то, что Кодя,

эта сорви-голова,—прости, Господи!—за меня ему отписала.

Няня была до того взволнована, что едва выговаривала слова.

Встревоженныя дѣвочки испуганно смотрѣли на старушку, которую всѣ онѣ крѣпко любили, несмотря на ея постоянную воркотню.

— Что еще такое? Давайте мнѣ сюда ваши письма, няня,—не менѣе встревоженная, произнесла Марья Андреевна.

Дрожащими руками Ненилушка протянула конвертъ.

Вначалѣ было громко прочтено то письмо, которое, недѣлю тому назадъ, по просьбѣ няни, писала въ деревню Кодя съ поклонами «свиньѣ, коровѣ, коту, козлу, крысѣ, мышамъ, тараканамъ и клопамъ». Затѣмъ Марья Андреевна тоже четко, на всю столовую, прочла и отвѣтъ зятя, мужа няниной дочери изъ деревни, очень обиженнаго письмомъ своей тещи. Послѣ обычныхъ поклоновъ и пожеланій отъ Господа Бога добраго здоровья и успѣха во всѣхъ дѣлахъ, этотъ добрый мужичокъ писалъ матери своей жены:

«А за всѣмъ тѣмъ, любезная наша маменька, Ненила Прохоровна, очень намъ обидны такія ваши слова, и мы ихъ не иначе какъ въ насмѣшку отъ васъ принимаемъ, потому, какъ вы у господъ служите и вы сами въ родѣ какъ образованная, а мы—мужики-простаки, деревенщина, а все же не годится вамъ надъ нами издѣванія дѣлать, потому какъ вы женщина не молодая въ годахъ и чѣмъ шутки шутить, лучше

бы о спасеніи души подумали» и т. д., и т. д., все въ этомъ родѣ.

Няня была очень обижена такимъ письмомъ и во всемъ упрекала Кодю.

XXI.

Не менѣе дня несчастный вечеръ.

— Кодя! Гдѣ она?

— Кодя! Кодя! Кодя!

— Да гдѣ же, наконецъ, Кодя?—несутся снова по всей Лѣсной усадьбѣ дѣтскіе звонкіе голоса, покрывающіе голоса взрослыхъ.

— Нѣтъ Коди! Нигдѣ нѣтъ!

— Софочки тоже!

— Когда же онѣ выскользнули изъ столовой?

Никто, никто не можетъ этого сказать изъ взрослыхъ и дѣтей. Гдѣ Софочка и Кодя—никому неизвѣстно. Всѣ были такъ заняты обидой няни, чтеніемъ письма изъ деревни и новымъ печальнымъ результатомъ Кодиной шутки, что никто не успѣлъ замѣтить, какъ выскользнули обѣ дѣвочки изъ столовой.

— Гдѣ же онѣ, однако?

* * *

Слуховое окно на чердакѣ выходитъ на задній дворъ Лѣсной усадьбы. По двору, какъ разъ подъ са-

мымъ слуховымъ окномъ, безмятежно роется въ грязи Машка со своими хрюшками.

Тутъ же, немного поодаль, расположилась подъ деревомъ, распивая чай, прислуга убѣжища, собравшись одной дружной семьей: здѣсь и кучеръ Михайла съ женою, и дворникъ, и поваръ, и Лиза-стряпуха, и горничная Саша изъ маленькаго дома, и сторожъ.

Пьютъ чай, весело разговариваютъ, смѣются, вспоминаютъ полученное няней письмо изъ деревни и смѣются снова.

— Ахъ, эта барышня Кодя—чистая потѣха, проказница какая! А ужъ и то сказать—веселѣе при неіі стало въ нашей усадьбѣ,—говорила, посмѣиваясь, Саша.

— И впрямь, веселѣе,—вторилъ ей дворникъ.

— Ну, ужъ и возни не мало,—вставилъ свое словечко поваръ.

— Ой-ой, возни сколько!—помотала головой Лиза-стряпуха.—Платья и сапогъ не напасешься, все на ней, какъ въ огнѣ, горитъ.

— А я такъ очень люблю Коденьку и уважаю: на нее глядя, сердце радуется: всегда она привѣтливая, здоровая, веселая, а ужъ затѣйница какая! Какъ нѣтъ ея дома, такъ точно тебѣ и не хватаетъ чего,—проговорилъ кучеръ Михайла, дуя на блюдце съ горячимъ чаемъ.

— Скучно безъ меня, такъ вотъ и я!—раздался внезапно надъ ними веселый голосъ.

Слуховое оконце распахнулось настежь, и въ немъ появилось смѣющееся личико Коди, слышавшей слово въ слово весь разговоръ прислуги.

А изъ-за ея плеча выглядываетъ рыженькая головка кудрявой Софочки.

Сейчасъ въ рукахъ у Коди огромный дождевой зонтикъ, съ которымъ Лиза-стряпуха ходитъ на село за провизіей въ дурную погоду.

И обѣ весело смѣются.

— Друзья мои, — кричитъ звонкимъ голосомъ Кодя,—вы увидите сейчасъ поразительное зрѣлище. Вы, вѣроятно, никогда не видѣли, какъ человѣкъ, поднявшись на воздухъ, спускается на парашютѣ, т.-е. на большомъ зонтикѣ. Но вотъ вы сейчасъ полюбуетесь этимъ несравненнымъ, увлекательнымъ зрѣлищемъ... Я думала было показать вамъ его во время моего представленія. Это должно было быть тѣмъ сюрпризомъ, который значился на афишѣ, но... обстоятельства сложились такъ, что мнѣ нельзя было этого сдѣлать. Но теперь, сейчасъ, я совершу полетъ на парашютѣ. Смотрите.

Тутъ Кодина рослая фигурка съ трудомъ пролѣзла въ окно и показалась на крышѣ.

— Барышня, барышня Кодя! Что вы хотите дѣлать? Остановитесь!—вскакивая со своихъ мѣстъ, громко и тревожно, на разные голоса, закричала прислуга.

— Хочу слетѣть внизъ на парашю...

Кодя не договорила, быстро раскрыла зонтикъ и, высоко держа его надъ головою и крикнувъ: «Разъ! два! три! Лечу!» спрыгнула съ крыши...

Но—ахъ!—что случилось вслѣдъ за этимъ!

Парашютъ, т.-е. зонтикъ, не удержалъ Коди, какъ

Кодя, держа зонтикъ надъ головою, спрыгнула съ крыши...

это она, очевидно, полагала, и дѣвочка съ ужасающей быстротой слетѣла съ крыши внизъ, въ самую середину безмятежно прогуливавшихся по грязи подъ окномъ поросятъ.

Съ оглушительнымъ, отчаяннымъ визгомъ разсыпались въ разныя стороны перепуганныя хрюшки...

Кодя лежала на землѣ въ глубокомъ обморокѣ...

* * *

Когда, получасомъ позднѣе, приведенная въ чувство, Кодя открыла глаза, то увидѣла, что лежитъ въ маленькой чистенькой комнаткѣ, носящей названіе «убѣжищнаго лазарета».

Докторъ Анна Васильевна, горничная Саша и Марья Андреевна со встревоженными лицами возились около нея.

— Ты вывихнула себѣ ногу, бѣдная Кодя. Ее придется вправить, а это будетъ очень больно,—съ грустнымъ сочувствіемъ произнесла Марья Андреевна, гладя непокорные Кодины вихры.

— Это ничего,—произнесла слабымъ голосомъ Кодя.

— Ты кричи и плачь, если будетъ ужъ очень нестерпимо: можетъ быть, это облегчитъ тебѣ и дастъ силы перенести операцію,—посовѣтовала Анна Васильевна маленькой больной.

— О, нѣтъ! Ни кричать, ни плакать я не стану,—возразила съ увѣренностью Кодя.—Я принадлежу къ кружку лѣсныхъ храбрецовъ, я вождь Соколиный Глазъ. А вождь долженъ быть твердъ, какъ скала.

И закрывъ глаза и крѣпко-накрѣпко стиснувъ зубы, Кодя приготовилась къ мучительной операціи.

Боль въ ногѣ во время вправленія на мѣсто ея вывихнутаго сустава заставила Кодю лишь слабо застонать. Капли холоднаго пота выступили у нея на лбу, она поблѣднѣла, какъ мертвая, и еще крѣпче стиснула зубы.

Еще одна минута страшной боли, еще чуть слышный, едва уловимый стонъ—и Кодинъ вывихъ былъ вправленъ.

Докторъ Анна Васильевна положила ногу въ лубки, забинтовала ее и строго-настрого приказала Кодѣ лежать безъ движенія, по крайней мѣрѣ, цѣлую недѣлю.

Теперь вся твердость воли готова была покинуть Кодю. Что-то клубкомъ подкатило къ горлу и обожгло ей глаза. Но дѣвочка во-время вспомнила объ одномъ изъ десяти обѣтовъ, данныхъ ею въ день ея «посвященія», и, прижмуривъ вѣки, прошептала, обращаясь къ дежурившей у ея кровати Марьѣ Андреевнѣ:

— Вы сердитесь на меня? Не правда ли? Но я и такъ достаточно наказана. Не находите ли вы этого, дорогая?

— Увы! Слишкомъ достаточно, моя бѣдная Кодя,— поспѣшила отвѣтить та, съ сожалѣніемъ глядя на дѣвочку. — Но, по крайней мѣрѣ, ты впредь будешь раньше думать, а потомъ уже дѣлать что-либо. Не правда ли, дитя мое? Да?

— Да! Да! Конечно! Я буду раньше дѣлать, а потомъ уже думать, — съ жаромъ подхватила Кодя, не

замѣчая своей ошибки, и крѣпко, съ благодарностью стиснула пальцы воспитательницы.—Только вы... пожалуйста... простите меня.

XXII.

Болѣзнь мамы-Вали.

МАМА-Валя, Слава и Люся возвращаются, наконецъ, въ Лѣсную усадьбу.

Изъ открытаго окна лазарета лежащей въ постели Кодѣ видно, какъ подъѣзжаетъ коляска, какъ Жучокъ кидается навстрѣчу своимъ друзьямъ, какъ обрадованная Болтушка старается изобразить нѣчто въ родѣ привѣтствія всей своей овечьей особой; видно, какъ двѣнадцать дѣвочекъ съ букетами лѣсныхъ цвѣтовъ радостно бросаются навстрѣчу вновь прибывшимъ.

Сердце Коди бьется такъ сильно, точно хочетъ выскочить изъ груди.

Вотъ Слава и Люся выскакиваютъ изъ коляски и осторожно помогаютъ сойти мамѣ-Валѣ.

Но что съ нею? Почему она такъ блѣдна? Отчего у нея такое измученное, утомленное лицо? Что случилось?

Кодя привстаетъ немного на своихъ подушкахъ, опираясь на локти, вытягиваетъ шею и смотритъ до тѣхъ поръ, пока у нея не затекаютъ руки.

Она видитъ, какъ мама-Валя нѣжно обнимаетъ плачущую Сару, такую безпомощную и печальную въ ея траурномъ платьицѣ, цѣлуетъ остальныхъ дѣтей и спѣшитъ къ ней, Кодѣ, тревожно разспрашивая о чемъ-то сопровождающихъ ее Марью Андреевну, доктора Анну Васильевну и няню.

— Кодя! Бѣдная Кодя!

Кодѣ кажется, что добрый ангелъ слетѣлъ къ ней съ неба и повѣялъ на нее своимъ лучистымъ крыломъ.

Теперь она вся съежилась въ объятіяхъ мамы-Вали и, осыпая руки начальницы горячими поцѣлуями, лепечетъ смущенно, чуть слышно, пряча лицо у нея на груди.

— Да, да! Я старалась быть умницей, и все шло хорошо, моя дорогая, только... только я завязла въ болотѣ и чуть не умерла... Потомъ разорвала по ошибкѣ нянинъ платокъ вмѣсто тряпки... Потомъ нечаянно написала не очень-то важное письмо по ея просьбѣ въ деревню... Потомъ спустилась на парашютѣ и вывихнула ногу и.., больше, кажется, ничего; все остальное вполнѣ благополучно,—заключаетъ она совсѣмъ уже тихо-тихо и пристально глядитъ въ блѣдное, измученное лицо любимой начальницы. Глядитъ молча нѣсколько мгновеній и неожиданно, съ дрожью въ голосѣ, кричитъ въ испугѣ:

— Что съ вами? Вы больны, мама-Валя?

Въ лицѣ ея такое отчаяніе и тревога, что Валерія Сергѣевна старается слабо улыбнуться, чтобы успокоить дѣвочку.

— Это ничего, ничего, моя бѣдная дѣтка, я только прихворнула немного въ деревнѣ у папаши... И вотъ никакъ не могу поправиться съ тѣхъ поръ.

И горячія руки госпожи Симановской обвиваютъ сильныя не по годамъ плечи Коди. Она цѣлуетъ дѣвочку и идетъ, слегка пошатываясь, къ двери.

А вечеромъ по всему Лѣсному убѣжищу пробѣгаетъ ужасная вѣсть: Валерія Сергѣевна занемогла, у доброй, любимой начальницы тифъ, и она лежитъ безъ памяти въ своей постели.

Поползли печальныя, грустныя недѣли. Однообразные дни смѣняются еще болѣе однообразными. Всѣ ходятъ съ испуганными, задумчиво-сосредоточенными лицами; въ глазахъ у всѣхъ,—у взрослыхъ и у дѣтей—сильная тревога.

Дѣвочки убѣжища притихли и ходятъ, какъ тѣни, по дому и саду. Говорятъ тихимъ, чуть слышнымъ шопотомъ и поминутно поглядываютъ на сосѣдній домикъ начальницы.

По нѣсколько разъ на дню оттуда приходятъ тревожныя вѣсти: мамѣ-Валѣ все хуже и хуже, мама-Валя очень плоха... Докторъ Анна Васильевна не отходитъ отъ ея постели. Изъ сосѣдняго города по два раза на дню пріѣзжаетъ докторъ.

Слава и Люся не выходятъ больше играть съ дѣтьми убѣжища. Блѣдные и взволнованные, они толкутся по дому и «своему» палисаднику, отдѣленному отъ пріютскаго сада невысокой оградой.

Ждутъ откуда-то издалека родного брата Валеріи Сергѣевны, о которомъ еще недавно съ восторгомъ

отзывался Слава, разсказывая о немъ Кодѣ. Со дня на день ожидается его пріѣздъ, такъ какъ больная чувствуетъ, что ей остается жить недолго.

Страшный Полканъ теперь жалобно воетъ по вечерамъ у своей будки.

— Это къ покойнику!—въ тоскѣ и волненіи бормочетъ Маня и тутъ же крестится маленькими быстрыми крестами.—Я давно уже слышала, что всегда передъ чьей-либо смертью воютъ собаки.

Маня стала теперь еще болѣе суевѣрной, нежели раньше. Она тщательно слѣдитъ, чтобы тринадцать человѣкъ не сидѣло за обѣденнымъ столомъ, чтобы три свѣчи не горѣли въ комнатѣ, чтобы при прогулкѣ по полю заяцъ не перебѣжалъ дороги.

Маня очень опечалена болѣзнью мамы-Вали.

Впрочемъ, опечалена не она одна, опечалены всѣ дѣвочки. Всѣ онѣ безконечно любятъ добрую наставницу, всегда одинаково ровную, заботливую и ласковую съ ними.

У всѣхъ теперь озабоченныя, грустныя и заплаканныя лица.

Одна Кодя безпечна и весела попрежнему. Нога у нея зажила давно, и Кодя носится по лѣсу и саду, по дому и двору, гоняясь за Жучкомъ, который отчаянно лаетъ отъ восторга.

— Кодя! Какъ тебѣ не стыдно! — возмущается Липа. — Мама-Валя при смерти, ей нуженъ покой. А ты кричишь и хохочешь такъ громко.

— У нея нѣтъ сердца! Она не любитъ мамы-Вали!— презрительно щурясь на Кодю, цѣдитъ сквозь зубы Вѣра:

— Кодечка, милочка, пожалуйста, не кричи, маму-Валю тревожишь! — трогательно складывая ручонки, молитъ Ляля-малютка, а за ней и бѣлокурая Наташа.

— Нашли кого просить! Безсердечную, безжалостную дѣвчонку,—вспыльчиво кричитъ Вѣра.—Какъ же! Такъ она и послушается сейчасъ!

Кодя слышитъ все это, смущается и, вспомнивъ, что мамѣ-Валѣ дѣйствительно очень-очень плохо, что мама-Валя серьезно и опасно больна, останавливается посреди сада. Но, уже минуту спустя, замѣтя несущагося ей навстрѣчу съ громкимъ лаемъ Жучка, забывшись, кричитъ во все горло:

— Тише, Жучокъ! Не смѣй лаять! Мама-Валя больна! Ты безпокоишь маму-Валю! Слышишь, тише!

И она очень удивляется, когда двѣнадцать воспитанницъ, не исключая и ея друга Софочки, налетаютъ на нее со всѣхъ сторонъ, шепча ей въ уши, что она самая злая, жестокая и безсердечная дѣвочка на землѣ, потому что своимъ крикомъ безпокоитъ больную.

XXIII.

Единственное спасеніе. Кодя рѣшается на подвигъ.

КРИКЪ Коди встревожилъ больную. Вслѣдствіе испуга у Валеріи Сергѣевны къ вечеру поднялась температура. Жаръ сталъ еще сильнѣе, и пріѣхавшій изъ города докторъ, уѣзжая домой послѣ осмотра больной, говорилъ провожавшей его Марьѣ Андреевнѣ:

— Врядъ-ли есть какая-нибудь надежда на выздоровленіе. Во всякомъ случаѣ, будемъ надѣяться на Бога. Врачъ въ такихъ случаяхъ безсиленъ. Одинъ Господь да самъ по себѣ здоровый организмъ больной могутъ помочь дѣлу.

Все это, плача, стеная и охая, передала лѣснымъ дѣвочкамъ няня.

Дѣти убѣжища плакали навзрыдъ, слушая эту ужасную вѣсть.

— Чуда надо ждать, чуда!—всхлипывая и утирая слезы, говорила няня. — Вотъ кабы помоложе я была...

— Что такое? Что бы ты сдѣлала тогда, няня?—за-

звучали съ тревогой и живостью печальные дѣтскіе голоса.

— А вотъ что, дѣвоньки-государыньки вы мои,— шопотомъ заговорила няня:—есть у насъ въ чащѣ лѣса забытая часовенка, а въ ней колодецъ стоитъ со святой водой. На этомъ мѣстѣ когда-то старикъ-схимникъ, монахъ значитъ, спасался. Святой жизни былъ человѣкъ. Ушелъ онъ въ самую чащу отъ людей подальше молиться о людскихъ грѣхахъ, поститься въ полномъ одиночествѣ и сокрушаться душою за грѣхи своего народа. И такъ, стало быть, своими молитвами Господу Богу угодилъ, что на мѣстѣ его хижинки чудо сотворилъ Господь преогромное, дѣтки: только умеръ тотъ монахъ-схимникъ, и зарыли его люди въ могилу, на мѣстѣ могилы въ тотъ же часъ объявился колодецъ. Вода въ томъ колодцѣ—цѣлебная, святая, благословенная самимъ Господомъ Богомъ. Ежели болящему той воды дать испить—выздоровѣетъ болящій. Безпремѣнно. А только трудно за водой этой къ колодцу идти. Перво-на-перво надо, чтобы душонка за нею шла дѣтская, безгрѣшная, не старше десяти лѣтъ, а потомъ, чтобы никто, ни одна душа, не дозналась объ этомъ. А идтить надоть черезъ лѣсъ, все проѣзжей дороги держаться, а тамъ завернуть въ осиновую рощу. Про ту рощу, слыхали-ль, нечистая слава идетъ. Жила въ той рощѣ злая сила, которая отшельника всячески смущала. И вотъ она покою не даетъ теперь каждому, кто идетъ за святой водой къ колодцу, тѣмъ болѣе, что ночью надо идти, чтобы ни одинъ человѣкъ не видѣлъ...

Охъ, дѣвоньки, тяжко рѣшиться на такой подвигъ. Страшно ночью хоть бы и взрослому въ лѣсъ углубляться; а тутъ еще осиновая роща съ ея нечистью... Охъ! А святой колодецъ, какъ разъ за ней среди сосенъ стоитъ. Зато, кто съ вѣрой въ Бога и любовью къ умирающему ту воду принесетъ—великое спасеніе отъ той водицы святой болящему будетъ. Такъ люди говорятъ,—торжественно и тихо заключила свой разсказъ няня.

Замирая отъ волненія, слушали дѣти. Каждая изъ лѣсныхъ дѣвочекъ думала про себя.

— «Жалко мамы-Вали, ужасно жалко, но идти одной, темной іюльской ночью, сначала черезъ лѣсъ, потомъ по страшной осиновой рощѣ—нѣтъ, это невозможно: умрешь со страху, все равно воды не принесешь».

Даже рыженькая Софочка, казавшаяся смѣлѣе подругъ, пугливо повела своими синими глазами, воскликнувъ:

— Ой, какъ жутко все это!

Что-то шарахнулось подъ окномъ террасы въ то же мгновеніе.

— Ай!—невольно вскрикнули двѣнадцать дѣвочекъ въ одинъ голосъ.—Кто это?—И пугливо покосились въ вечернюю іюльскую темноту, сторожившую за окнами Лѣсную усадьбу.

Кудлатая, взъерошенная голова притаившейся подъ окномъ Коди просунулась на освѣщенную террасу.

— Ха, ха, ха!—засмѣялась дѣвочка.—Маня, гляди. Вы съ няней тринадцать по счету за столомъ сидите.

— Ай!—взвизгнула Маня.—И то правда!

И со встревоженнымъ лицомъ, съ быстротою стрѣлы, выскочила изъ-за стола.

— А на столѣ три свѣта! Глядите!—не унималась Кодя, показывая пальцемъ поочередно то на большую, висѣвшую надъ столомъ лампу, то на фонарикъ, занесенный сюда няней, пришедшей съ нимъ изъ маленькаго дома по темному саду, то на зажженный огарокъ свѣчи, оставленный кѣмъ-то второпяхъ на концѣ стола.

— Ай!—вскрикнула опять Маня и затушила фонарь, свѣчу и лампу заодно, такъ что присутствовавшіе очутились въ темнотѣ, хоть глаза выколи.

— Ай, какъ темно! Какъ страшно!—запищала Катиша-трусиша, цѣпляясь за платье сестры.

— Зажгите же лампу, зажгите лампу!—кричали остальныя дѣвочки.

И опять на дворѣ, въ это время, какъ нарочно, жалобно, зловѣще завылъ Полканъ.

— Господи! Спаси и помилуй нашу маму-Валю:— прозвучалъ звонкій голосокъ Гани Сидоркиной, самой набожной и богобоязненной дѣвочки изъ всего Лѣсного убѣжища.

— Да, спаси и помилуй маму-Валю!—подхватили всѣ ея подруги хоромъ.

— Богъ спасетъ ее! — прошептала сдавленнымъ шопотомъ Кодя.—Спасетъ, потому что...

Она не договорила, замолкла и блестящими глазами смотрѣла теперь въ темноту сада.

А когда двѣнадцать дѣвочекъ уже крѣпко спали,

каждая въ своей кроваткѣ, тринадцатая быстро и безшумно выскользнула изъ своей постели, такъ же быстро одѣлась и, пряча въ карманѣ небольшую пустую склянку изъ-подъ лѣкарства, прошмыгнула на дворъ.

XXIV.

Святой колодецъ.

Какая темная, ужасно темная ночь!

Когда луна заходитъ за облака, словно прячась и заигрывая съ землей, Кодѣ кажется, что ее опустили въ черную-черную могилу.

Ни зги не видно кругомъ.

Если бы Кодя могла захватить съ собой, по крайней мѣрѣ, фонарикъ или Жучка, своего пріятеля и друга!

Но и то, и другое немыслимо. Съ фонарикомъ ее увидятъ, и тогда весь ея «подвигъ» не приведетъ ни къ чему. Жучокъ же, хотя и считается однимъ изъ членовъ Лѣсного кружка и краснокожимъ изъ племени храбрецовъ, но вѣдь онъ—собака, а собакъ нельзя водить въ часовни, какъ и въ церковь, и это твердо помнитъ Кодя.

Вначалѣ, когда Кодя, подъ неописуемый лай Полкана и Жучка выскользнула изъ воротъ Лѣсной усадьбы (вѣрнѣе, пролѣзла въ подворотню, такъ какъ ворота накрѣпко запирались въ ночную пору), она

чувствовала такой страхъ передъ тѣмъ, что ея могли хватиться, увидѣть и вернуть, что самый ужасъ передъ ночнымъ путешествіемъ какъ-то заглохъ въ ея душѣ. Ей во что бы то ни стало хотѣлось выполнить до конца свой подвигъ: принести святой воды изъ колодца и напоить ею умирающую маму-Валю.

Эта мысль такъ воодушевляла Кодю, что она не шла, а бѣжала, какъ на крыльяхъ, по темному лѣсу, держа въ рукахъ захваченную съ собою склянку для святой воды изъ колодца.

Къ счастью, снова выплыла луна изъ-за облаковъ и, скользя по небу, освѣщала своимъ слабымъ, млечнымъ свѣтомъ дорогу.

Жутко въ эту пору въ лѣсу. Лунное освѣщеніе представляетъ деревья и кусты совсѣмъ иными, нежели они кажутся днемъ. Сейчасъ это будто и не лѣсъ даже толпится кругомъ—спереди, сзади, справа и слѣва, а сборище огромныхъ сторукихъ великановъ, протягивающихъ Кодѣ свои мохнатыя вѣтви-пальцы...

Часа два тому назадъ, сидя подъ окномъ террасы и выслушавъ отъ слова до слова весь разсказъ няни, Кодя запомнила съ ея словъ дорогу къ святому колодцу и теперь твердо знаетъ ее до конца: прямо, прямо, потомъ направо и черезъ осиновую рощу снова прямо въ соснякъ, а тамъ, посреди него, и желанная часовня.

Быстро-быстро движутся сильныя маленькія ноги, на которыя изъ предосторожности Кодя не надѣла сапогъ. Да и легче какъ-то и быстрѣе бѣжится босой.

Полпути уже пройдено. Луна снова скрылась, и Кодя теперь бѣжитъ наугадъ въ потемкахъ.

— Боже мой,—шепчутъ уста Коди, пересохшія отъ волненія,—если ты доведешь меня до колодца и поможешь мамѣ-Валѣ, я буду стараться стать другой, совсѣмъ другой, тихонькой и скромной, такой, какъ и всѣ дѣвочки. Господи! только помоги мнѣ спасти маму-Валю! Пожалуйста, помоги!

Что-то зашуршало въ кустахъ, по правую руку Коди.

Дѣвочка скосила глаза и безъ остановки продолжала бѣжать.

Вотъ и лѣсное озеро, а тамъ дальше болото, хорошо знакомое Кодѣ болото.

Сейчасъ залитое молочнымъ свѣтомъ мѣсяца, оно кажется совсѣмъ серебрянымъ и такимъ удивительно красивымъ. А голубые цвѣты сейчасъ—точно снѣгъ.

Луна скрылась уже въ третій разъ, когда Кодя достигла, наконецъ, осиновой рощи.

Она переложила свою склянку изъ правой руки въ лѣвую, а правой долго и истово крестилась.

Жуткія мысли охватили дѣвочку.

— Это роща, гдѣ скрывается нечистая сила,— тревожно косясь вправо и влѣво, прошептала Кодя, вбѣгая подъ темные своды широко и тѣнисто разросшихся осинъ.

Совсѣмъ некстати ей припомнились слова Мани:

— «Осина всегда дрожитъ: это проклятое самимъ Богомъ дерево, потому что на немъ повѣсился Іуда, когда продалъ Господа Христа за тридцать серебренниковъ».

И Кодя, нервно поеживаясь, косится на осины и бѣжитъ дальше.

* * *

— Кто это?

Двѣ яркія точки пронизываютъ темноту, и затѣмъ какая-то странная фигура съ смутнымъ шорохомъ бросается навстрѣчу Кодѣ.

— О-о-о-о!—не то плачетъ, не то стонетъ кто-то дикимъ голосомъ на весь лѣсъ.

Холодный потъ проступаетъ на лбу Коди... Она вскрикиваетъ и хватается рукой за сердце...

Въ тотъ же мигъ исчезаютъ огненныя точки. И хотя шорохъ еще слышенъ, но стонъ-вопль уже не тревожитъ ночной тишины.

— Да это филинъ!—соображаетъ Кодя.—Конечно, филинъ! У него глаза горятъ въ темнотѣ, и кричитъ онъ, точно человѣкъ стонетъ... Чего я, глупая, испугалась?

Она успокоивается и даже смѣется своему недавнему страху.

Кстати и осиновой рощѣ конецъ. Вотъ и соснякъ. А тамъ часовня. Наверху золотой, крестъ, который теперь, въ млечномъ лунномъ сіяніи кажется серебрянымъ.

Кодя быстро спускается къ колодцу, полуживая отъ усталости и волненія, ложится у самаго края его, зачерпываетъ воду въ захваченную ею склянку, приговаривая молящимъ голосомъ одно и то же, одно и то же:

— Господи! Сдѣлай чудо! Спаси маму-Валю, Милосердный Боже!

Потомъ стремительно вскакиваетъ съ земли и, блѣднѣя и шатаясь, хватается за дерево, испустивъ испуганный, полный отчаянія, крикъ...

XXV.

Большая неожиданность. Бѣгство. Кодя у цѣли.

ПРЯМО противъ Коди, подъ обветшалой крышей часовни стояла чья-то высокая темная фигура. Широкій плащъ свѣшивался съ ея плечъ, а блестящая въ лучахъ мѣсяца кожаная фуражка, надвинутая по самыя брови, совсѣмъ скрывала лицо незнакомца подъ своимъ огромнымъ козырькомъ.

Въ первую минуту Кодя замерла отъ неожиданности и страха, но только на одну минуту.

Въ слѣдующее же мгновеніе она вспомнила слова покойнаго отца: — «Если тебѣ покажется что-либо таинственнымъ, загадочнымъ и жуткимъ, подойди прямо къ тому, что испугало тебя, и узнай во что бы то ни стало, что это такое».

Проползла еще одна минута колебанія, и, быстро поборовъ свой страхъ, Кодя шагнула къ незнакомцу.

— Кто вы?—смѣло беря его за руку, протоворила дѣвочка. — Вы навѣрное одинъ изъ тѣхъ злыхъ духовъ, которые водятся въ осиновой рощѣ,

чтобы мѣшать людямъ доставать изъ колодца святую воду.

Едва только успѣла закончить свою фразу Кодя, какъ таинственный человѣкъ схватился за бока и сталъ громко хохотать.

Незнакомецъ смѣялся долго и непрерывно. Ему вторилъ гулкимъ эхомъ лѣсъ. Казалось, всѣ сосны кругомъ и осины изъ «нечистой» рощи, все это смѣялось заодно съ нимъ.

Наконецъ человѣкъ въ плащѣ и фуражкѣ пересталъ смѣяться.

— Милая дѣвочка,—произнесъ онъ, утирая слезы, отъ смѣха выступившія у него на глазахъ,—кто я—ты узнаешь очень скоро, а вотъ кто ты и какъ попала ночью одна въ лѣсъ, вотъ это меня крайне интересуетъ. Вѣдь ты изъ Лѣсного убѣжища? Не правда-ли?

— Да,—произнесла Кодя, потому что не хотѣла и не умѣла лгать.

И тутъ же, спохватившись, вспомнила, что святая вода не поможетъ, если объ ея, Кодиномъ, подвигѣ узнаетъ кто-либо.

— Послушайте,—закричала она съ такимъ отчаяніемъ въ голосѣ, что незнакомцу стало искренно жаль ея,—умоляю васъ, не спрашивайте меня ни о чемъ больше и дайте мнѣ уйти отсюда поскорѣе.

— Но какъ же ты пойдешь одна лѣсомъ, ты, такая маленькая дѣвочка?—искренно волнуясь, спросилъ онъ.

— А какъ же я пришла сюда?—отвѣтила ему во-

просомъ на вопросъ Кодя и тутъ же, умоляюще сложивъ руки, произнесла съ тоской:—я знаю, что вы злой духъ изъ осиновой рощи и хотите, во что бы то ни стало, помѣшать мнѣ довести мой скромный подвигъ до конца, но я не боюсь васъ ни чуточки... Я не дѣлаю ничего дурного, а потому...

Кодя не договорила, схватила свою склянку, прижала ее къ сердцу и стремительно кинулась изъ маленькой лѣсной часовни мимо человѣка въ плащѣ...

* *
*

Теперь она уже не бѣжала, а летѣла по лѣсу, какъ на крыльяхъ, едва касаясь ногами земли. Неслась стрѣлою по сосняку, осиновой рощѣ, по большому лѣсу.

Кодя была убѣждена, что незнакомецъ гонится за нею и вотъ-вотъ нагонитъ и выхватитъ у нея драгоцѣнную склянку съ водой.

Духъ захватывало въ груди дѣвочки... Потъ градомъ катился по ея лицу... Въ головѣ шумѣло... Ноги то и дѣло накалывались на острые сучья. Хвойныя вѣтви больно хлестали ее по лицу и плечамъ, царапая въ кровь своими острыми иглами.

Но Кодя, не обращая вниманія на это, продолжала мчаться, что было духу.

Вотъ и голубое болото... Дальше лѣсное озеро... Съ него поднимается сѣрый предразсвѣтный туманъ...

Уже первый разсвѣтъ разогналъ мракъ въ лѣсной чащѣ, когда Кодя, полумертвая отъ усталости, примчалась въ Лѣсную усадьбу.

Полканъ и Рябчикъ подняли было оглушительный лай, но, узнавъ «своего», стихли сразу.

Теперь Кодѣ надо было во что бы то ни стало проскользнуть къ Валеріи Сергѣевнѣ и напоить больную святой водой.

Она толкнула дверь; дверь оказалась запертой. Тогда Кодя, прошмыгнувъ подъ окнами, остановилась у окна послѣдней комнаты, гдѣ лежала больная.

Дѣвочка тихонько толкнула раму. Сверхъ ожиданія она поддалась.

Кодя безшумно влѣзла на подоконникъ, опасаясь того, что если ее увидятъ сейчасъ лѣзущей въ окно, то примутъ за вора и поднимутъ тревогу на всю усадьбу. Къ счастью, однако, Кодя такъ ловко проникла въ комнату, что даже не потревожила Анны Васильевны, спавшей тутъ же въ креслѣ, у постели больной.

Кодя на цыпочкахъ подкралась къ постели и, увидѣвъ на ночномъ столикѣ порожній стаканъ, вылила въ него все содержимое своей склянки. Потомъ, зажавъ стаканъ въ дрожащей рукѣ, стала ждать, пока зашевелится больная и станетъ просить пить.

Глаза Коди не отрывались теперь отъ измученнаго недугомъ, страшно исхудалаго и блѣднаго лица мамы-Вали, съ плотно сомкнутыми ввалившимися глазами, съ запекшимися отъ жара и потрескавшимися губами, со впалыми щеками, казавшимися еще худѣе и блѣднѣе въ прозрачномъ предутреннемъ освѣщеніи.

Сердечко Коди больно сжималось отъ сочувствія, любви и жалости къ больной.

Она думала въ это время:

— Если мама-Валя выпьетъ воду и поправится,— она, Кодя, еще разъ обѣщаетъ Богу стать другою. Она постарается измѣниться къ лучшему и не огорчать своими проказами милую, дорогую маму-Валю.

Какъ разъ въ это время вѣки больной слабо затрепетали, и она прошептала одно только слово:

— Пить.

Взволнованная Кодя осторожно поднесла одной рукой стаканъ со святой водой къ губамъ Валеріи Сергѣевны, придерживая осторожно другой рукой голову больной.

Мама-Валя до дна осушила все содержимое стакана и снова упала въ забытьи на подушки...

А Кодя опустилась на полъ тутъ же, около ея постели, и, свернувшись клубочкомъ, усталая до изнеможенія и полуживая отъ счастья, уснула сразу, не помня и не чувствуя ничего.

XXVI.

Блестящій исходъ. Злой духъ оказывается совсѣмъ не злымъ духомъ.

Кодя спала... А вокругъ нея кипѣла жизнь. Вставало солнце, вставали люди. Пріѣхалъ докторъ изъ города съ первымъ утреннимъ поѣздомъ и послѣ осмотра больной улыбнулся довольной улыбкой.

Въ больной Валеріи Сергѣевнѣ произошла за эту ночь рѣшительная перемѣна, полный переломъ болѣзни къ лучшему.

Помогла ли вода изъ святого колодца, или сильная здоровая натура молодой женщины сумѣла побороть смерть, но несомнѣнно ей стало много лучше за ночь.

Больная пришла въ себя, узнавала окружающихъ и слабымъ голосомъ говорила съ ними.

Кодя все еще спала.

Удивленная ея присутствіемъ, проснувшаяся Анна Васильевна подняла съ пола дѣвочку и отнесла ее въ гостиную на кушетку.

— Кодя тайкомъ пробралась сюда, должно быть, чтобы дежурить около дорогой нашей больной,—объ-

яснила она сама себѣ и окружающимъ присутствіе здѣсь дѣвочки, не подозрѣвая истинной причины появленія ея здѣсь.

Въ гостиной спящую Кодю окружили всѣ, находившіяся тамъ, дѣти...

— Кодя, проснись!—крикнулъ первый Слава.

— Соколиный глазъ, стыдно спать, когда въ домѣ такая радость!

— Членъ Лѣсного кружка! Вы желаете встать?

И Слава такъ крѣпко схватилъ Кодю за руку, что заспавшаяся дѣвочка, наконецъ, волей-неволей проснулась, открыла глаза и съ удивленіемъ стала оглядываться кругомъ.

— Ахъ! Да кто же это такой, однако?

Каково же было ея удивленіе, когда между Люсей и Славой, стоявшими около кушетки, она замѣтила человѣка въ плащѣ.

Это былъ ея ночной незнакомецъ изъ лѣсной часовни.

Не давъ опомниться Кодѣ и произнести хоть одно слово, Слава затрещалъ, какъ мельница:

— Мамѣ лучше! Понимаешь, Кодя, мамѣ лучше!.. А это дядя Жоржъ. Онъ пріѣхалъ съ зарею, потому что раньше не могъ. Мы его ждали только сегодня къ вечеру и потому не выслали лошадей на станцію, и онъ долженъ былъ заночевать въ лѣсу, потому что пошелъ пѣшкомъ, заблудился и сбился съ дороги.

— А-а-а!—протянула, соображая, Кодя, по привычкѣ ероша свои и безъ того взъерошенные волосы, и, быстро спрыгнувъ съ кушетки, схватила за руку дядю Жоржа (который оказался еще очень мо-

лодымъ человѣкомъ съ веселымъ лицомъ), отвела его въ сторону и протараторила чуть слышной скороговоркой:

— Если вамъ дорога жизнь мамы-Вали, вашей сестры, вы не говорите никому ни слова о томъ, что встрѣтили Соколинаго Глаза въ часовнѣ въ лѣсу ночью! Это необходимо для ея здоровья и жизни, понимаете, необходимо!

Голосъ дѣвочки былъ такъ тревоженъ, а сама она казалась такой взволнованной, что готовая сорваться шутка замерла на устахъ дяди Жоржа, и онъ, пожавъ сильную маленькую руку вихрастой странной дѣвочки, произнесъ:

— Хорошо, будь покоенъ, Соколиный Глазъ. Знай, что не одни краснокожіе, но и бѣлые умѣютъ хранить молчаніе. Судя по твоему открытому, честному лицу, я вѣрю, что ты не сдѣлаешь ничего дурного.

— Прекрасно. Благодарю васъ. А теперь—тихонько на цыпочкахъ къ мамѣ-Валѣ! Я хочу убѣдиться сама, что ей лучше,—тѣмъ же серьезнымъ тономъ проговорила Кодя.

Трогательно было ея личико, когда она съ неизъяснимымъ чувствомъ восторга приникла къ исхудалой рукѣ Валеріи Сергѣевны, твердя въ остромъ приливѣ счастья:

— Я знала, что такъ будетъ, я знала... потому что, что, потому что...

И живо отскочивъ отъ постели, какъ ошпаренная, выскользнула изъ комнаты, дрогнувшимъ голосомъ крикнувъ съ порога:

— Я ухожу, потому что боюсь, чтобы мой языкъ не сболтнулъ чего-нибудь противъ воли. Я ухожу.

А черезъ пять минутъ торжествующее «ура!» уже оглашало Лѣсную усадьбу, сопровождаемое отчаяннымъ лаемъ сторожевыхъ псовъ, бѣшенымъ визгомъ Жучка и неистовымъ блеяніемъ Болтушки.

Это Соколиный Глазъ со своими четвероногими друзьями праздновалъ спасеніе любимой начальницы.

XXVII.

Катиша-трусиша и крокодилъ.

СЕГОДНЯ должно случиться какое-нибудь несчастіе.

— Но почему, почему, Маня?

— Ахъ, Боже мой, вы увидите сами, что случится.

— Да какая же причина? Скажи, наконецъ.

— Во-первыхъ, я встала съ лѣвой ноги, а не съ правой, во-вторыхъ, надѣла платье наизнанку, въ третьихъ...

— Господа,—прерывая Маню и ураганомъ врываясь въ комнату, неистово закричала Кодя,—сегодня какой день? Вы не забыли?

— Понедѣльникъ,—хоромъ отвѣтили дѣвочки.

— Несчастный день!—со вздохомъ произнесла Маня.

— Ахъ, ты все за старое. Пустяки... Нѣтъ, дѣти мои, сегодня самый счастливый, самый дивный день въ нашей жизни, потому что мама-Валя выходитъ сегодня изъ дома, и мы всѣ ѣдемъ на малиновый лугъ.

И Кодя воинственно потрясла надъ головою выпачканными въ землѣ кулаками, въ одномъ изъ кото-

рыхъ пугливо таращила глаза лягушка, а въ другомъ извивался огромный дождевой червякъ.

Лишь только Катиша-трусиша разобрала содержаніе кулаковъ Коди, какъ отчаянно взвизгнула отъ страха и присѣла на полъ.

— Змѣя и жаба! Жаба и змѣя! Ай, ай, ай! Кодя, брось ихъ! Брось, ради Бога, скорѣй!—лепетала она испуганно.

— И не подумаю, потому что въ карманѣ у меня имѣется еще нѣчто бо̀льшее—крокодилъ!—съ торжествомъ заявила Кодя.

Теперь уже визжала не одна Катя, визжали и остальныя дѣвочки, не слушая Софочки, добросовѣстно увѣрявшей дѣтей, что крокодилы водятся въ Африкѣ, Америкѣ, Азіи и Австраліи, а не въ карманѣ Коди.

— Мудрый Змій, запусти свою руку въ сумку твоего краснокожаго вождя,—внезапно оборвала Софочку Кодя тономъ вождя Соколинаго Глаза, не терпящаго никакихъ противорѣчій.

Та безпрекословно исполнила ея желаніе.

Въ сумкѣ, то-есть въ Кодиномъ карманѣ, имѣлась коробка отъ папиросъ, которую и извлекла Софочка. Въ коробкѣ что-то шевелилось и шуршало.

— Что это тамъ?—полюбопытствовала Ляля-малютка, а за нею заглянула подъ чуть пріоткрытую Софочкой крышку коробки бѣлокурая Наташа.

— Я же сказала—крокодилъ,—увѣреннымъ тономъ серьезнаго человѣка проронила Кодя.

— Неправда!—не то испуганно, не то насмѣшливо произнесла Катиша-трусиша.

Но тутъ произошло нѣчто неожиданное.

Коробка выскользнула изъ рукъ Софочки, и изъ нея съ быстротою молніи выскочила маленькая коричневая ящерица съ зелеными, какъ изумрудъ, глазами и мгновенно скрылась въ рукавѣ стоявшей рядомъ съ Софочкой Катиши-трусиши.

Катиша завизжала не своимъ голосомъ и со всего размаха бросилась на полъ.

— Ей дурно!

— Съ Катишей дурно!—вскричали одиннадцать дѣвочекъ.—У нея ящерица въ рукавѣ!

И испуганно ринулись во всѣ стороны отъ Катиши, дикимъ голосомъ вопившей на весь домъ:

— Крокодилъ! Крокодилъ! Крокодилъ! Спасите!

Около обезумѣвшей отъ страха Катиши остались ея сестра, Кодя и Софочка.

Послѣднія ощупывали руку Катиши, стараясь изо всѣхъ силъ поймать на ней увертливое и быстрое, какъ ртуть, живое существо.

Первая прибѣжала на крики няня. За нею—Слава и Жучокъ.

Няня и Слава такъ быстро и стремительно наклонились въ одно и то же время надъ продолжавшей неистово кричать, все еще лежавшей на полу Катишей, что стукнулись лбами и у обоихъ вскочило по огромной шишкѣ на лбу. Очки, которыя няня имѣла обыкновеніе носить на самомъ кончикѣ носа, соскользнули на полъ и разбились вдребезги...

Жучокъ, онъ же Быстрая Лапа, живо заинтересовался выпущенной Кодей на полъ изъ кулака ля-

гушкой, сдѣлалъ скачокъ впередъ, затѣмъ отпрянулъ назадъ, самъ до смерти испуганый необычайной гостьей, и, не видя присѣвшей на корточки передъ визжавшей Катюшей няни, сбилъ старушку съ ногъ.

Между тѣмъ Кодя, поймавъ наконецъ зеленоглазаго «крокодила», подхвативъ лягушку и червяка и сунувъ всѣхъ ихъ въ одну общую коробку, какъ ни въ чемъ не бывало, проговорила, обращаясь къ все еще отчаянно визжавшей и катавшейся по полу Катишѣ:

— Нѣтъ, больше я этого вынести не могу. Въ племени «бѣлыхъ» не должно быть такихъ трусовъ, и я даю тебѣ слово, бѣлокожая сестра моя, что нынче же отучу тебя отъ твоей трусости и сдѣлаю храбрецомъ, достойнымъ Соколинаго Глаза.

Свистнувъ Жучка и подхвативъ подъ руки Славу и Софочку, Кодя со своей коробкой помчалась въ садъ.

XXVIII.

Поѣздка на «малиновую» лужайку.

АВГУСТЪ на дворѣ, но такая теплынь стоитъ въ воздухѣ, точно это не августъ, а іюнь.

Правда, деревья въ лѣсу кое-гдѣ уже пожелтѣли, но лиственницъ здѣсь такъ мало, а хвойныя сосны и ели—вѣчно молоды и зелены въ своемъ колючемъ пушистомъ нарядѣ.

Валерія Сергѣевна съ недѣлю какъ поднялась съ постели и бродитъ уже по саду, опираясь на руку пріѣхавшаго брата, котораго любитъ всей своей душой.

Да и нельзя не любить милаго дядю Жоржа. Онъ только двѣ недѣли тому назадъ пріѣхалъ въ отпускъ изъ своего дальняго города (гдѣ служитъ чиновникомъ въ банкѣ), а всѣмъ обитателямъ Лѣсного убѣжища кажется, что они его знаютъ давнымъ-давно. Дядя Жоржъ, какъ и его старшая сестра, всегда одинаково милъ и добръ со всѣми. Къ тому же онъ такъ веселъ, такъ любезенъ со всѣми. Онъ съ одинаковымъ удовольствіемъ читаетъ вслухъ выздоравливающей сестрѣ и приноситъ косынку Сашѣ-растеряшѣ, которая не

менѣе десяти разъ на дню теряетъ ее въ огородѣ и въ саду, и играетъ въ краснокожихъ съ Кодей, Люсей, Славой и Софочкой.

Потомъ у дяди Жоржа есть еще одна драгоцѣнная способность: дядя Жоржъ умѣетъ хранить тайны.

Кодя особенно за это цѣнитъ и любитъ его. По крайней мѣрѣ за двѣ недѣли, проведенныя въ усадьбѣ, онъ никому не обмолвился ни словомъ о томъ, что встрѣтилъ ночью Кодю въ лѣсной часовнѣ. И, такимъ образомъ, про исторію подвига Коди не знаетъ никто.

А ужъ выдумать ли какую-нибудь веселую затѣю, или соорудить особенно интересную прогулку, дядя Жоржъ—мастеръ на всѣ руки.

И сегодняшняя поѣздка вглубь лѣса—его мысль.

Хотя жара стоитъ, несмотря на августъ, нестерпимая, но ѣхать на «малиновую» лужайку или, попросту, къ лѣсному малиннику, гдѣ спѣютъ и наливаются въ глуши чудесныя спѣлыя ягоды, очень заманчиво и пріятно.

Утромъ няня Ненилушка взглянула на небо и сказала:

— Будетъ гроза. Такъ и паритъ.

Катиша-трусиша, конечно, не упустила случая пропищать при этомъ:

— Я боюсь грозы! Страшно!

Но тѣмъ не менѣе рѣшили ѣхать, такъ какъ небо было безъ единаго облачка, и погода обѣщала до вечера простоять вполнѣ.

Запрягли двухъ лошадей въ большую коляску. Въ

коляску сѣла Валерія Сергѣевна и самыя слабенькія изъ дѣвочекъ: Сара, Катиша, Ляля-малютка, Наташа, Наля и Маня.

Другія дѣвочки, въ сопровожденіи дяди Жоржа, должны были идти пѣшкомъ. Люся и Слава съ неизмѣннымъ Жучкомъ присоединились къ нимъ.

Няня, Марья Андреевна и докторъ рѣшили остаться дома, отказавшись идти по такой жарѣ.

Разумѣется, не обошлось безъ приключеній съ Сашей-растеряшей.

Сначала она позабыла косынку. Вернулись за косынкой. Затѣмъ оказалось, что она оставила дома носовой платокъ; захватили платокъ; наконецъ замѣтили, что Саша по ошибкѣ въ ночныхъ туфляхъ вмѣсто ботинокъ. Пришлось ждать, пока переобуется Саша.

Къ самому разгару солнечнаго припека достигли «малиновой» лужайки, гладкой и ровной, поросшей травою. Тамъ находилось всего только одно единственное дерево съ чудесными развѣсистыми вѣтвями—огромный старый дубъ, случайно выросшій посреди большой поляны, окруженной со всѣхъ сторонъ густымъ малинникомъ.

Какъ только дѣти увидѣли густо разросшіеся кусты малинника, ихъ восторгу не было конца. Съ веселыми криками и смѣхомъ разсыпались они по зеленой заросли, гдѣ было прохладно и тѣнисто и гдѣ соблазнительно рдѣли спѣлыя ягоды среди густой листвы.

Соколиный Глазъ, Смѣлая Рука, Мудрый Змѣй и Быстрая Лапа первые очутились въ густыхъ кустахъ и точно утонули въ зеленомъ морѣ малинника.

Дядя Жоржъ присоединился къ нимъ.

— Нельзя ли принять и меня въ члены Лѣсного Кружка и въ семью краснокожихъ заодно?—обратился онъ съ просьбой къ вождю, Соколиному Глазу.

Кодя внимательно посмотрѣла въ самые глаза дяди Жоржа, какъ бы желая узнать: шутитъ ли онъ или говоритъ серьезно.

— Краснокожіе братья мои,—обратилась она затѣмъ къ Славѣ, Люсѣ, Софочкѣ и Жучку,—что намъ отвѣтить этому бѣлому?

Жучокъ первый изъ пятерыхъ рѣшилъ, что надо отвѣтить.

Онъ прыгнулъ на грудь къ дядѣ Жоржу, положилъ ему на плечи переднія лапы и въ одинъ мигъ облизалъ дядины щеки, носъ, губы и лобъ.

— Быстрая Лапа согласенъ принять новаго члена въ нашъ Лѣсной Кружокъ, но вы, всѣ остальные краснокожіе, что скажете вы?—снова подняла Кодя голосъ.

— Пусть произнесетъ необходимые обѣты и клятвы,—важно рѣшилъ Слава.

— Да, дядя Жоржъ! Произнесите установленные обѣты и клятвы,—подхватили дѣвочки, въ то время какъ Жучокъ тоже какъ будто пытался проговорить что-то, но, само собой, у него получился одинъ бѣшено-радостный лай.

Потомъ дядю Жоржа заставили торжественно повторить все то, что повторяла Кодя на берегу лѣсного озера два съ половиной мѣсяца тому назадъ.

Затѣмъ Кодя нашла длиннѣйшую дубинку, взмахнула ею надъ головою дяди Жоржа, чтобы по разъ уже заведенному обычаю дать вновь посвящаемому «члену Кружка» обычный ударъ, какъ это дѣлалось при посвященіи въ рыцари, и...

И... вмѣсто плеча дяди Жоржа негодная дубинка угодила прямо въ подвернувшійся неумѣстно носишко Люси. Кровь брызнула фонтаномъ изъ этого бѣднаго поцарапаннаго, несчастнаго носика. Одновременно фонтаномъ же брызнули и слезы изъ глазъ дѣвочки.

Но Смѣлая Рука, гримасничая отъ боли, увѣряла при этомъ всѣхъ присутствующихъ, стараясь быть мужественной и терпѣливой:

— Это ничего... Это ничего... Успокойтесь, краснокожіе братья мои. Смѣлая Рука закалена настолько, что всѣ физическія страданія ей ни по чемъ...

И маленькими кулаками утирала при этомъ слезы.

Обрядъ посвященія долженъ былъ прекратиться поневолѣ.

Посвящаемый въ члены Лѣсного Кружка краснокожихъ, дядя Жоржъ, бросился къ племянницѣ, побѣжалъ съ нею къ маленькому ручью, протекавшему вдоль малинника, и тщательно обмылъ раненый носикъ Люси, затѣмъ сорвалъ листокъ подорожника и долго держалъ его приложеннымъ къ Люсину носишку, какъ испытанное средство унять жаръ.

Когда волненіе улеглось, и успокоенные «краснокожіе» снова возвратились къ прерванному торжеству, а Кодя опять взмахнула своей дубинкой,—Жучокъ, хорошо запомнившій всю ловкость Соколинаго Глаза,

предпочелъ убраться въ кусты, гдѣ спряталъ свой носъ въ малинникъ, выглядывая оттуда однимъ глазомъ.

Дядѣ Жоржу дали прозвище «Лѣсной Бродяга» и надѣли на голову такой огромный и странный уборъ изъ травъ и вѣтокъ, что Жучокъ при видѣ его стремительно выскочилъ изъ своего убѣжища и предпочелъ прежде, нежели привѣтствовать новаго «краснокожаго», тщательно обнюхать дядю Жоржа со всѣхъ сторонъ, чтобы убѣдиться, дядя ли Жоржъ это или «всамомдѣлешній» лѣсной бродяга.

Затѣмъ такіе же головные уборы понадѣлали себѣ дѣвочки и Слава, при чемъ Люся и Софочка подняли свои волосы вверхъ и завязали ихъ точно такъ же, какъ, судя по картинкамъ, дѣлаютъ это американскіе дикари.

А Кодя, за неимѣніемъ такой прически, обвила сосновыми вѣтками талію, а за воротъ заткнула нѣсколько небольшихъ листовъ лопуха, изъ которыхъ забавно, какъ изъ окошка, выглядывало ея шаловливое личико.

Когда нѣсколькими минутами позднѣе, дѣти съ дядей Жоржемъ и Жучкомъ, испуская настоящіе крики дикарей, выскочили на поляну, Катиша-трусиша взвизгнула отъ неожиданности и забилась подъ фартукъ коляски, гдѣ сидѣла слѣдившая за дѣтьми Валерія Сергѣевна.

Ляля-малютка, Наташа, Наля-сказочница, Липа и Вѣра храбро отстаивали свою крѣпость, то-есть тѣнистое дерево, изображающее теперь селеніе бѣлыхъ.

Но на сторонѣ «краснокожихъ» былъ Быстрая Лапа, хватавшій за ноги и своихъ, и чужихъ, и визжавшій при этомъ такъ неистово, что битву пришлось пресѣчь волей-неволей въ самомъ ея разгарѣ, чтобы прекратить этотъ крикъ.

Къ тому же Валерія Сергѣевна внезапно почувствовала себя дурно и рѣшила возвратиться домой. Кстати и жара наступила невозможная. Въ воздухѣ сильнѣе повѣяло грозой; предгрозная духота давала чувствовать себя.

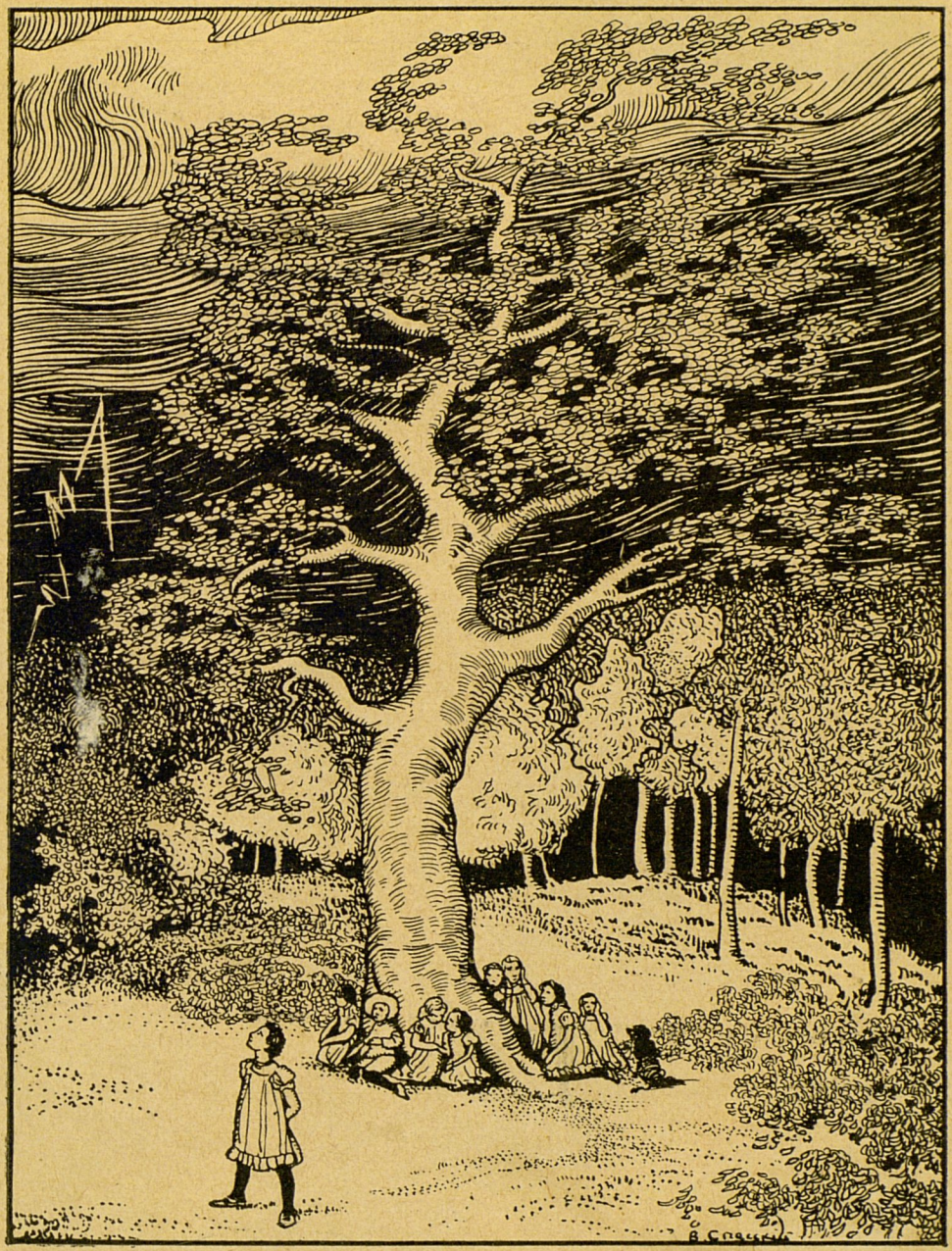
Рѣшено было возвратиться обратно.

— Я провожу тебя, сестра. Боюсь, чтобы тебѣ не стало совсѣмъ плохо по дорогѣ,—заботливо вызвался дядя Жоржъ, успѣвшій сбросить съ головы своей уборъ Лѣсного Бродяги и ставшій снова прежнимъ дядей Жоржемъ.—Кстати и Люсѣ надо домой: она зашибла носъ, слѣдовало бы сдѣлать свинцовую примочку. Да и гроза собирается. Уѣдемъ, а затѣмъ пришлемъ коляску за второй партіей... До дождя еще далеко. Тучи только что начинаютъ собираться.

— Ну-съ, дѣтки, кто въ первую голову ѣдетъ съ нами? Остальныхъ я оставляю на попеченіе большой Липы. Она самая благоразумная изъ васъ.

И, то и дѣло поглядывая тревожно на поблѣднѣвшее отъ усталости лицо сестры, дядя Жоржъ усаживалъ дѣвочекъ убѣжища, вызвавшихся ѣхать въ первую очередь.

Кромѣ Люси, усадили въ коляску и Сашу-растеряшу, которая потеряла въ малинникѣ подвязки съ обѣихъ ногъ и поэтому не могла не возвратиться домой раньше:



Кодя стояла съ задранной къ небу головой...

Гос.
Публичная
Библиотека
в
Ленинграде

чулки сползали у дѣвочки поминутно и доставляли ей этимъ массу непріятностей и хлопотъ.

Взяли и бѣлокурую Наташу, которая жаловалась, что у нея заболѣлъ животикъ, а Ляля-малютка, не отходившая никогда ни на шагъ отъ своей подружки, попросила взять и ее въ коляску.

Налю и Софочку прихватили тоже. Налю—по слабости здоровья, Софочку—изъ боязни оставить такую шалунью съ Кодей.

— Липа, голубушка, послѣди за ними за всѣми, пока не вернется коляска за остальными,—слабымъ голосомъ просила Валерія Сергѣевна большую дѣвочку.

— Положись на меня, мамочка, потому что я единственный мужчина и защитникъ ихъ въ данное время,—крикнулъ Слава вслѣдъ уѣзжавшей колескѣ.

— Да, да. И я тоже посмотрю, чтобы ничего не случилось,—вторила ему Кодя.

Дядя Жоржъ усмѣхнулся и незамѣтно указалъ Кодѣ глазами на распухшій носъ Люси.

Кодя вспыхнула и отчаянно затеребила свой вихрастый хохолъ.

Жучокъ кинулся было вслѣдъ за уѣзжавшими, но Слава энергично крикнулъ ему, возмущенный такимъ поступкомъ:

— Быстрая Лапа! Измѣнникъ! Куда? Ты обязанъ остаться здѣсь. Понимаешь?

Поджавъ хвостъ, Жучокъ, какъ ошпаренный, вернулся къ краснокожимъ братьямъ.

XXIX.

Гроза. Новый подвигъ Коди.

СРАЗУ какъ-то стало нечѣмъ дышать.

Отъ сухого, томительнаго зноя кружилась голова и сохло во рту.

Въ какія-нибудь десять минутъ все небо обложило тучами, и воздухъ накалился, какъ огромная горячая печь. Въ лѣсу потемнѣло, и на «малиновой» полянѣ среди бѣлаго дня наступила ночь.

— Будетъ страшная гроза,—прошептала Вѣра.

— Ничего. Коляска успѣетъ до грозы отвезти нашихъ и вернуться за нами,—успокоивала дѣтей Липа.

— Ахъ, не даромъ я встала съ лѣвой ноги сегодня и надѣла наизнанку кофту,—прошептала испуганно Маня, но вдругъ спохватилась и, оглядывая расширенными отъ страха глазами дѣвочекъ, стала ихъ считать.

— Одна... двѣ... три...—тыкала она указательнымъ пальцемъ то въ одну, то въ другую.—Ну да, такъ и есть, тринадцать! Ужасное число! Конечно, оно принесетъ несчастіе. Иначе и не можетъ быть.

— Да гдѣ ты взяла тринадцать? Насъ только девять,—сосчитавъ наскоро, успокоивающимъ тономъ произнесла Липа.—Ты, я, Вѣра, Ганя, Ося, Катиша, Кодя, Слава и Сара.

— Прошу не обижать, мы съ Кодей представляемъ изъ себя шестерыхъ людей сразу: двухъ лѣсныхъ братьевъ, двухъ краснокожихъ и двухъ просто дѣтей,— обиженно и внушительно заявилъ Слава.

— А Жучокъ? Ты забылъ его, кажется, мой краснокожій братъ!—произнесла возмущеннымъ голосомъ Кодя.

Жучокъ почувствовалъ, что разговоръ идетъ о немъ, завилялъ хвостомъ, какъ будто хотѣлъ подтвердить мнѣніе Коди.

— Ну да, забыли! Развѣ можно забывать Жучка!

— Итакъ, насъ не десять, а... а сколько же, если прибавить еще пятерыхъ?—спросила Кодя.

Вѣра подумала очень серьезно и произнесла важно:

— Восемнадцать.

— Ха, ха, ха, ха!—расхохотались дѣти.

— Вотъ такъ математи...—началъ Слава и мгновенно замолкъ.

Оглушительный ударъ грома сухимъ, трескучимъ звукомъ, съ всесокрушающей силой разлетѣлся по лѣсу.

— Гроза! Я боюсь! Мнѣ страшно!—со слезами вскричала Катиша-трусиша и, схвативъ за руки сестру, метнулась съ нею къ дереву, стоящему посреди поляны. Здѣсь, уткнувшись лицомъ въ стволъ огромнаго дуба, она громко зарыдала отъ страха, закрывая руками лицо.

Что-то ослѣпительное, яркое огромной огненной птицей пронеслось по небу.

— Молнія!—вскрикнули въ одинъ голосъ дѣти.

Теперь всѣ они бросились къ дереву слѣдомъ за Катишей-трусишей.

Всѣ, кромѣ Коди.

Одна Кодя, какъ ни въ чемъ не бывало, стояла съ задранной къ небу головой, съ блестящими глазами и, широко улыбаясь отъ восторга, захлебываясь, лепетала:

— Смотрите! Смотрите! Какая прелесть! Небо точно раскрывается надвое. На двѣ огромныя половины. Какъ это красиво! Ахъ, какая дивная красота!

Новый ударъ грома, сильнѣе прежняго, потрясъ землю.

— Кодя! Кодя!—кричали дѣти, укрывшіяся подъ деревомъ,—иди къ намъ! Тебя убьетъ, Кодя! Иди скорѣй.

Но Кодя все стояла на одномъ мѣстѣ и, словно зачарованная, любовалась картиною разыгравшейся грозы.

Въ ея пылкой головкѣ тѣснились роемъ воспоминанія о такихъ же грозахъ, только втрое сильнѣйшихъ, тамъ, въ далекомъ морѣ, еще при жизни отца... Онъ, ея дорогой покойный папа, тогда же научилъ свою Кодю не бояться, а любить эти удивительно-прекрасныя бурныя картины.

А дѣвочки подъ деревомъ шептали между тѣмъ испуганными голосами:

— Ахъ, Господи, какъ страшно!

Кодя отбѣжала въ сторону и подняла руки...

На добрую память
Вале отъ Бори. 19

На память

. . .

Желаю хорошо учи
Изъ класса въ клас
перех
Домой съ наградой
возвра
ся
И дома весело прожи

г. Харьковъ 19 $\frac{IV}{III}$ 16 Бори
Кал

Гос. Публичная Библиотека в Ленинграде

— Хоть бы громъ больше не гремѣлъ.

— Ужасъ какой!—рыдала Катиша.

— У насъ молніей человѣка убило въ деревнѣ,—сообщила съ испуганнымъ лицомъ Ганя,—такъ весь и сгорѣлъ.

— А мнѣ не страшно. Если суждено умереть—такъ не все ли равно: отъ грозы или отъ болѣзни?—прошептала Сара.—И потомъ, я буду тогда съ моимъ папочкой,—заключила она съ печальной и нѣжной улыбкой, глядя по очереди на подругъ.

— Говорила я—понедѣльникъ нынче. Не слѣдовало ѣхать. Вотъ теперь и умремъ всѣ. Убьетъ насъ гроза,—твердила Маня и тутъ же вполголоса стала шептать молитвы.

— Не каркай, точно ворона,—вспылила Вѣра.

— Смерть не страшна храбрецамъ,—важно произнесъ Слава, трепля черную шею Жучка, глядѣвшаго на всѣхъ не то испуганными, не то жалобными глазами.

— А мнѣ страшно! Мнѣ страшно!—вопила попрежнему Катиша.

И вотъ новый оглушительный ударъ пронесся надъ головами испуганныхъ дѣтей.

Сначала огненный зигзагъ молніи прорѣзалъ небо... Затѣмъ страшный гулъ потрясъ и небо, и землю, и лѣсъ...

— Кодя!—отчаянно, изо всѣхъ силъ выкрикнулъ Слава, но голосъ его утонулъ среди грозового шума.

Но Кодя и безъ того очнулась.

Все еще восхищенными глазами обвела она «мали-

новую» поляну и вдругъ, блѣдная, затряслась всѣмъ тѣломъ.

— Что вы дѣлаете, глупые?.. Нельзя прятаться въ грозу подъ деревья!.. Деревья притягиваютъ молнію. Подъ ними убиваетъ скорѣй!—закричала она во все горло и, не помня себя, ринулась къ дубу.

Слава, привыкшій повиноваться Соколиному Глазу, какъ своему вождю, первый выскочилъ изъ-подъ гостепріимныхъ развѣсистыхъ дубовыхъ вѣтокъ. Жучокъ послѣдовалъ за своимъ господиномъ.

Большая Липа поколебалась съ минуту, потомъ быстро схватила за руку Маню и побѣжала съ нею на открытое мѣсто поляны. Покорная Сара послѣдовала за ними.

Въ голосѣ Коди было что-то такое, что заставило повиноваться ей.

Она много видѣла, много испытала, несмотря на ея нѣжный дѣтскій возрастъ. И потомъ, Кодя—сама истина, сама правда. Ей нельзя не вѣрить, она никогда не только не лжетъ, но попусту и не болтаетъ ничего.

Одна только Вѣра, не умѣющая и не любящая подчиняться, упрямо остается подъ деревомъ. Да еще Катиша-трусиша, отъ страха зажмурившая глаза и зажавшая уши, все еще стонетъ подъ вѣтвями, обливаясь слезами.

— Оля! Оля! Зачѣмъ ты ушла! Останься со мною, Оля!

Но Липа крѣпко держитъ старшую изъ сестричекъ Хмуровыхъ за руку и не пускаетъ ея отъ себя.

Въ одну минуту Кодя уже подъ деревомъ.

— Вѣра! Катя!—кричитъ она отчаяннымъ голосомъ, стараясь быть услышанною сквозь шумъ грозового вихря.—Вѣра! Катя! Скорѣе прочь отъ дерева, иначе васъ убьетъ, безумныя вы дѣвочки!

— Неправда!—сердито отвѣчаетъ Вѣра,—подъ деревомъ не можетъ убить. Убиваетъ на открытомъ мѣстѣ, это всѣ знаютъ.

— Я боюсь выйти!—стонетъ Катиша.

— Вѣра! Катя! Слушайтесь меня!—повторяетъ Кодя.

Голосъ Коди звучитъ еще болѣе повелительно и властно, и ни кровинки сейчасъ нѣтъ въ ея взволнованномъ лицѣ.

Она бросается впередъ, съ силой хватаетъ плачущую Катишу за руку и отрываетъ ее отъ дуба. Потомъ кидается къ Вѣрѣ, чтобы схватить такъ же и ее.

— Ты будешь слушаться меня, Вѣра!

— Убирайся!

— Берегись потерять хоть одну минуту, а то будетъ уже поздно...

И одною рукою Кодя держитъ Катю, буквально повисшую на ея плечѣ, другою отчаянно борется съ упрямой Вѣрой.

Та готова царапаться и кусаться, лишь бы не уступить.

Внезапно что-то ослѣпительно острое, яркое, громадное, огненное проносится мимо и съ оглушительнымъ, поистинѣ адскимъ, громовымъ ударомъ падаетъ внизъ... Отъ стараго столѣтняго дуба разлетается мил-

ліонъ искръ... Огненное пламя мгновенно загорается на его вершинѣ...

Сухой, отчаянный трескъ—и не то со стономъ, не то съ воплемъ падаетъ, скрипя, на землю жутко охнувшее дерево-великанъ...

Оглушительный ударъ гремитъ надъ землею. Столпившіяся на полянѣ, обезумѣвшія дѣти съ перекошенными отъ ужаса лицами, съ вытаращенными глазами, блѣдныя, какъ мертвецы, глядятъ другъ на друга растерянными взорами...

— Кодя! Вѣра! Катиша!—стонетъ большая Липа, хватаясь за голову.—Гдѣ вы? Гдѣ вы?

— Молнія ударила въ дерево точь въ точь какъ въ деревнѣ,—шепчетъ Ганя и крестится широкимъ крестомъ «по-деревенски».

— Господи! Царица Небесная! Владычица! Будь милостива къ намъ, грѣшнымъ!

Она становится первая на колѣни и тихо молится, припавъ головою къ землѣ.

Тоненькій голосокъ Сары затягиваетъ какой-то печальный-печальный еврейскій псаломъ, весь на дрожащихъ нотахъ.

Оля рыдаетъ на всю поляну, протягивая руки впередъ, по направленію къ поверженному дубу.

— Катиша! Бѣдная Катиша! Молнія убила ее!—кричитъ она, обезумѣвшая отъ горя.

Сломанное дерево безпомощно лежитъ передъ ними. Расщепивъ его кору и опаливъ верхушку дуба, молнія проскользнула по серединѣ его сквозь стволъ и ушла въ землю.

Пахнетъ гарью, паленымъ, и самый видъ расщепленнаго дуба-великана ужасенъ для дѣтей.

Съ замираніемъ сердца, дѣти смотрятъ на поверженнаго великана и какъ будто уже видятъ подъ нимъ на землѣ три распростертыя тѣла.

Они не могли не замѣтить упрямства Вѣры, борьбы ея съ Кодей въ послѣдній мигъ. И трепетомъ наполнены дѣтскія сердца за участь троихъ подругъ...

Громкое рыданіе оглашаетъ воздухъ.

Рыдаетъ Оля, рыдаютъ Липа, Маня, Сара, Ганя и Слава, забывшій теперь, что онъ членъ Лѣсного Кружка, Слѣдопытъ-Развѣдчикъ, которому плакать нельзя.

Отчаянно воетъ Жучокъ на всю лѣсную поляну.

— Боже мой! Боже мой! Кодя! Вѣра! Кодя! Мы не увидимъ ихъ больше живыми никогда, никогда...— рыдаетъ Липа, обнявшись съ Маней, точно двѣ родныя сестры.

Ганя молится, широко крестясь, и кладетъ земные поклоны, одинъ за другимъ.

Сара тѣмъ же тоненькимъ голосомъ поетъ псаломъ, посвященный мертвымъ.

Отчаянію дѣтей нѣтъ границъ...

* *
*

— Кодя!

Этотъ крикъ вырвался сразу изъ шести дѣтскихъ грудей.

И всѣ они кинулись навстрѣчу выбѣжавшей изъ-за дерева дѣвочкѣ.

Жучокъ первый съ оглушительнымъ визгомъ ки-

нулся ей на грудь, дрожа отъ волненія, охватившаго все существо вѣрнаго четвероногаго друга.

— Боже мой, Кодя! Ты жива? А другія? Что съ ними? Гдѣ онѣ?—посыпалось градомъ на дѣвочку со всѣхъ сторонъ.

— Онѣ тамъ... Я уложила ихъ на траву. Онѣ живы тоже, но безъ памяти отъ испуга...—спѣшитъ она прерывающимся голосомъ успокоить дѣтей.—Къ счастью, я оказалась сильнѣе Вѣры и насильно вытащила ее изъ-подъ дерева какъ разъ за секунду до того, какъ молнія ударила въ дубъ...

— Кодя! Милая Кодя!

— Смѣлая Кодя!

— Прекрасная Кодя!

— Великодушная!

— Самоотверженная!

— Кодя, золото наше!

Вокругъ Коди теперь тѣснятся заплаканныя, взбудораженныя, взволнованныя лица. Десятокъ рукъ тянется къ ней. Ее цѣлуютъ, душатъ въ объятіяхъ и плачутъ.

Всѣ плачутъ. Даже Слѣдопытъ. Даже Жучокъ,—по-своему, разумѣется, по-собачьему.

— Соколиный Глазъ, ты—смѣлѣйшій и лучшій изъ людей на землѣ, бѣлыхъ и краснокожихъ,—глотая слезы, лепечетъ Слава и жметъ руку Кодѣ такъ, что она вскрикиваетъ отъ боли.

Все послѣдующее затѣмъ происходитъ, какъ во снѣ: бѣгутъ къ ручью за водою, приносятъ ее въ Славиной шляпѣ, мочатъ въ водѣ свои косынки и кла-

дутъ ихъ на головы потерявшихъ сознаніе Вѣры и Кати.

Дѣвочки лежатъ по ту сторону дерева и едва дышатъ.

Если бы не Кодя, вытащившая ихъ въ послѣднюю минуту, рискуя собственной жизнью, ихъ уже не было бы въ живыхъ.

Это узнаютъ всѣ. Въ числѣ первыхъ—дядя Жоржъ и кучеръ Михайла, пріѣхавшіе въ коляскѣ за дѣтьми на «малиновую» поляну.

Они чуть не загнали лошадей, торопясь за оставленными въ лѣсу дѣтьми.

Пришедшихъ въ себя, Вѣру и Катю укладываютъ въ коляску.

Къ счастью, дѣвочки отдѣлались однимъ обморокомъ и чувствуютъ себя сейчасъ вполнѣ здоровыми.

Кодя, красная, какъ піонъ, выслушиваетъ похвалы ея храбрости и самоотверженности и отчаянно теребитъ по привычкѣ свой удивительный вихоръ.

— Кодя—настоящая героиня. Если бы не ея смѣлость, самоотверженность, мужество и присутствіе духа, то, навѣрное...—начинаетъ дядя Жоржъ и не доканчиваетъ, не будучи въ состояніи побороть своего волненія, только крѣпко-крѣпко сжимаетъ Кодину руку.

А тамъ, въ Лѣсномъ Убѣжищѣ, новыя похвалы, поцѣлуи и объятія ожидаютъ Кодю. Разстроенная и потрясенная всѣмъ происшедшимъ, Валерія Сергѣевна рыдаетъ, держа въ объятіяхъ дѣвочку. Няня мечется, охаетъ и причитаетъ, закидывая вопросами дѣтей. Докторъ Анна Васильевна, Марья Андреевна, дѣти и прислуга смотрятъ на Кодю, какъ на восьмое чудо міра.

Послѣ благодарственнаго молебна, отслуженнаго въ крошечной церкви убѣжища приглашеннымъ изъ города батюшкой, Валерія Сергѣевна снимаетъ съ себя медальонъ и одѣваетъ его на шею смущенной Кодѣ.

— Это тебѣ за спасеніе тобою твоихъ подругъ и Славы,—говоритъ она торжественнымъ голосомъ и цѣлуетъ дѣвочку.

За нею цѣлуютъ ее и всѣ остальные.

Кодя переходитъ изъ объятій въ объятія и рѣшительно недоумѣваетъ, что она сдѣлала такого особеннаго, за что ее надо такъ благодарить.—Вѣдь каждый на ея мѣстѣ,—размышляетъ Кодя,—долженъ бы поступить такъ же.

Въ тотъ же вечеръ, когда она собирается уснуть, къ ея постели прокрадывается кто-то.

— Кодя... милая... храбрая... Прости меня... ради Бога, прости...—лепечетъ Вѣра, прижимаясь щекой къ щекѣ Коди.—Ахъ, Кодя... если бы не ты... не ты... Какъ мнѣ отблагодарить тебя...

И совсѣмъ уже смущенно она добавляетъ:

— Я никогда-никогда не буду больше такой злючкой, Кодя... Подумать страшно, что сталось бы со всѣми нами, если бы... если бы... ты не настояла на своемъ, Кодя...

XXX.

Лягушка. Переполохъ. Немного силы воли и все прекрасно.

ВѢРА очень скоро оправилась отъ своего испуга и потрясенія.

У Катиши-трусиши дѣло вышло нѣсколько посложнѣе.

Дней пять-шесть подъ рядъ послѣ катастрофы Катишу-трусишу била сильная лихорадка, а по ночамъ во снѣ она то и дѣло вскрикивала страшнымъ голосомъ на всю комнату:

— Молнія! Гроза! Спасите!

Это навело Кодю на мысль вылечить Катишу отъ страха, и она стала ждать только подходящаго для того случая.

* *
*

Суббота. Канунъ праздника.

Лѣсныя дѣвочки только что пришли изъ домашней церкви убѣжища, гдѣ стояли всенощную, и, усталыя, прошли въ столовую пить молоко.

Наскоро закусивъ бутербродами, неизбѣжнымъ придаткомъ къ вечернему молоку, онѣ поднялись наверхъ, въ спальню, раздѣлись и улеглись по своимъ постелямъ, мечтая о тѣхъ удовольствіяхъ, которыя ожидали ихъ каждый праздникъ, въ видѣ пикниковъ и дальнихъ поѣздокъ въ лѣсъ.

Марья Андреевна, сама очень уставшая за день, раньше обыкновеннаго потушила лампу, и большая спальня съ тринадцатью дѣтскими кроватками и одной большой няниной кроватью погрузилась въ темноту.

Полная тишина воцарилась въ комнатѣ. Только кто-то изъ лѣсныхъ дѣвочекъ дѣлился впечатлѣніями дня, чуть слышно перешептываясь съ сосѣдкой по кровати, да, кряхтя и охая, няня растирала свои больныя ревматизмомъ ноги.

И вотъ неожиданно подъ кроваткой Катиши-трусиши раздается громкое, на всю спальню слышное:

— Ква! Ква! Ква!

Нужно сказать, что больше всего въ мірѣ, больше грозы и коровъ, больше темноты и свиньи Машки, больше Полкана и червяковъ Катя боится лягушекъ.

Лягушка для Катиши всего страшнѣе въ мірѣ. Изъ-за лягушекъ Катя никогда не рѣшается выйти погулять послѣ дождя, зная, что лягушки любятъ сырость· никогда не купается въ лѣсномъ озерѣ съ другими дѣвочками, потому что тамъ водится пропасть лягушекъ и жабъ.

И точно на зло Катишѣ, въ спальню лѣсныхъ дѣвочекъ сегодня забралась лягушка.

Зубы Катиши начинаютъ щелкать отъ страха. Го-

лова поднимается съ подушки, и пронзительнымъ голосомъ Катя визжитъ на весь дортуаръ:

— Лягушка! Ай! Лягушка! Лягушка!

— Ква! Ква! Ква!—невозмутимо отвѣчаетъ дѣвочкѣ непрошеная гостья изъ-подъ ея кровати.

— Лягушка!—еще разъ дикимъ голосомъ вопитъ Катя и будитъ няню и подругъ.

— Что такое? Что случилось?—слышатся вокругъ нея сонные голоса встревоженныхъ ея криками дѣвочекъ.

— Лягушка!—вскрикиваетъ еще разъ Катиша и зарывается въ подушку головой.

— Ква! Ква! Ква!—снова доносится изъ-подъ постели.

— Что ты, матушка, государынька моя. Очнись, родная! Какъ можетъ попасть лягушка въ спальню, во второй этажъ! — искренно возмущается Катишину страху няня.

— Ква! Ква! Ква!—прерываетъ ее громкое квакание подъ постелью.

— Ахъ, батюшки, Святители мои! И впрямь лягушка!

Катя продолжаетъ кричать неистово.

Дѣвочки вскакиваютъ со своихъ постелей и сбѣгаются къ ней на помощь.

Особенно Оля. Она всегда очень волнуется за сестру. Еще бы! Катя такая пугливая. Она всего боится.

Но и сама Оля, и другія дѣвочки боятся лягушки едва ли менѣе Кати.

Онѣ нерѣшительно топчутся на мѣстѣ и робко переглядываются между собой.

Въ спальнѣ чьей-то предупредительной рукой уже зажжена второпяхъ лампа.

— Ай! ай! ай! Возьмите ее, иначе она прыгнетъ ко мнѣ на постель!—умоляющимъ голосомъ обращается Катиша къ подругамъ.

— Ква! Ква! Ква!—неистовствуетъ лягушка подъ кроватью, какъ будто намѣреваясь на самомъ дѣлѣ подтвердить опасенія Катиши и прыгнуть на постель.

— Поймайте ее! Поймайте!—обращаясь другъ къ другу, молящими голосами лепечутъ дѣти.

Какъ бы не такъ. Поймать лягушку это, по мнѣнію дѣтей, все равно, что прыгнуть въ пасть бенгальскаго тигра. Страхъ, одинъ и тотъ же неописуемый страхъ овладѣваетъ ими.

Вдругъ Софочка вспоминаетъ къ общему удовольствію:

— Надо пойти разбудить Кодю. Если кто-либо и сможетъ взять лягушку въ руки, такъ это только она.

— Правда! Правда! Софочка говоритъ правду!—соглашаются дѣти.

— Совершенно вѣрно,—неожиданно слышится знакомый голосъ изъ-подъ Катишиной постели,—и въ доказательство скажу вамъ всѣмъ: я уже поймала лягушку, она здѣсь, у меня въ кулакѣ.

И знакомая, вѣчно растрепанная, вихрастая голова Коди, а слѣдомъ за ней и вся сильная коренастая фигура дѣвочки выползаетъ изъ-подъ кровати и плутовато улыбается во весь ротъ.

— Ахъ!—вскрикиваютъ дѣвочки въ одинъ голосъ, шарахнувшись въ сторону отъ Коди.—Лягушка у нея въ рукахъ! Лягушка!

— Что же тутъ удивительнаго? Я поймала ее, пока вы тутъ дрожали отъ страха,—снова говоритъ Кодя смѣясь и, присѣвъ, къ немалому ужасу Катиши, на край ея постели, продолжаетъ твердымъ, рѣшительнымъ тономъ, безъ малѣйшаго смѣха на этотъ разъ:

— Я посажу ее тебѣ сейчасъ на плечи, Катиша-трусиша, если ты не возьмешь ея въ руки тотчасъ же въ присутствіи насъ всѣхъ. Ты должна убѣдиться, что лягушка вовсе не такъ страшна... Попробуй... И ты навсегда отучишься отъ своей глупой боязни. Ты слышишь меня, Катя?—строгимъ вопросомъ заканчиваетъ она свою рѣчь.

Увы! Катиша слышитъ прекрасно все это и, сидя съ вытаращенными отъ страха глазами на своей постели, лепечетъ заплетающимся языкомъ:

— Кодя, милочка, дорогаечка, золотаечка, Кодя, уйди съ твоей гадкой лягушкой! Уйди, ради Бога, подальше отъ меня!

— Коденька, государынька моя!—вторитъ ей и няня, не рѣшающаяся прибѣгнуть къ болѣе крутымъ мѣрамъ, такъ какъ сама до полусмерти боится всякихъ нечистыхъ гадовъ, въ родѣ жабъ, лягушекъ и мышей.—Государынька моя, уважь Катенькину просьбу...

Но Кодя неумолима.

Кодя самымъ серьезнымъ образомъ обвела глазами всѣхъ присутствовавшихъ и произнесла безъ малѣйшаго

колебанія, обычнымъ важнымъ тономъ Соколинаго Глаза:

— Не мѣшайте мнѣ отучить эту дѣвочку отъ ея трусости и дать ей возможность принять прозвище храбреца. Она или возьметъ лягушку и подержитъ ее въ продолженіе минуты на своей ладони, или сейчасъ я посажу ее на шею этой трусихѣ. Даю минуту на размышленіе. Итакъ, я начинаю отсчитывать: разъ, два... три...

Голосъ Коди полонъ рѣшительности, а глаза и лицо суровы.

Что она не шутитъ,—увы!—въ этомъ сомнѣваться нельзя. Катиша видитъ отлично и эти суровые глаза, и лицо и слышитъ этотъ сердитый голосъ...

Дѣйствительно, милосердія отъ Коди ожидать нельзя.

Ужасъ, въ ожиданіи страшнѣйшаго, заставляетъ Катишу выбрать менѣе жуткое изъ двухъ. Она зажмуриваетъ глаза, раскрываетъ для чего-то ротъ во всю его величину и такъ, не глядя, протягиваетъ ручонку Кодѣ.

— Только скорѣе! Только скорѣе!—со слезами молитъ она.—Вотъ!

Въ одно мгновеніе что-то холодное, твердое, страшное переходитъ изъ рукъ Коди въ руку Катиши.

Катиша съ отчаяніемъ сжимаетъ кулакъ и кричитъ при этомъ на весь домъ, на все убѣжище, на всю Лѣсную Усадьбу:

— Спасите! Помогите! Я ее держу! Она у меня въ рукахъ! Спасите меня, спасите!

— Довольно,—рѣшаетъ Кодя и съ силой вырываетъ у Катиши злополучную лягушку изъ рукъ.— Молодецъ! Не струсила и достойна названія храброй!— одобряюще говоритъ она, ударяя по плечу горько рыдающую Катишу.

— А теперь,—обращается она ко всѣмъ окружающимъ постель Катиши дѣвочкамъ,—я вамъ покажу, на что можетъ быть способенъ Соколиный Глазъ...

И она преспокойно кладетъ лягушку себѣ въ ротъ.

— Ахъ!—съ ужасомъ роняютъ двѣнадцать голосовъ.

— Кодя хочетъ съѣсть живую лягушку! Смотрите, лягушка у нея во рту!

— Святители! Угодники! Божья Матерь! Владычица!—шепчетъ содрагаясь няня,—и впрямь лягушку съѣсть собирается, башибузукъ!

Кодя смотритъ на всѣхъ съ минуту серьезно, а вслѣдъ затѣмъ разражается громкимъ, неудержимымъ смѣхомъ.

— Не лягушка это, не лягушка, а—вотъ!—и она широко раскрываетъ ротъ, давясь отъ смѣха.

Во рту Коди—яблоко, отнюдь не похожее на зеленую лягушку.

Она вынимаетъ его изо рта и весело говоритъ:

— А лягушки никакой и не было даже... Я сама сидѣла и квакала подъ Катиной постелью... Хотѣла пріучить ее не быть такой трусихой, да, кажется, изъ этого не вышло ничего.

Да, кажется, не вышло. Кодя близка къ правдѣ, потому что Катиша-трусиша, хотя и подержала въ

рукахъ воображаемую лягушку, а все же не ходитъ гулять послѣ дождя, пока не просохнутъ дорожки, и попрежнему не купается въ лѣсномъ озерѣ.

XXXI.

Осень. Новая обязанность. Искушеніе.

ДАВНО улетѣло жаркое лѣто. Стало холодно и грустно въ лѣсу. Листья съ кустовъ и съ немногихъ деревьевъ совсѣмъ опали. Только сосны и ели попрежнему пышны и зелены и однѣ оживляютъ лѣсную глушь.

Цвѣты давно умерли, повяли на клумбахъ. Осенній холодный вѣтеръ кружитъ послѣдніе листья растеній. Мелкій дождь мороситъ съ утра.

Вѣчныя сумерки стоятъ надъ Лѣсной Усадьбой. Часто изъ лѣса доносится вой волковъ, протяжный, однозвучный и жуткій. Ему вторятъ Рябчикъ и Полканъ, спрятавшіеся въ свои будки отъ осенней сырости, холода и дождей.

Скучно и тоскливо осенью въ лѣсу.

И въ самомъ убѣжищѣ не менѣе скучно. Полдня проходитъ за уроками, другая половина—за играми, чтеніемъ и добровольными работами, во время которыхъ дѣвочки приготовляютъ сюрпризы къ рождественскимъ праздникамъ.

До Рождества остается какихъ-нибудь два мѣсяца съ половиной. А тамъ и святки—не замѣтишь, какъ подойдутъ. Дѣвочки работаютъ, приготовляя сюрпризы на елку мамѣ-Валѣ, воспитательницамъ и другъ другу. А Марья Андреевна читаетъ имъ что-нибудь вслухъ.

Середина октября особенно выдалась тоскливой. Нельзя выйти погулять: дождливо, сыро и неприглядно цѣлые дни.

Дѣти маются въ ожиданіи перваго снѣга. Тогда будетъ снова хорошо. Игра въ снѣжки, собственноручная расчистка лѣсныхъ тропинокъ, катанье съ горы и на конькахъ по глади лѣсного озера. То ли не радость, не праздникъ ждетъ ихъ впереди!

Еще скучнѣе стало со дня отъѣзда дяди Жоржа. Онъ отправился въ свой городъ, обѣщавъ пріѣхать погостить на Рождество.

Къ Славѣ взяли учителя, который долженъ подготовить мальчика въ корпусъ, куда Слава поступитъ въ будущемъ году.

Люсю сама Валерія Сергѣевна взялась подготовить въ приготовительный классъ гимназіи.

Марья Андреевна въ свою очередь усидчиво занимается съ дѣтьми, особенно со старшими: Вѣрой, Липой и Маней, которымъ тоже предстоитъ съ будущей осени переселиться въ сосѣдній городъ въ пансіонъ.

Малыши занимаются попрежнему.

А Кодя, лишенная возможности часто видѣться съ дѣтьми Симановскими, скучаетъ. Заниматься ей тоскливо. Дѣвочки проходятъ то, чему она давно выучилась въ Ялтѣ, гдѣ занималась съ дѣтьми товарища ея отца.

А шить, работать иглою она не можетъ и не умѣетъ вовсе.

Чтобы разсѣять какъ-нибудь Кодю, скучающую по вольной лѣтней жизни, Марья Андреевна придумала новое занятіе для нея. Ровно часъ въ день Кодя, закутанная въ непромокаемый плащъ, при ближайшемъ участіи Жучка, за оградой сада пасетъ Болтушку.

Болтушка тоже скучаетъ по зеленому лѣсу, по сочной травѣ и лѣтней жизни на волѣ, какъ и Кодя. Бѣдная овечка похудѣла даже, находясь постоянно въ душномъ помѣщеніи, взаперти. И Кодя великодушно вызвалась ежедневно пасти Болтушку.

Дождь и слякоть для нея, Коди, ни по чемъ. Она никогда не простужается, никогда не схватываетъ насморка и кашля, какъ другія дѣти. Она, Кодя, вполнѣ закаленный маленькій человѣкъ.

Сначала мама-Валя пришла въ ужасъ, что Кодя будетъ пасти Болтушку; но тутъ на помощь Кодѣ явились докторъ Анна Васильевна и Марья Андреевна, заявившія начальницѣ, что для такихъ, какъ Кодя, ежедневныя прогулки, даже при дождливой и холодной погодѣ, нужнѣе сна и ѣды. И, скрѣпя сердце, мама-Валя дала на это свое согласіе, приказавъ, однако, строго-настрого Кодѣ не отходить отъ воротъ.

* *
*

Ясный студеный денекъ стоитъ надъ землею. Прояснилась сѣрая даль. Выглянуло скупое октябрьское солнце и осѣнило своей короткой лаской лѣсъ.

Кодя, въ теплой ватной кофточкѣ, въ мѣховомъ

треухѣ и высокихъ, непромокаемыхъ сапогахъ, похлопывая рукавицами, пляшетъ отъ нетерпѣнія, стоя на одномъ мѣстѣ.

Болтушка съ невозмутимымъ видомъ пощипываетъ траву. Жучокъ, заинтересованный прыгающей съ дерева на дерево бѣлкой, лаетъ оглушительно, то и дѣло выкидывая удивительные прыжки.

Довольно-таки однообразна картина. Какъ она надоѣла Кодѣ за послѣднее время!

Заборъ Лѣсной Усадьбы... ворота... большой домъ и маленькій... Церковка на горушкѣ... и опять заборъ...

А тамъ, въ лѣсу—прелесть. Рдѣютъ позднія ягоды брусники... Пышно зеленѣютъ сосны... Солнце пробирается въ самую глубину вѣтвей...

Да, хорошо!

А вотъ ее туда не пускаютъ, Кодю. Чего они боятся, право? Волковъ, что-ли? Но волки не подойдутъ такъ близко къ человѣческому жилью: они сами боятся людей. И потомъ Кодя не отошла бы слишкомъ далеко отъ усадьбы. Такъ, немножко развѣ, прогуляла бы Болтушку по лѣсной чащѣ, гдѣ еще чуть зеленѣютъ остатки травы.

Ну, разумѣется, никакого несчастія отъ этого произойти не можетъ.

Кодя заглядываетъ за ворота.

Тамъ все тихо и спокойно. На дворѣ никого нѣтъ. Въ саду, гдѣ еще полчаса назадъ лѣсныя дѣвочки совершали обычную послѣобѣденную прогулку, теперь тоже пусто.

Кодя знаетъ, что онѣ сейчасъ въ классной: кто

читаетъ, кто играетъ въ куклы, кто слушаетъ Налины сказки. Долго на сыромъ воздухѣ оставаться имъ нельзя. Теперь не лѣто.

Но она, Кодя, не онѣ. Ее, крѣпкую, здоровую, съ румянцемъ во всю щеку, ее—энергичную и сильную—такъ и тянетъ пробѣжаться хоть разокъ по лѣсной чащѣ.

Одинъ, единственный разъ.

Только что скрылось солнце со двора. Но тамъ, среди зелени деревьевъ, оно еще играетъ, посылая свои золотые лучи.

Вотъ бы туда...

Соблазнъ растетъ съ каждой минутой въ душѣ Коди. Никакое благоразуміе не въ силахъ выдержать борьбы съ нимъ.

Дѣвочка еще разъ оглядывается на окна дома. Все спокойно... Никто не видитъ ея... Сердце то прыгаетъ, то замираетъ въ груди Коди.

И тихо шепнувъ: «Болтушка! Жучокъ!»—она исчезаетъ въ чащѣ.

Четвероногіе спутники вполнѣ сочувствуютъ Кодину рѣшенію.

Еще бы! Они сами стосковались безъ лѣса, у этихъ скучныхъ воротъ.

Жучокъ въ одно мгновеніе превращается вновь въ неистоваго дикаря Быструю Лапу и пляшетъ свой дикій танецъ вокругъ неслышно убѣгающей въ глубь лѣса Коди.

А Болтушка—та просто-таки захлебывается отъ восторга при возможности погулять на волѣ. И даже,

вмѣсто обычнаго: «бэ, бэ, бэ», какъ будто приговариваетъ:

— Хорошо мнѣ! Хорошо мнѣ! То-есть, удивительно хорошо!

Или только это такъ слышится Кодѣ?

Дѣйствительно, хорошо въ лѣсу.

Кодя бросается со всего размаха на траву и кубаремъ катится нѣсколько секундъ.

Рядомъ съ нею другой живой кубарь бѣшено прыгаетъ по сухой осенней травѣ.

Быстрая Лапа совсѣмъ неузнаваемъ въ лѣсной чащѣ. Горятъ восторгомъ его собачьи глаза.

— Давно бы слѣдовало придти сюда. А то, невидаль какая—гулять подъ заборомъ!—какъ будто говорятъ Кодѣ эти радостно-восторженные глаза.

Болтушка совсѣмъ онѣмѣла отъ счастья. Углубилась въ самую чащу, въ полномъ молчаніи наслаждается вкусомъ лѣсныхъ корней и позднихъ растеній и мха.

Кодя лежитъ на сухой травѣ, глядитъ въ небо и мечтаетъ.

Придетъ лѣто, опять трава зазеленѣетъ, запестрѣетъ цвѣтами. Здѣсь и тамъ замелькаютъ мотыльки, вернутся перелетныя птицы съ юга, и снова будетъ весело и хорошо...

XXXII.

Неожиданная встрѣча.

ТИХОЕ рычаніе Жучка внезапно обрываетъ длинную вереницу Кодиныхъ мыслей. Кодя быстро поднимаетъ голову и смотритъ на Жучка, который въ свою очередь глядитъ, тревожно насторожившись, въ чащу.

— Краснокожій товарищъ мой, дорогой Быстрая Лапа, что ты?

Но Жучокъ даже не смотритъ сейчасъ на своего вождя, Соколинаго Глаза. Что-то совсѣмъ иное приковало вниманіе Жучка.

Кодя въ одну секунду прослѣживаетъ по направленію его взгляда и видитъ: большое тощее сѣрое, похожее на собаку, животное, со втянутыми ребрами, со стоячими ушами и съ горящими, какъ уголья, глазами, подкрадывается къ мирно пасущейся въ сторонѣ овцѣ.

— Волкъ!—отчаянно вырывается изъ груди Коди, и она крѣпче сжимаетъ въ рукѣ небольшую дубинку, съ которой никогда, какъ настоящій пастухъ, не разстается въ тѣ часы, когда пасетъ Болтушку.

— Болтушка, сюда!—не своимъ голосомъ кричитъ Кодя и, не помня себя, кидается впередъ съ поднятой дубинкой.

Жучокъ съ оглушительнымъ лаемъ, вѣрнѣе, воемъ, слѣдуетъ за нею.

Но сѣрое животное, оказавшееся дѣйствительно волкомъ, слишкомъ проголодалось, чтобы послушаться дѣвочки и небольшого пса. Со страшнымъ щелканьемъ зубовъ оно бросается на Болтушку и, вцѣпившись зубами въ ея бѣлую спинку, легко поднимаетъ блеющую овечку съ земли и тащитъ ее въ лѣсъ.

— Пиль, Жучокъ, пиль!—вопитъ полнымъ ужаса голосомъ Кодя и, въ два прыжка настигнувъ хищника, изнемогающаго подъ тяжестью овцы, изо всѣхъ силъ бьетъ его дубинкой по спинѣ.

Отъ боли и испуга волкъ выпускаетъ изъ пасти окровавленную добычу и мгновенно поворачивается въ сторону дѣвочки.

Страшнымъ огнемъ горятъ теперь его глаза, глаза обманутаго въ своихъ ожиданіяхъ хищника; громко щелкаетъ онъ зубами, и во всей его, поджарой отъ голода, фигурѣ видна дикая рѣшимость не уступить намѣченной добычи.

Съ минуту онъ ждетъ, наступивъ передними лапами на лежащую передъ нимъ окровавленную Болтушку. Затѣмъ дѣлаетъ прыжокъ по направленію къ Кодѣ и... съ воемъ отскакиваетъ назадъ, потому что Жучокъ предупреждаетъ его желаніе и, прежде нежели волкъ успѣваетъ предпринять что-либо, со всей силой своихъ острыхъ зубовъ впивается въ его шею...

Кодя едва помнитъ, что произошло вслѣдъ за этимъ...

Съ дикимъ воемъ, слившимся въ одинъ протяжный и стонущій гулъ, два четвероногихъ существа, собака и волкъ, катаются по травѣ, обезумѣвъ отъ ярости, а она, Кодя, изо всѣхъ силъ бьетъ по спинѣ и головѣ лѣсного хищника каждый разъ, когда онъ подминаетъ подъ себя злополучнаго Жучка и оказывается сверху.

Это происходитъ до тѣхъ поръ, пока дикій вопль Коди и отчаянный вой животныхъ не услышаны въ усадьбѣ.

Кучеръ Михайла, дворникъ и сторожъ съ вилами, дубинами и двумя ружьями, имѣющимися въ усадьбѣ, бѣгутъ въ лѣсъ.

За ними бѣгутъ поваръ Симановскихъ, Слава и его учитель. Послѣдній съ револьверомъ въ рукахъ.

Пифъ! Пафъ!—гремятъ выстрѣлы по всему лѣсу, выпущенные вверхъ, на воздухъ, изъ предосторожности, чтобы не задѣть Коди и Жучка.

Волкъ чуетъ—ему не сдобровать отъ вдесятеро теперь сильнѣйшаго врага. Остается одно спасеніе—бѣгство. И съ отчаяннымъ воемъ, бросивъ Жучка, онъ снова устремляется къ Болтушкѣ, истекающей кровью. Но тутъ его опять встрѣчаетъ дубинка Коди.

Пренебрегая опасностью быть на смерть загрызенной звѣремъ, дѣвочка такъ и барабанитъ дубинкою то по головѣ, то по сѣрой спинѣ хищника, то по его костлявымъ бокамъ.

Удары точно ошеломляютъ волка, но онъ все же не хочетъ бросить своей жертвы.

Новый выстрѣлъ пугаетъ окончательно лѣсного звѣря, и волкъ кидается въ чащу, оставивъ свою добычу и думая только о своемъ спасеніи.

Теперь въ него можно стрѣлять безъ опасенія поранить кого-либо. И кучеръ Михайла первый безстрашно посылаетъ свою пулю вдогонку звѣрю.

Отчаянный вой оглашаетъ лѣсъ. Волкъ падаетъ на землю мертвый...

* *
*

Съ замирающимъ отъ жалости сердцемъ Кодя обмываетъ раны Жучка и несчастной Болтушки—жертвъ ея, Кодиной, опрометчивости.

Мужчины помогаютъ дѣвочкѣ. Они преисполнены уваженія къ ея отвагѣ. Вѣдь Кодя дралась одинъ на одинъ съ волкомъ, пренебрегая собственной жизнью ради спасенія овечки!

Ей пожимаютъ руки, восторгаются ею, хвалятъ ее, благодарятъ.

Но почему-то эти похвалы не радуютъ Коди. Одна и та же дума преслѣдуетъ ее: вѣдь если бы не она, не ея непослушаніе и легкомысліе—Болтушка и Жучокъ были бы здравы и невредимы, а теперь...

Сколько страданій пришлось имъ перенести изъ-за нея!

Кодино сердце дрожитъ раскаяніемъ. Непривычно притихшая, идетъ она, потупивъ голову, въ усадьбу, объ руку со Славой, между двумя израненными четвероногими друзьями.

Сзади нея тащатъ убитаго волка.

Кодя изо всѣхъ силъ бьетъ лѣсного хищника...

А тамъ, въ усадьбѣ, ее уже встрѣчаютъ испуганные и взволнованные близкіе.

Слава и Люся подъ руководствомъ доктора Анны Васильевны дѣлаютъ перевязку раненымъ.

Кодя въ отчаяніи.

— Если Болтушка и Жучокъ умрутъ, истекутъ кровью, я буду виновницей ихъ гибели,—лепечетъ Кодя и, уткнувшись головой въ колѣни начальницы, тихо стонетъ, схватившись за свои вихры, не ощущая на этотъ разъ обычной радости отъ нѣжныхъ ласкъ мамы-Вали, старавшейся успокоить дѣвочку и рѣшившей не выговаривать ей за ея проступокъ.

Къ счастью, четвероногіе друзья скоро оправились; ихъ раны затянулись.

Но Кодина сердечная ранка, ранка жалости и раскаянія въ содѣянномъ ею поступкѣ долго не могла еще затянуться.

По ея собственной просьбѣ шкуру убитаго волка повѣсили въ классной, и каждый разъ, когда мысли о новыхъ проказахъ начинали роиться въ головѣ дѣвочки, Кодя бросала взглядъ на волчью шкуру, и вмигъ у нея исчезало всякое желаніе шалить.

И Кодя съ этого дня полюбила Жучка сильнѣе прежняго. Она выпросила разрѣшеніе повѣсить на его ошейникъ бронзовую медаль, нарочно купленную въ городѣ, на которой была выгравирована краткая надпись:

«Храброму Жучку за его защиту. Отъ Коди».

И долго еще разсказывали всѣмъ и каждому о томъ, какъ маленькій Жучокъ бросился на большого волка ради ея, Кодина, спасенія.

XXXIII.

Недавнее прошлое скоро забывается. Новая проказа.

Это былъ скучнѣйшій урокъ.

Никто, положительно никто не любилъ его.

Марья Андреевна, сидя на своемъ обычномъ мѣстѣ въ классной, читаетъ вслухъ:

«У одного мальчика было четыре десятка яблокъ въ одной корзинѣ и пятнадцать яблокъ въ другой. Изъ первой корзины мальчикъ продалъ восемнадцать яблокъ...»

Лѣсныя дѣвочки всѣ, кромѣ Ляли-малютки, которая въ это время тщательно выписываетъ буквы въ своей тетрадкѣ, рѣшаютъ задачу.

«У одного мальчика было четыре десятка яблокъ въ одной корзинѣ...»

Ахъ, какъ это скучно!

Кодя давно, еще въ Ялтѣ, прошла четыре правила ариѳметики и теперь невыносимо тоскуетъ за урокомъ.

За окнами теперь прочно и весело водворилась

бѣлокудрая красавица-зима. Лѣсъ, одѣтый во все бѣлое, сталъ такимъ чистенькимъ, свѣжимъ и волшебнымъ. Бѣлыя снѣжинки малюсенькими бабочками поминутно порхаютъ въ воздухѣ. Зеленыя сосны и ели стоятъ всѣ, запушенныя инеемъ.

А тамъ, за чащей, среди бѣлѣвшихъ отъ снѣга деревьевъ, расчищенная дорожка ведетъ къ лѣсному озерку.

На озерѣ снѣжная гора. Нѣсколько штукъ маленькихъ санокъ-самокатовъ стоятъ въ маленькой, сколоченной на скорую руку на зимнее время, избушкѣ-грѣлкѣ, куда дѣти забѣгаютъ погрѣться послѣ катанья съ горы.

Ихъ всѣхъ послѣ обѣда поведутъ на озеро; всѣхъ, кромѣ слабенькой Сары да Ляли-малютки, которымъ запрещено долго быть на воздухѣ и которыя могутъ только чинно гулять по саду, по его расчищеннымъ дорожкамъ.

Бѣлокурая Наташа, вѣрный и неотлучный другъ Ляли, добровольно жертвуетъ веселой забавой на озерѣ и чинно гуляетъ по саду со своей маленькой подружкой, чтобы та не слишкомъ скучала безъ нея.

Остальныя дѣвочки мечтаютъ о предстоящей прогулкѣ и стараются какъ можно лучше и точнѣе рѣшить задачу, зная, что отъ скорости ея исполненія зависитъ продолжительность урока.

Что, однако, съ Кодей? Зачѣмъ она незамѣтно соскользнула со стула и очутилась подъ столомъ? Почему она такъ пристально разглядываетъ тамъ большія и маленькія ноги? Отчего плутоватая улыбка то и дѣло бороздитъ ея губы?

Кодя вспоминаетъ... Мама-Валя уѣхала въ городъ. Вернется только къ ужину. Слава и Люся съ нею... Какъ скучно безъ нихъ! Чѣмъ бы позабавиться до ихъ пріѣзда?

Въ карманѣ Коди есть что-то, что можно несомнѣнно «пустить въ дѣло». А если пустить это «что-то» въ дѣло, то выйдетъ очень интересная и забавная исторія.

Кодя улыбается и по привычкѣ отчаянно теребитъ свои, нѣсколько отросшіе за лѣто и осень, вихры.

— Ха-ха-ха! Презабавная выйдетъ штучка!—говоритъ она про себя.

Затѣмъ лѣзетъ въ карманъ, по своей величинѣ похожій скорѣе на мѣшокъ или сумку, вытаскиваетъ оттуда тщательно уложенную въ бумажку иголку съ длинной-предлинной ниткой и осторожно, не производя шума, начинаетъ медленно подползать отъ одной пары дѣтскихъ ногъ къ другой, съ ловкостью, которой позавидовалъ бы дѣйствительный краснокожій. Подлѣ каждой пары ногъ она остается не болѣе двухъ-трехъ минутъ, затѣмъ такъ же безшумно ползетъ дальше.

Марья Андреевна въ это время помогаетъ Налѣ и Вѣрѣ рѣшать задачу, которая дается имъ съ трудомъ.

Дѣти всѣ съ головою ушли въ свою работу. Никому изъ нихъ не приходитъ въ голову заглянуть подъ столъ, гдѣ копошится и хозяйничаетъ Кодя.

«У мальчика было четыре десятка яблокъ въ одной корзинѣ...»

И вдругъ отчаянный крикъ: «Мышь! мышь! мышь!» покрываетъ все.

Мышей въ Лѣсномъ Убѣжищѣ боится не только Катиша-трусиша, но и всѣ дѣвочки. Даже менѣе другихъ пугливая Софочка особенно недолюбливаетъ этихъ звѣрей. Поэтому можно себѣ представить, что за впечатлѣніе получилось въ классной при одномъ напоминаніи о мыши.

Всѣ соскочили со своихъ стульевъ и съ перепуганными блѣдными лицами кинулись въ разныя стороны.

Но не тутъ-то было. Бѣжать ни одна изъ дѣвочекъ рѣшительно не могла.

Не могли по очень простой причинѣ—иголка съ ниткой въ рукахъ Коди сдѣлала свое дѣло. Подолы двѣнадцати дѣвочекъ оказались крѣпко-накрѣпко сшитыми. Поэтому двѣнадцать маленькихъ лѣсныхъ обитательницъ усадьбы могли только двигаться одна за другою длинной вереницей.

— Мышь!—еще разъ выкрикнулъ подъ столомъ громкій голосъ шалуньи, которая нарочно, точно мышь, скребла ногтемъ о полъ подлѣ стула Катиши, помѣщавшейся на крайнемъ мѣстѣ у стола.

Катиша метнулась съ громкимъ крикомъ въ сторону. За нею метнулись еще одиннадцать дѣвочекъ подъ рядъ. Катиша вскочила на свой стулъ у стола.

И двѣнадцать дѣвочекъ запрыгали, какъ сороки, на свои стулья.

Катиша спрыгнула на полъ, бросилась съ пронзительнымъ крикомъ въ столовую, и длинная шеренга дѣвочекъ, не отставая, кинулась туда же за ней.

И надо же было Лизѣ-стряпухѣ какъ разъ въ эту минуту нести огромную миску съ супомъ имъ навстрѣчу!

Катиша съ большими отъ страха глазами и съ дикимъ крикомъ: «мышь! мышь! мышь!» наскочила на Лизу и на злополучную миску.

— Трахъ-тара-рахъ!.. Дзинь! Дзинь! Дзинь!..— разлетѣвшись на сотню мельчайшихъ кусковъ, пропѣла разбитая вдребезги миска, выливая супъ на полъ.

Не вѣсть откуда выскочилъ Жучокъ и, бросившись къ мѣсту катастрофы, живо вылизалъ съ полу супъ. Покончивъ съ этимъ дѣломъ, онъ съ отчаяннымъ лаемъ устремился слѣдомъ за дѣвочками, хватая по пути за платье то одну, то другую.

Изъ классной уже бѣжала Марья Андреевна, изъ лазарета—Анна Васильевна, изъ людской—прислуга.

— Что такое?

— Пожаръ?

— Горимъ?

— Гдѣ горитъ?

Кучеръ Михайла взволновался до такой степени, что схватилъ ведро, полное воды, и, очевидно, не соображая, что онъ дѣлаетъ, вылилъ все содержимое ведра на колѣни няни, кричавшей громче другихъ:

— Горимъ! Горимъ! Горимъ!

Марья Андреевна кричала не менѣе громко:

— Дѣти, успокойтесь! Никакой мыши нѣтъ! Это, навѣрное, опять Кодина продѣлка, дѣти! Успокойтесь, дѣти! Слышите меня—никакой мыши нѣтъ!

Но сами дѣвочки кричали до того, что было мудрено что-либо услышать.

— Мама-Валя ѣдетъ!—покрывая всеобщій шумъ, прозвенѣлъ громко и весело хохочущій голосъ Коди.

Дѣти живо остановились, какъ вкопанныя.

— Гдѣ мама-Валя? Гдѣ? Развѣ она уже вернулась?

Маму-Валю ждали только къ вечеру. Стало быть, что-то случилось, разъ она возвращается раньше. Ужъ не заболѣла ли опять? Что случилось? Что?

Маму-Валю обожаетъ все Лѣсное Убѣжище, и достаточно лишь одной мысли о томъ, что съ нею неблагополучно, и мышь забыта.

Кодя отлично пользуется этимъ случаемъ и, схвативъ нянины большія ножницы, живо при помощи ихъ отдѣляетъ одну дѣвочку отъ другой. «Ахъ, вы, трусишки,—говоритъ она наставительно, тономъ взрослой,—никакой мыши здѣсь нѣтъ... Я пошутила. И мама-Валя не думаетъ возвращаться даже; это я нарочно сказала, чтобы какъ-нибудь облагоразумить васъ».

И она старательно продолжаетъ свою работу.

Плачевная, однако, это работа.

Во всемъ виноваты ножницы: вмѣсто того, чтобы отдѣлить сшитые подолы воспитанницъ убѣжища, онѣ рѣжутъ огромныя дырки на шерстяной ткани теплыхъ платьицъ. Получается дыра на костюмѣ Липы. И еще дыра на подолѣ Вѣры, и у Сарочки, и у Нали, словомъ, почти у всѣхъ.

Марья Андреевна въ ужасѣ. Няня въ ужасѣ. И Лиза-стряпуха тоже въ ужасѣ...

Во-первыхъ, испорчено больше полудюжины платьевъ. Во-вторыхъ, отъ суповой миски остались одни черепки; въ-третьихъ, мокрая няня похожа на утку, только что вышедшую изъ воды; въ-четвертыхъ, у Михайлы лицо на цѣлый аршинъ вытянуто отъ сму-

щенія, а глаза прилипли къ полу, и онъ въ двадцатый разъ принимается извиняться за свою неосторожность передъ няней.

И Кодя смущена, теребитъ свои вихры и не улыбается больше...

Марья Андреевна беретъ ее за руку, подводитъ къ шкурѣ волка, висящей на стѣнѣ классной, и говоритъ печально и строго:

— Кодя не исполнила своего слова.

— И солгала...—вторитъ ей убитымъ голосомъ Кодя.—Сказала, что мама-Валя ѣдетъ, а мама-Валя и не думаетъ ѣхать...

— А честная Кодя никогда не лжетъ,—вторитъ дѣвочкѣ ея молодая наставница.

— Никогда!—эхомъ откликается Кодя.—И поэтому заслуживаетъ наказанія,—тихо, совсѣмъ тихо прибавляетъ она.—Накажите меня, пожалуйста. Пожалуйста, накажите,—молитъ она послѣ небольшой паузы.

— Я никогда не наказываю никого, ты это знаешь отлично,—тѣмъ же печальнымъ голосомъ говоритъ Марья Андреевна;—но я не отнимаю у тебя права сдѣлать это самой...

— Хорошо!—соглашается Кодя.—Я накажу самое себя, потому что солгала и не сдержала даннаго при моемъ посвященіи въ члены Лѣсного Кружка обѣщанія.

И она печально поникаетъ вихрастой головой и опускаетъ смущенные глаза.

XXXIV.

Наказанная сама собой, Кодя высказываетъ правду.

ВСѢМЪ лѣснымъ дѣвочкамъ извѣстно рѣшеніе Коди. Она рѣшила наказать себя. Это наказаніе очень сурово: цѣлую недѣлю Кодя не ходитъ на озеро и лишаетъ себя удовольствія кататься съ горы, играть въ снѣжки со Славой, Люсей, Софочкой и Жучкомъ, но... этого все еще недостаточно Кодѣ.

Правда, она наказала себя за глупую проказу, но все-таки впервые сказанная ложь осталась безъ наказанія, и Кодя очень волнуется по этому поводу. Какъ и чѣмъ искупить эту ложь? Въ ушахъ Коди то и дѣло звучитъ фраза покойнаго отца:

«Моя Кодя всегда говоритъ правду, всегда одну только правду».

А она-то...

А она взяла и солгала. Сказала тогда, въ то злополучное утро, что мама-Валя ѣдетъ, и это та же ложь, тотъ же обманъ, та же несдержанная клятва...

Стыдно Кодѣ. Невесело на душѣ...

Да, какъ Соколиный Глазъ и членъ Лѣсного Кружка, она провинилась жестоко передъ остальными братьями. Да.

— Ложь можно искупить только сугубой правдой. Правдой, усиленной правдой и ничѣмъ другимъ,— припоминаетъ Кодя слышанныя когда-то слова.

Но какъ это сдѣлать?

— Ахъ, вотъ,—мысленно говоритъ Кодя,—я буду говорить всѣмъ въ глаза все то, что я о нихъ думаю.

Да, да. Это и будетъ прекрасное искупленіе.

И Кодя какъ можно скорѣе рѣшаетъ привести свою мысль въ исполненіе.

Прежде всего она идетъ къ нянѣ въ ея комнатку, гдѣ старушка, ничего не подозрѣвая, вяжетъ чулокъ.

— Нянюшка,—говоритъ Кодя съ видомъ необычайно кроткой и покорной голубки,—милая, хорошая, дорогая моя нянюшка, знаете ли вы, что я васъ не очень-то люблю?

— Люби, матушка, люби, государынька моя,— шепчетъ, не разслышавъ, растроганная и умиленная няня.—Меня не за что не любить: пекусь я о васъ, сироткахъ, какъ о внучкахъ своихъ, денно и нощно...

— Вы не разслышали меня, няня,—съ тою же невозмутимой кротостью, значительно повышая голосъ, говоритъ снова Кодя.—Я васъ не люблю и даже очень не люблю за то, что вы все время ворчите и всегда браните меня за всякую шалость. Люди должны быть привѣтливы и добры, какъ мама-Валя.

Сначала няня широко разѣваетъ ротъ и смотритъ

на Кодю такъ, точно передъ нею не Кодя, а сѣрый волкъ изъ лѣсной чащи. Потомъ она сердито и быстро говоритъ, предварительно роняя съ носа очки:

— Башибузукъ! Какъ есть сорви-голова! И не стыдно тебѣ, и не стыдно, сударыня! Уходи отъ меня. Уходи, неблагодарная. Я ей и чулки штопаю, и платье чиню до полуночи, каждый день хоровожусь надъ нею, а она... Вотъ тебѣ и спасибо, государыня моя, отблагодарила меня...

— Не кричите,—тѣмъ же кроткимъ и печальнымъ голосомъ проговорила Кодя.—Все равно я васъ отъ этого не въ состояніи буду полюбить.

И она поспѣшила выйти изъ комнаты расходившейся старушки.

Теперь Кодя прошла прямо къ доктору.

Анна Васильевна веселыми смѣющимися глазами глядитъ на Кодю, отрываясь отъ книги, которую читала.

Кодя стоитъ у порога и въ свою очередь смотритъ на Анну Васильевну во всю ширину своихъ раскрытыхъ глазъ.

— Что тебѣ нужно отъ меня, дѣвочка?

— Я должна нынче высказать все то, что думала и говорила дурного о другихъ,—говоритъ она, объясняя доктору свое рѣшеніе.

— Ха-ха-ха! Это занятно!—залилась смѣхомъ добродушная Анна Васильевна.—Это занятно. Что же ты могла бы сказать дурного обо мнѣ?

— О, ничего дурного, ни капли дурного, только...

Оказывается, что она называла доктора Анну Васильевну «толстушкой», «четырехмѣстной каретой»,

называла «уткой, ходящей вперевалку», одинъ разъ даже...—какой ужасъ!—«гиппопотамомъ».

— Не хорошо, Кодя; не хорошо такъ насмѣхаться, въ особенности надъ старшими,—спокойно говоритъ докторъ.

Кодя смущенно опускаетъ глаза.

— Простите, Анна Васильевна,—лепечетъ она.—Простите, потому что я васъ все-таки очень-очень люблю, милая моя. Очень-очень люблю,—и она исчезаетъ за дверью.

Вскорѣ она, какъ ни въ чемъ не бывало, появляется въ классной.

Тамъ дѣвочки какъ разъ шутя спорили о томъ, на кого похожа Липа: на липу, на березу или на осину.

— Кодя! Кодя!—спросили всѣ въ одинъ голосъ,—скажи намъ на кого, по-твоему, Липа похожа. Только говори правду!

— Правду? Хорошо. По-моему, Липа не похожа ни на липу, ни на осину, потому что онѣ зеленыя лѣтомъ и бѣлыя зимою, а Липа совсѣмъ черная, какъ сапогъ, точно не моется никогда.

Липа вспыхиваетъ отъ обиды.

— Я не черная, а смуглая,—говоритъ она, багрово краснѣя.

— Посмотри на твои руки,—возражаетъ Кодя.—Онѣ вовсе не смуглыя, а просто грязныя...

Обиженная Липа расплакалась.

— Странно!—говоритъ Кодя.—Вѣдь меня просили сказать правду. Да я и сама рѣшила говорить только правду.

— Кодя, Кодя, а я на кого похожа?—вскрикиваетъ Софочка и лепечетъ скороговоркой:—Кодя, милая, скажи мнѣ всю правду, укажи, чтобъ исправилась я, чтобы полюбила ты меня.

— Мудрый Змѣй, краснокожій другъ мой,—говоритъ торжественно Кодя,—тебѣ недостаетъ храбрости. Надо быть смѣлѣй и не бояться ни лягушекъ, ни мышей.

Затѣмъ Кодя говоритъ Катишѣ-трусишѣ, что не выноситъ ея за трусость; Олѣ, ея сестричкѣ,—что она, Оля, не умѣетъ отучить отъ страха младшую сестру; Манѣ,—что пора-бы ей перестать быть такой суевѣрной и что только необразованные люди вѣрятъ еще въ примѣты и въ сны.

— Въ сны-то ужъ вѣрить буду,—сердито заявляетъ Маня,—потому что они правду говорятъ. Сегодня я видѣла во снѣ, что всѣ мы купались въ озерѣ, а это не къ добру—къ болѣзни. Вотъ увидишь.

Ляля-малютка, обнявшись съ Наташей, подошла къ Кодѣ.

— А намъ что ты скажешь, Кодя?

Ласковымъ взоромъ дѣвочка окинула обоихъ дѣтей, трогательно привязанныхъ другъ къ другу, и, помолчавъ, сказала:

— Вы обѣ такъ любите другъ друга, такъ дружны между собой, что я бы очень хотѣла быть на мѣстѣ одной изъ васъ, чтобы самой имѣть такого друга.

— Возьми меня!—протянула Саша-растеряша, выступая впередъ.

— Тебя?—Кодя весело расхохоталась.—Хорошенько

привяжи сначала твою голову къ шеѣ, Саша, а то, не ровенъ часъ, ты потеряешь и ее...

Дѣвочки разсмѣялись, а Саша надулась; слезы обиды навернулись у нея на глазахъ. Она полѣзла въ карманъ за платкомъ, но вмѣсто платка, къ общей потѣхѣ дѣвочекъ, вытащила... скомканное въ комокъ полотенце.

— А платокъ гдѣ?—изумились дѣти. И тутъ же стали искать Сашинъ платокъ.

Послѣдній оказался за классным шкапчикомъ Саши.

По ошибкѣ Саша приняла его за пыльную тряпку и вытирала имъ пыль со своихъ вещей.

Кодя хотѣла еще порадовать Сару и Ганю, находя ихъ «по правдѣ» милыми, славными дѣвочками, но не успѣла, такъ какъ въ это время стремительно распахнулась дверь классной, и Слава съ Люсей, въ сопровожденіи вѣрнаго Жучка, вбѣжали къ нимъ.

XXXV.

Автомобиль. Трагическое положеніе.

— НОВОСТЬ! Новость!—кричалъ Слава.

— Новость! Новость!—вторила ему Люся.

— Гамъ! Гамъ! Гамъ!—аккомпанировалъ дѣтямъ Жучокъ.

— Мама купила...—началъ, захлебываясь, Слава.

— Купила ма...—вторила ему Люся.

— Шину,—закончилъ Слава.

— Какую шину?

— Не шину, а ма-ши-ну.

— Гамъ! Гамъ! Гамъ!

— Швейную?

— Паровую?

— Желѣзнодорожную?

— Неужели цѣлый поѣздъ?

Дѣвочки съ возбужденно любопытными лицами тѣснились вокругъ дѣтей Симановскихъ и ихъ четвероногаго спутника и смотрѣли имъ въ ротъ, точно именно тамъ, а не гдѣ-либо въ другомъ мѣстѣ, была запрятана загадочная машина.

— Ну же! Скорѣй! Скорѣй!—подгоняла Софочка.

— Какую машину купила мама-Валя? — кричала Кодя такъ громко, что Анна Васильевна прибѣжала освѣдомиться, всѣ ли дѣвочки здоровы и не болятъ ли у кого-нибудь изъ нихъ зубы или животъ.

Слава набралъ въ себя воздуха, надулъ щеки, точно два воздушные шара, и громко-громко произнесъ, какъ истый краснокожій дикарь, на весь домъ одно только слово:

— Автомобиль!

— Мама купила автомобиль!—восторженно повторила Люся и волчкомъ закружилась по комнатѣ.

Прошли добрыя полторы минуты, пока дѣти смогли узнать сущность дѣла.

Оказалось, что Валерія Сергѣевна дѣйствительно выписала изъ города для своей Лѣсной Усадьбы большой, прекрасный автомобиль.

Автомобиль долженъ былъ прибыть только черезъ недѣлю.

Съ этого дня дѣти не пропускали ни одной свободной минуты, чтобы не поговорить о захватывающе-интересномъ для нихъ предметѣ.

Кучеръ Михайла со сторожемъ наскоро приготовляли помѣщеніе для автомобиля въ запасномъ сараѣ; въ людской освободили комнату для шоффера, который долженъ былъ управлять автомобилемъ. Словомъ, всѣ волновались и суетились, не жалѣя себя.

Это было памятное воскресенье для обитателей Лѣсной Усадьбы.

Послѣ обѣдни, которую простояли въ своей лѣсной

церковкѣ, дѣти вскрикнули отъ неожиданности и восторга, выйдя на церковное крыльцо.

Посреди двора стоялъ новенькій, нарядный, очень помѣстительный автомобиль, охраняемый человѣкомъ, съ головы до ногъ закутаннымъ въ мѣхъ наподобіе эскимоса и съ огромными темными очками-предохранителями на глазахъ.

Человѣкъ оказался шоффером. Онъ тутъ же далъ столпившимся вокругъ него дѣтямъ первыя объясненія насчетъ автомобильной ѣзды и устройства машины.

— Завтра мы всѣ по очереди покатаемся на немъ,— обѣщала лѣснымъ дѣвочкамъ Валерія Сергѣевна.

— Я не хочу! Я боюсь!—запищала было Катиша-трусиша.

— А я очень буду рада!—подняла голосъ Саша-растеряша.—Какая интересная вещь!—И она такъ низко наклонила голову, разглядывая колесо машины, что круглая шапочка соскользнула съ ея головы.

— Твоя шапка, Саша; гдѣ твоя шапка?—закричали дѣти.

— Моя шапка? Она у меня на головѣ,—спокойно произнесла разсѣянная дѣвочка.

— Ну, не растеряха ли ты въ самомъ дѣлѣ! На, одѣвай скорѣй, простудишься,—тревожно произнесла Марья Андреевна, водворяя на мѣсто Сашину шапку.

— Я сегодня видѣла сонъ, что въ домѣ пожаръ, а это къ новости,—сообщала Маня.—Вотъ и есть новость—привезли автомобиль въ усадьбу.

— Хороша новость, о которой мы знаемъ уже цѣлую недѣлю!—засмѣялся Слава.

Кодя молча разглядывала горящими глазами машину.

— Ждать до завтра! О, это слишкомъ ужасно! Что думаетъ объ этомъ Слѣдопытъ, мой краснокожій другъ?—шопотомъ обратилась она къ Славѣ.

Слѣдопытъ, оказалось, думалъ то же, что и Кодя. Ждать до завтра цѣлая мука. Соколиный Глазъ правъ. До завтра Богъ знаетъ, сколько еще случайностей можетъ произойти въ Лѣсной Усадьбѣ. Ахъ, если бы сегодня еще хоть только посидѣть на чудесныхъ эластичныхъ подушкахъ машины!

— Я сейчасъ долженъ поѣхать за вещами, оставленными на станціи,—произнесъ шоффёръ;—надо привести въ движеніе машину.

И онъ повертѣлъ ручку рычага спереди машины. Автомобиль зашипѣлъ, какъ огромная, жарко натопленная плита, на которую брызнули водою. Нестерпимо сильно запахло бензиномъ.

Дѣти съ замираніемъ сердца слѣдили за каждымъ движеніемъ машиниста.

Но Марья Андреевна, сказавъ, что все это они подробно увидятъ завтра, увела ихъ въ домъ.

Какъ-то само собой такъ вышло, что Кодя замедлила немного и вмѣстѣ со Славой очутилась за открытыми дверями сарая, загородившими обоихъ дѣтей отъ всѣхъ остальныхъ.

Жучокъ послѣдовалъ примѣру своихъ любимцевъ.

Шоффёръ долго возился съ машиной, такъ долго возился, что, несмотря на стужу, потъ выступилъ у него на лбу, и онъ рѣшилъ пойти напиться въ людскую избу.

Едва лишь успѣла скрыться за порогомъ пристройки его мохнатая, зашитая въ мѣхъ, какъ у эскимоса, фигура, какъ Кодя, Слава и Жучокъ уже успѣли очутиться всѣ трое на мягкихъ сидѣньяхъ автомобиля.

— Ну, это ли не важно! Страсть какъ хорошо!— восхищался Слава.—Ну, скажите на милость, это ли не хорошо!?

Жучокъ понялъ слова своего юнаго хозяина, взвизгнулъ и замахалъ хвостомъ отъ удовольствія, какъ бы вполнѣ соглашаясь съ нимъ.

— А это еще что такое?

И Кодя, протянувъ руку, схватилась за какое-то небольшое колесико, насаженное плашмя на передкѣ автомобиля, и повернула его нѣсколько разъ.

Что-то зашуршало, зашипѣло, зашумѣло зловѣщимъ шумомъ. Въ ту же минуту автомобиль запыхтѣлъ, какъ здоровеннѣйшій локомотивъ, и, неожиданно рванувшись впередъ, стремительно покатился изъ воротъ усадьбы быстрой стрѣлой по ровной, какъ бѣлая скатерть, снѣжной дорогѣ, къ полному ужасу обоихъ дѣтей и Жучка.

XXXVI.

Бѣшеная скачка. Катастрофа.

СЪ потрясающей быстротой мчался автомобиль по дорогѣ, пыхтя и оставляя за собой облако снѣжной пыли.

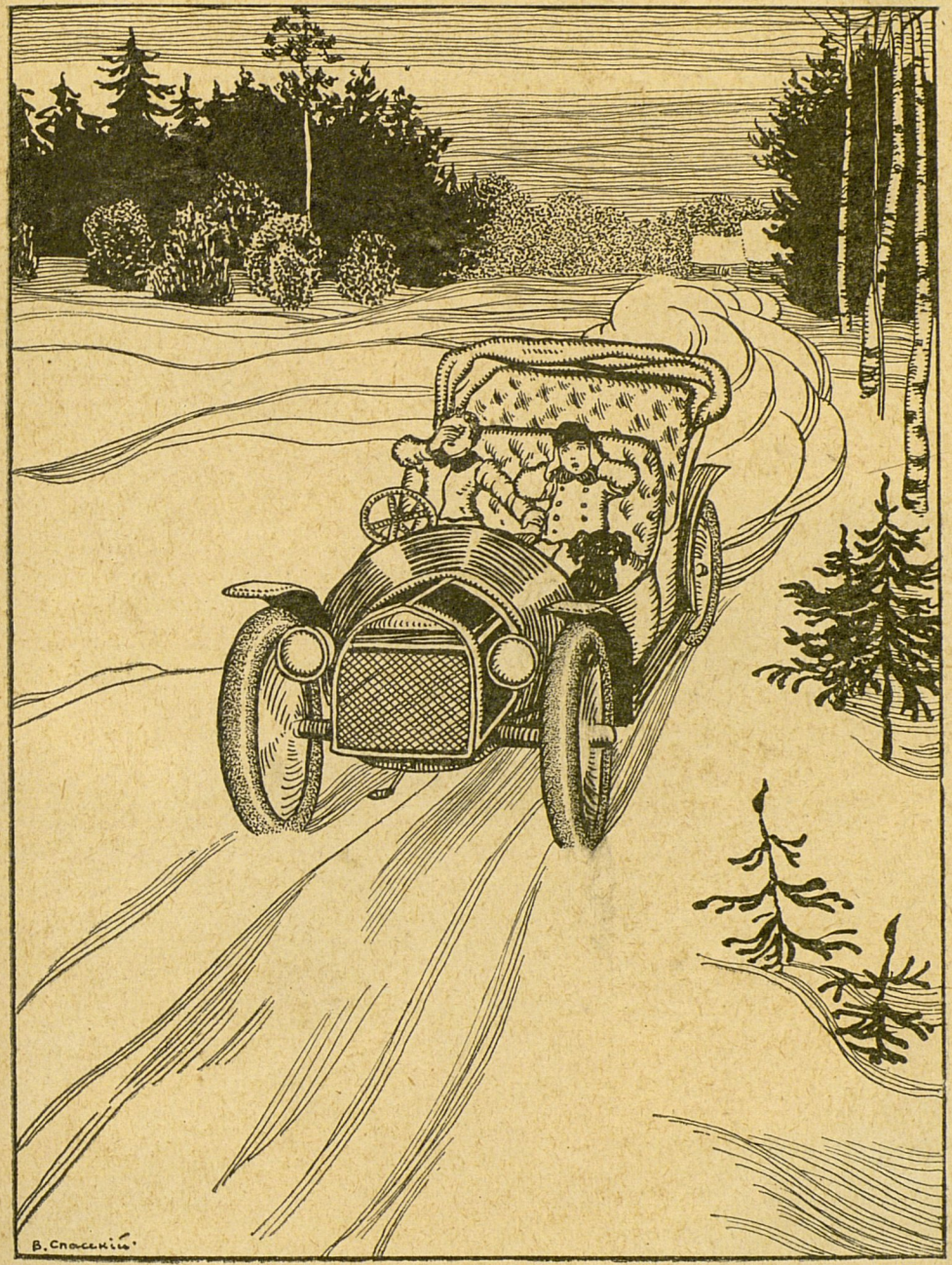
По обѣ стороны дороги тянулся двумя рядами лѣсъ, вѣчно зеленыя сосны и ели. Стаи голодныхъ воронъ съ испуганнымъ карканьемъ шарахались въ сторону при видѣ страшной машины.

Съ вытаращенными отъ ужаса глазами, полуживыя отъ страха, сидѣли дѣти, подпрыгивая на эластичныхъ подушкахъ птицей летѣвшаго экипажа.

Жучокъ уже не лаялъ, не визжалъ даже. Но вся его собачья фигура съежилась, подобралась и превратилась въ жалкій, дрожащій комокъ.

Къ счастью, дорога шла прямо, безъ всякихъ поворотовъ и извилинъ, прямая, какъ лента, такъ что Слава и Кодя, не имѣвшіе никакого понятія объ управленіи рулемъ машины, могли, пока что, положиться на ея собственный бѣгъ.

Но вотъ лѣсъ остался далеко позади. Теперь пе-



Съ потрясающей бстротой мчался автомобиль по дорогѣ..

Гос.
Публичная
Библиотека
в.
Ленинграде

редъ потерявшими голову подневольными путешественниками разстилалось во всю свою безконечную ширину поле.

За полемъ лежало село, то село, куда ежедневно ходила за провизіей Лиза. Прямо посреди села стоялъ большой деревянный домъ самаго богатаго мужика, старосты селенія. Кодя и Слава лѣтомъ не разъ сопровождали туда Валерію Сергѣевну.

Этотъ домъ преграждалъ путь автомобилю. Онъ былъ выстроенъ какъ разъ на дорогѣ, посреди небольшой площади. Свернуть отъ него вправо или влѣво дѣти не могли.

— Кодя!—отчаяннымъ голосомъ закричалъ Слава,—если мы не остановимъ автомобиля, мы погибли. Кодя! Мы погибли! Ты слышишь меня? Машина врѣжется въ стѣну и разобьетъ насъ на мелкіе куски! Слышишь ты меня, Кодя?—нервно вскрикиваетъ мальчикъ.

О, да, она отлично слышала его. Но что она могла сдѣлать, бѣдная, легкомысленная дѣвочка, чтобы остановить машину, совершенно не зная ея устройства.

Шапка давно упала съ ея головы и лежитъ гдѣ-то на снѣгу на дорогѣ. Бѣлое, какъ мѣлъ, лицо глядитъ на Славу обезумѣвшими, полными отчаянія глазами.

— «Да, да, мы погибли! Спасенія нѣтъ!—говоритъ это лицо.—Спасенія нѣтъ, потому что нельзя остановить машину, и я одна виновата въ этомъ».

А автомобиль все мчался и мчался впередъ, все ближе и ближе къ роковой преградѣ.

Село уже недалеко. Вонъ лавка... вонъ амбары... вонъ избы крестьянъ...

Замѣтивъ мчавшійся съ быстротою молніи автомобиль, люди съ отчаяннымъ крикомъ бросились въ разныя стороны.

Бѣгутъ испуганныя служанки и бабы... Бѣгутъ старики... Въ страхѣ отскакиваютъ далеко съ края дороги дѣти... Съ громкимъ лаемъ мчатся собаки вслѣдъ бѣшено скачущему мотору...

Кодя и Слава уже не смотрятъ другъ на друга. Глаза обоихъ съ мучительной настойчивостью прикованы къ одной точкѣ.

Эта точка—домъ старосты, ужасная преграда на ихъ пути.

Площадь уже недалеко, а съ нею и домъ. На его крыльцѣ — группа людей. Они машутъ руками, кричатъ что-то. Лица ихъ встревожены и блѣдны. Это видно еще издалека.

— Остановите! Остановите!—слышенъ не то стонъ, не то вопль со стороны старостина дома.

Безполезный крикъ.

Ничто уже не можетъ предотвратить катастрофы.

Кодя обезумѣвшимъ взглядомъ глядитъ впередъ, сжимаетъ руки и, обративъ взглядъ къ небу, кричитъ:

— Пусть умру я... Но, Господь Богъ Милосердный, спаси Славу и Жучка: они не виноваты ни въ чемъ. Ни въ...

Она не доканчиваетъ. Фраза обрывается на полусловѣ.

Страшный, отчаянный толчокъ...

Хрупъ... сипъ... грохотъ... И машина, все еще не

переставая шипѣть, со всѣхъ силъ врѣзывается въ стѣну старостина дома...

* *
*

Автомобиль исковерканъ. Стѣна старостина дома пробита, испорчена. На снѣгу лежитъ выброшенный толчкомъ и ошеломленный Слава, распластанный съ мертвенно блѣднымъ лицомъ, съ безпомощно раскинутыми руками и ногами.

Жучокъ тутъ же. Онъ повредилъ себѣ лапу. Съ отчаяннымъ визгомъ онъ то зализываетъ свою рану, то бросается къ Славѣ и лижетъ ему лицо и руки.

Но гдѣ же Кодя?

Староста, его семья и со всѣхъ сторонъ сбѣжавшіеся крестьяне извлекаютъ окровавленную дѣвочку изъ-подъ колесъ автомобиля.

— Кажись, она умерла. Не дышитъ,—говоритъ кто-то.

— А барчукъ живъ?—вторитъ нервнымъ голосомъ другой.

Слава открываетъ въ эту минуту глаза и тусклымъ взглядомъ обводитъ присутствующихъ, и вдругъ, замѣтя у кого-то на рукахъ безчувственное тѣло своего друга, кричитъ голосомъ, исполненнымъ отчаянія и ужаса:

— Кодя! Кодя! Она умерла! Кода, бѣдная, милая, дорогая!

И глухо рыдаетъ навзрыдъ.

* *
*

Черезъ четверть часа изъ Лѣсной Усадьбы прискакали въ саняхъ на-смерть перепуганная Валерія Сергѣевна, шоферъ, кучеръ Михайла и докторъ.

На исковерканную машину госпожа Симановская и не взглянула даже. Трепещущая, задыхающаяся отъ волненія, она бросилась въ домъ старосты, куда уже перенесли дѣтей.

— Я живъ, я живъ, мама, а Кодя...

Слава не договорилъ и, повиснувъ на шеѣ матери, забился въ истерическомъ припадкѣ.

Валерія Сергѣевна, крѣпко прижавъ къ себѣ Славу и едва удерживаясь отъ рыданій, клокотавшихъ у нея въ груди, бросилась къ Кодѣ.

Докторъ Анна Васильевна поспѣшила за нею.

Съ окровавленною головою, бѣлая, какъ известь, безъ чувствъ и дыханія лежала Кодя на лавкѣ подъ образами.

Старостиха и ея дочери перенесли ее сюда.

При видѣ госпожи Симановской онѣ кинулись къ ней, причитывая плачущими голосами:

— Матушка, красавица, барыня, наша благодѣтельница! Убилась до смерти, убилась воспитанница наша... Отошла ужъ, почитай, душа ея ангельская... Вотъ горе-то, вотъ несчастіе!.. Не помочь ей теперь... А съ убытками—Богъ съ ними; все возмѣстится, знаемъ васъ, матушка-барыня, не первый годъ: и домъ поправите, и всѣ изъяны, а вотъ дѣвоньку-то жаль, погибла безвременно такая молоденькая, злосчастная ты наша сиротинушка, горемычная ты, болѣзная твоя судьба...

Онѣ бы еще долго плакали надъ безсильно распростертымъ тѣломъ Коди, если бы Анна Васильевна энергично не приказала имъ замолчать и не протискалась къ пострадавшей сквозь собравшуюся въ горницѣ толпу.

Кодя не дышала. Закинутая назадъ голова ея была вся залита кровью, лицо мертвенно блѣдно.

Докторъ Анна Васильевна быстро приложила ухо къ груди дѣвочки, къ тому мѣсту, гдѣ находится сердце, и замерла такъ на нѣсколько мгновеній, вся обратившись въ слухъ.

Замерли и другіе, слѣдя за каждымъ движеніемъ доктора.

Лицо Анны Васильевны, обычно веселое и добродушное, сейчасъ поражало своей суровостью.

Но вотъ оно просвѣтлѣло. Что-то похожее на улыбку пробѣжало по губамъ. Еще минута напряженнаго вниманія, и эти губы радостно прошептали, обращаясь къ Валеріи Сергѣевнѣ:

— Успокойтесь... Она жива... Сердце слабо, но бьется... А пока бьется сердце, надежда на спасеніе еще есть впереди...

XXXVII.

Между жизнью и смертью.

Кодя больна. Кодя при смерти.

И снова въ Лѣсномъ Убѣжищѣ со дня на день ждутъ ужасной вѣсти, которая должна прилетѣть изъ маленькаго дома въ большой.

А пока—на израненную голову наложены швы. Вывихнутые члены вправлены. Зашита рана на лбу.

Но надежды на выздоровленіе Коди мало. Нервное потрясеніе очень велико. Дѣвочка пережила слишкомъ сильное потрясеніе для ея нѣжныхъ еще, ребяческихъ лѣтъ.

Въ горячечномъ бреду мечась по постели, она то и дѣло кричитъ въ тяжеломъ забытьи:

— Автомобиль... Вотъ онъ... Возьмите его, возьмите... Гдѣ Слава?.. Спасите Славу и Жучка... Оставьте Кодю... Бросьте Кодю... Имъ помогите... Они не виноваты ни въ чемъ... Виновата я... Кодя.. И пусть я погибну... Я заслужила этого... Простите меня... Простите...

Докторъ-хирургъ, нарочно вызванный изъ города,

докторъ Анна Васильевна, Валерія Сергѣевна и Марья Андреевна чередуются у постели больной.

Въ самомъ убѣжищѣ вся жизнь теперь перевернулась вверхъ дномъ. Уроки отмѣнены. Дѣти, какъ тѣни, бродятъ по двору и не отводятъ глазъ отъ оконъ маленькаго дома, гдѣ въ комнатѣ Валеріи Сергѣевны лежитъ, борясь со смертью, больная Кодя.

Теперь только, когда нѣтъ съ ними Коди, лѣсныя дѣвочки поняли, какъ она имъ всѣмъ дорога, эта живая, чуткая, не въ мѣру шаловливая, но честная, правдивая дѣвочка, и какъ имъ было всѣмъ хорошо и весело съ нею. Правда, она была большая проказница, эта забавная Кодя, но ничего преднамѣренно злого или нечестнаго не было въ ея проказахъ. Неужели же она должна умереть?

И снова дѣтскіе глаза, голубые и черные, сѣрые и синіе, обращаются съ тоской и надеждой къ маленькому оконцу комнаты начальницы, гдѣ юная жизнь оспариваетъ у смерти свои послѣднія права...

* *
*

— Уррра! Кодя будетъ жить! Кодя поправляется. Ей лучше!

Слава кричитъ такъ громко, что лѣсное эхо вторитъ ему за окномъ.

Вмигъ его окружаютъ двѣнадцать дѣвочекъ, тормошатъ его отъ нетерпѣнія, дергая за руки и куртку.

— Будетъ жить, говоришь?

— Спасена?

— Уррра!—вскрикиваетъ Софочка и отъ радости бросается на шею Славѣ.

— Слышите вы, что говоритъ Слава: Соколиный Глазъ будетъ жить! Да здравствуетъ Соколиный Глазъ! Теперь мы его...

Софочка не договариваетъ, отчаянно гримасничаетъ, силясь удержать слезы, но не въ состояніи сдѣлать это. Онѣ текутъ двумя ручьями, текутъ обильно. При видѣ ихъ храброе сердце Слѣдопыта не выдерживаетъ: на минуту смѣлый краснокожій забываетъ объ обѣщаніи храбрецовъ и, обнявъ за шею Мудраго Змѣя, уткнувшись носомъ въ его плечо, реветъ такъ, что няня прибѣгаетъ узнать, чѣмъ обиженъ Славушка и не надо ли за него заступиться.

Вмѣсто отвѣта плачъ только усиливается.

Плачетъ большая Липа. Плачетъ вспыльчивая Вѣра. Плачетъ суевѣрная Маня, увѣряя сквозь всхлипыванія, что она видѣла во снѣ собаку, а это къ счастью. Плачутъ двѣ сестрички. Плачутъ двѣ подружки, причемъ Ляля-малютка и бѣлокурая Наташа утираются однимъ платкомъ. Плачетъ смуглая Наля. Ревмя-реветъ Саша-растеряша, сморкаясь по ошибкѣ вмѣсто платка въ нечаянно по разсѣянности унесенную со стола салфетку. Плачетъ Ганя, причитывая по-деревенски. Безшумно рыдаетъ хрупкая Сара въ своемъ уголку.

Няня, узнавъ наконецъ причины плача, кидается отъ одной къ другой, силясь успокоить дѣтей, и кончаетъ тѣмъ, что садится въ уголъ, подпираетъ щеку рукою и начинаетъ въ тонъ Ганѣ причитывать по-деревенски:

— Кодюшка моя... родненькая моя... хошь и не любишь ты няньки старой, ворчуньи гадкой, а я тебя люблю, государыньку мою, и жалѣю тебѣ крѣпко, болѣзную мою, и... и...

Няня не въ состояніи продолжать. Слезы градомъ сыплются на ея передникъ, добрыя, сладкія, хорошія слезы.

XXXVIII.

Сочельникъ. Оригинальная елка. Какъ въ сказкѣ. Странный подарокъ.

ЯРКИМЪ луннымъ свѣтомъ освѣщена лѣсная поляна. Надъ нею—золотой куполъ, испещренный мигающими глазками большихъ и маленькихъ звѣздъ. Зеленая группа сосенъ и елокъ стоитъ посреди полянки. Одна, самая высокая, самая развѣсистая и красивая, впереди. Хлопья снѣга, какъ куски бѣлоснѣжной ваты, прихотливо разбросала на ея зеленыхъ вѣтвяхъ красавица-зима.

Слава и его учитель что-то долго возились сегодняшній день подлѣ этой елки. Кучеръ Михайла съ дворниками и сторожемъ помогали имъ.

Подъ елку они спрятали какой-то ящичекъ, на концахъ елочныхъ вѣтвей укрѣпили страннаго вида стеклянные шарики.

Къ шести часамъ вечера все было готово, и по приказанію Валеріи Сергѣевны веселая толпа тепло укутанныхъ дѣвочекъ высыпала на полянку въ сопровожденіи воспитательницъ.

Стоитъ теплый, тихій, совсѣмъ будто и не зимній вечеръ. Ласково сіяютъ звѣзды съ далекихъ небесъ; и одна изъ нихъ ярче и свѣтлѣе другихъ.

Это Виѳлеемская звѣзда, самая прекрасная, самая свѣтлая и большая.

Семь часовъ вечера. Скоро наступитъ Рождество.

Въ этотъ чудесный вечеръ сочельника дѣвочки настроены особенно радостно и свѣтло.

Между ними Кодя.

Съ черной повязкой на лбу (самый опасный шрамъ еще не вполнѣ зажилъ на головѣ дѣвочки), блѣдная, осунувшаяся и странно притихшая, Кодя такъ мало походитъ теперь на прежнюю бѣдовую проказницу Кодю.

Случай съ автомобилемъ не могъ не отразиться на ней, какъ на виновницѣ происшествія. Она нѣсколько смущена сегодня. Всѣ дѣвочки подносятъ своей доброй мамѣ-Валѣ подарки собственной рукодѣльной работы, а она, Кодя, что она можетъ поднести?

Сейчасъ будетъ праздноваться Рождество, чуднѣйшій изъ праздниковъ въ мірѣ, всѣ станутъ обмѣниваться сюрпризами, подносить начальницѣ и воспитательницамъ, Марьѣ Андреевнѣ, нянѣ и доктору Аннѣ Васильевнѣ нехитрыя самодѣльныя вещицы въ родѣ вышитыхъ переметокъ, намѣченныхъ гладью платковъ, плато подъ лампу, башмачковъ для часовъ и закладокъ; а она, Кодя, не приготовила ничего, ничего... кромѣ розоваго конвертика, тщательно скрытаго у нея подъ платьемъ на самомъ сердцѣ.

Но развѣ этотъ розовый конвертикъ можно счесть за подарокъ?

— Ну, дѣти, Рождество наступило. Споемъ гимнъ родившемуся Христу,—проговорила торжественнымъ голосомъ Марья Андреевна.— Лялѣ, Наташѣ и Манѣ пѣть не слѣдуетъ: у нихъ горло подвержено простудѣ, Кодя тоже еще пока слаба, а остальныя за мной. Начнемъ, съ Богомъ!

Въ тихомъ, студеномъ зимнемъ воздухѣ зазвучали звонкіе дѣтскіе голоса.

Имъ вторили взрослые: и воспитательницы, и Славинъ учитель, и прислуга.

Когда коротенькій гимнъ былъ оконченъ, Марья Андреевна скомандовала, обращаясь къ дѣтямъ:

— Ну, дѣтишки, извольте повернуться къ елкѣ спиною. Разъ! Два! Три!

Тринадцать дѣвочекъ тотчасъ исполнили ея приказаніе, какъ по командѣ.

Слава съ учителемъ и Люсей бросились къ зеленой елкѣ. Въ тотъ же мигъ щелкнуло что-то.

И снова веселый голосъ крикнулъ дѣтямъ:

— А теперь, глядите сюда.

— Ахъ!—дружно вырвалось изъ тринадцати грудокъ повернувшихся лицомъ къ елкѣ дѣтей.

Пышное зеленое деревцо сіяло сотнею разноцвѣтныхъ электрическихъ фонариковъ. Здѣсь были и красные, и зеленые, и голубые, и синіе, и желтые. Точно исполинскіе, чудно сверкающіе драгоцѣнные камни, они были разбросаны тамъ и сямъ по зеленымъ вѣтвямъ елки.

— Какъ красиво! Какъ дивно красиво!—то и дѣло восклицали присутствовавшіе.

— Это, дѣтки, мама-Валя устроила для васъ такое дивное, красивое зрѣлище,—произнесла Анна Васильевна, выступая впередъ.—Ей было жаль срубить и погубить зеленое деревцо, и, чтобы потѣшить васъ и не лишать васъ все-таки рождественской елки, мама-Валя предпочла устроить ее въ самомъ лѣсу. Порадуйте же и вы нашу общую любимицу, покажите ей, что вы приготовили для нея.

Едва Анна Васильевна успѣла договорить послѣднее слово, какъ дѣти съ радостными кликами: «съ праздникомъ, дорогая наша! съ праздникомъ!»—окружили свою любимицу.

— Вотъ, мама-Валя, вамъ отъ меня.

— А это отъ меня, мамуля.

— Вотъ и моя работа.

— Примите, душечка наша, прелесть наша, и мою,—зазвучали отовсюду звонкіе, трепетные голоса дѣтишекъ, и дрожащія отъ нетерпѣнія руки протягивали къ ней обернутые въ бумагу сюрпризы.

Даже Ляля-малютка и та сумѣла вышить закладку въ книгу для общей любимицы.

Кусая губы и хмуря брови, Кодя стояла въ сторонѣ. Ея сердечко билось сильно, сильно. Волненіе охватывало дѣвочку. Наконецъ она сдѣлала усиліе надъ собой и съ румянцемъ смущенія на лицѣ, робкими шагами двинулась по направленію къ окруженной дѣтьми начальницѣ.

— Вотъ это отъ меня, мама-Валя,—произнесла

она тихо и застѣнчиво, протягивая Валеріи Сергѣевнѣ розовый конвертикъ, только что снятый съ груди.— Прочтите, моя дорогая, когда останетесь однѣ... А больше того, что заключено здѣсь, я не могла сдѣлать.

И Кодя, совсѣмъ уже смутившись, юркнула за спины подругъ...

* *
*

А елка вся сіяла, сверкала и переливалась сотнею электрическихъ фонарей. Что-то волшебное сообщала она этой тихой, безмятежной ночи и зеленой чащѣ подъ золотымъ куполомъ небесъ.

Тринадцать дѣвочекъ убѣжища, Люся и Слава, взрослые, воспитательницы и прислуга не могли оторвать глазъ отъ дивнаго зрѣлища.

— Дѣтки,—прозвучалъ ласковый голосъ Валеріи Сергѣевны,—мои подарки вамъ еще не подоспѣли, а пока они появятся, попрошу Налю-сказочницу разсказать вамъ одну изъ тѣхъ ея чудесныхъ сказокъ, которыя она мнѣ разсказывала на-дняхъ.

— Разскажи, разскажи, Наля!—загораясь любопытствомъ, вскричали хоромъ дѣти, окружая смугленькую Налю.

Всегда и во всемъ соглашавшаяся со всѣми дѣвочка начала разсказывать своимъ пѣвучимъ голосомъ:

— «Въ густомъ зеленомъ лѣсу росла чудесная елка среди своихъ товарокъ, такихъ же зеленыхъ и красивыхъ елочекъ, какъ она. Всѣмъ имъ было хорошо и привольно въ лѣсной чащѣ. Вѣтеръ игралъ съ ними и напѣвалъ имъ свои чудесныя пѣсенки; вьюга съ

мятелицей, смѣясь и шаля, осыпала ихъ бѣлой и мягкой пудрой снѣга. А по ночамъ серебряный мѣсяцъ разсказывалъ имъ роскошныя сказки, обливая ихъ своимъ млечнымъ свѣтомъ, и золотыя звѣздочки вели съ ними безконечныя бесѣды...

Подошло Рождество. Пріѣхали въ лѣсъ мужики и стали рубить пышныя ели на продажу къ празднику.

Чудесная, молоденькая елочка со страхомъ думала о томъ, что, и ей придется разстаться съ родною чащей, что и ее срубятъ и увезутъ далеко-далеко отсюда въ городъ... Она печально высказывала свое горе подругамъ. А тѣ только смѣялись надъ нею.

— Глупая, глупая елочка!—говорили онѣ,—ты не понимаешь собственнаго счастья. Вѣдь въ городѣ тебя нарядятъ въ такія роскошныя одежды, какія тебѣ и не снились никогда. Тебя украсятъ такъ, что ты станешь такой дивной, волшебной красавицей, что всѣ будутъ восторгаться тобою. Дѣти будутъ пѣть и плясать вокругъ тебя, взрослые станутъ любоваться тобою. Сотни свѣчей загорятся на твоихъ вѣтвяхъ.

— Ахъ, нѣтъ! Не хочу я этого,—тоскливо повторяла елочка.—Мнѣ хочется остаться здѣсь, въ родной моей чащѣ.

Тогда подруги разсердились на нее и стали громко бранить елочку, упрекая ее въ томъ, что она не понимаетъ, какое ждетъ ее счастье, и тутъ же попутно старались уколоть ее своими острыми иглами... Онѣ издѣвались надъ нею до тѣхъ поръ, пока за ними пришли люди, срубили ихъ и увезли въ городъ...

Увы, гордыя тщеславныя елки не очень долго кичились тамъ своимъ нарядомъ и красотою. Правда, въ сочельникъ ихъ пышно украсили и нарядили, такъ что онѣ сверкали цѣлый вечеръ дивной красотой среди толпы собравшихся гостей, а на другой день... На другой день съ нихъ сорвали всѣ ихъ пышныя украшенія и, разрубивъ на мелкіе куски, сожгли въ печкѣ.

А милую, скромную елочку, оставшуюся въ лѣсу, ждала совсѣмъ иная доля...»

— Я сама разскажу конецъ твоей сказки, голубчикъ Наля,—неожиданно прервала дѣвочку Валерія Сергѣевна.

— Итакъ,—подхватила Валерія Сергѣевна, помолчавъ съ минуту,—иная доля выпала нашей милой елочкѣ. Ее тоже замѣтили люди, но не срубили ея, нѣтъ. Съ любовью украсили они ея нѣжныя вѣтви фонариками... И, спрятавъ электрическую батарею подъ елкой, внезапно освѣтили ее... Пятнадцать человѣкъ дѣтей и нѣсколько взрослыхъ окружили елку въ ожиданіи тѣхъ радостей, которыя несетъ съ собой сочельникъ... И вотъ эта радость наступила. Изъ лѣсной чащи выступилъ старикъ съ бѣлой сѣдой, какъ лунь, бородой. За его плечами былъ укрѣпленъ огромный кузовъ съ рождественскими подарками, который принесъ къ елкѣ елочный дѣдъ...

Тутъ передъ удивленными дѣтьми произошло нѣчто такое, что заставило ихъ подумать, не грезятъ ли они. Не сонъ ли? Не сказка ли это?

При послѣднихъ словахъ Валеріи Сергѣевны изъ

зеленой группы сосенъ и елей показалась высокая фигура въ бѣломъ тулупѣ и такой же шапкѣ съ длинной сѣдой, до самыхъ колѣнъ, бородой, съ огромнымъ коробомъ за плечами, наполненнымъ доверха пакетами и пакетиками всевозможной величины.

— Ахъ!—вырвалось у дѣтей дружнымъ хоромъ.

Катиша-трусиша вздумала было взвизгнуть со страха и спрятаться за спину сестры, но старый рождественскій дѣдъ запустилъ руку въ свой коробъ и, вынувъ первый подарокъ, передалъ его дѣвочкѣ. У него при этомъ было такое доброе лицо, а глаза такъ привѣтливо сіяли изъ-подъ нависшихъ сѣдыхъ бровей, что Катиша-трусиша сразу успокоилась.

За первымъ подаркомъ рождественскій дѣдъ сталъ раздавать и остальные. Каждому изъ присутствовавшихъ, взрослому и ребенку, было вручено по пакету.

Быстро, при ослѣпительно яркомъ свѣтѣ елочныхъ фонариковъ, дѣвочки развертывали каждая свой пакетикъ и то и дѣло радостно вскрикивали отъ неожиданности при видѣ того, что скрывалось въ немъ.

Каждый получилъ то, о чемъ мечталъ за долгіе-долгіе мѣсяцы до Рождества: съ такой удивительной прозорливостью угадалъ старикъ завѣтнѣйшія дѣтскія желанія.

Такъ, Липа-большая получила рабочій нессесеръ, о которомъ давно грезила наяву и во снѣ. Вѣра—желанный ящикъ съ красками. Маня—пяльцы съ канвою, гарусомъ и всѣми принадлежностями для вышиванія. Наля—крошечную швейную машинку, Сара—книгу разсказовъ. Оля и Катиша Хмуровы — пре-

лестные альбомы съ открытками. Ляля-малютка и бѣлокурая Наташа—по красавицѣ-куклѣ. Ганя Сидоркина—цѣлую игрушечную прачечную, такъ какъ дѣвочка не разъ выражала желаніе ее имѣть. Саша-растеряша—настоящую маленькую плиту, на которой она можетъ стряпать. Няня—большой пуховой теплый платокъ. Марья Андреевна и докторъ—по куску чудесной шерстяной матеріи. Учитель Славы—портфель, въ которомъ лежали три книги.

Но больше всего дѣтей поразили подарки рождественскаго дѣда, врученные четыремъ лѣснымъ друзьямъ и краснокожимъ: Кодѣ, Славѣ, Люсѣ и Софочкѣ. Имъ были даны всѣ принадлежности для игры въ индѣйцевъ: луки, стрѣлы, топорики игрушечные, ружья и даже готовые головные уборы, мягкая обувь и пояса.

Пятаго—Быструю Лапу не забыли тоже. Для него былъ приготовленъ новый ошейникъ.

Когда корзина таинственнаго дѣдушки наконецъ опустѣла, дѣти робко окружили его.

— Кто ты?—первая задала ему вопросъ Кодя.—Скажи намъ, добрый дѣдушка, твое имя, чтобы мы могли отблагодарить тебя.

— Да, да, кто ты?—подхватили другія дѣти.

— Тотъ, кого вы считаете своимъ другомъ,—произнесъ изъ-подъ нависшихъ усовъ басистый голосъ,—тотъ...

— Ха-ха-ха-ха!—весело расхохотался Слава,—да вѣдь это дядя Жоржъ!

— Дядя Жоржъ! Дядя Жоржъ,—закричали дѣти

Изъ зеленой группы сосенъ и елей показалась фигура съ сѣдой бородой...

Гос.
Публичная
Библиотека
в
Ленинграде

и весело запрыгали вокругъ желаннаго и такъ неожиданно и таинственно появившагося дорогого гостя.

Сѣдая борода изъ пакли, густыя бѣлыя брови и такой же парикъ соскользнули на снѣгъ съ головы елочнаго дѣда и молодое смѣющееся лицо Георгія Сергѣевича предстало воочію передъ всѣми присутствовавшими, взрослыми и дѣтьми.

— Дядя Жоржъ! Дядя Жоржъ!—неистовствовали дѣти.—Спасибо за подарки, дядя Жоржъ.

— Я тутъ ни при чемъ,—засмѣялся юноша,—единственный подарокъ, который я вамъ сдѣлалъ, это то, что пріѣхалъ сюда къ вамъ. Все же остальное устроила ваша добрая фея, мама-Валя... Она поручила мнѣ закупить все это въ городѣ и привезти сюда. Она же устроила и мое таинственное появленіе, прославъ на станцію костюмъ рождественскаго дѣда, попросту, овчинный, вывернутый на изнанку тулупъ Михайлы и шапку сторожа, да бороду и парикъ съ усами изъ пакли... Я доѣхалъ въ такомъ нарядѣ вонъ до той группы деревьевъ, тамъ оставилъ сани, и вотъ я между вами, друзья мои. Здравствуйте всѣ. Съ праздникомъ васъ Христовымъ!

И онъ крѣпко обнялъ сестру и поцѣловалъ сіявшую отъ радости Валерію Сергѣевну, а за нею перецѣловался и со всѣми дѣтьми.

— А теперь въ комнаты, дѣтишки! Пора и честь знать. Свѣжѣе становится; морозъ крѣпчаетъ,—подняла голосъ докторъ Анна Васильевна послѣ взаимнаго обмѣна привѣтствій со вновь прибывшимъ.

— Да, да! Домой, домой! Завтра сюда вернетесь

снова,—послышались голоса мамы-Вали, няни и Марьи Андреевны.

Спустя минуту елка потухла... И на лѣсной полянѣ стало сразу печальнѣе и темнѣе. Теперь одинъ только лунный свѣтъ освѣщалъ чащу, да золотые глазки звѣздъ мигали и улыбались съ небесъ...

И взрослые, и дѣти поспѣшили къ дому, гдѣ ждали ихъ праздничный ужинъ и сласти въ помѣщеніи начальницы, куда всѣ были приглашены.

Въ тотъ же вечеръ, передъ тѣмъ какъ ложиться въ постель, Валерія Сергѣевна еще разъ съ любовью пересмотрѣла полученные ею отъ дѣтей подарки. Потомъ вынула изъ кармана переданный ей Кодей конвертъ. Она вскрыла его съ живѣйшимъ интересомъ. На розовой бумажкѣ красивымъ четкимъ почеркомъ Коди было написано всего нѣсколько строкъ. Но эти строки глубоко потрясли и тронули до слезъ добрую начальницу Лѣсного Убѣжища.

— *Дорогая, безцѣнная моя, мама-Валя!*—писала Кодя.—*Если бы я была обыкновенной дѣвочкой, то вы получили бы какое-нибудь рукодѣліе и отъ меня, но вѣдь я—Соколиный Глазъ, который владѣетъ лучше палкой, стрѣлой и ружьемъ, нежели иглою. Однако, я все-таки не хочу оставить васъ безъ моего подарка, безцѣнная мама-Валя, потому что больше всѣхъ въ мірѣ, послѣ покойнаго папы, люблю васъ. Дарю вамъ, любимая, то, съ чѣмъ мнѣ труднѣе всего разстаться: дарю вамъ прежнюю дурную, шаловливую Кодю, чтобы вы выбросили ее вонъ, а вмѣсто нея останется у васъ новая, хорошая Кодя, которая даетъ вамъ слово не огорчать*

васъ, родную нашу, своими гадкими шалостями и проказами никогда, никогда, никогда.

Ваша «новая» Кодя.

Письмо давно прочтено до послѣдняго слова, а мама-Валя все еще держитъ его передъ собой, какъ бы не рѣшаясь съ нимъ разстаться... И думаетъ она, думаетъ о милой, сердечной, шаловливой дѣвочкѣ, которой предстоитъ не легкій трудъ передѣлать самое себя... И мама-Валя вѣритъ свято, что на этотъ разъ Кодя сдержитъ данное слово и сдѣлается тѣмъ, чѣмъ обѣщаетъ быть.

П. 1958 г.
Акт РК-755

КОНЕЦЪ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

		стр.
ГЛАВА	I. Лѣсное убѣжище для дѣвочекъ	1
»	II. Лѣсныя дѣвочки	5
»	III. Онѣ ее ждутъ	12
»	IV. Неужели это она	18
»	V. Первый блинъ комомъ	24
»	VI. Первыя сутки въ Лѣсномъ убѣжищѣ	33
»	VII. Немножко прошлаго	38
»	VIII. Выдумка Коди	42
»	IX. О томъ, что произошло дальше	48
»	X. Кодя становится вождемъ лѣсного кружка	52
»	XI. Первый подвигъ «Соколинаго Глаза»	59
»	XII. Второй подвигъ, кончающійся очень плачевно	65
»	XIII. Совсѣмъ небольшая исторія, не влекущая за собой никакихъ послѣдствій	71
»	XIV. Кодя пишетъ нянѣ письмо	77
»	XV. Сарочкино горе	81
»	XVI. Прогулка въ лѣсъ. Наля-сказочница выступаетъ	88
»	XVII. Голубые цвѣты	94
»	XVIII. Представленіе въ саду	104
»	XIX. Представленіе продолжается	113
»	XX. Окончательно несчастливый день	116
»	XXI. Не менѣе дня несчастный вечеръ	120

стр.

ГЛАВА XXII. Болѣзнь мамы-Вали 128
» XXIII. Единственное спасеніе. Кодя рѣшается на подвигъ . 133
» XXIV. Святой колодецъ 138
» XXV. Большая неожиданность. Бѣгство. Кодя у цѣли. . 143
» XXVI. Блестящій исходъ. Злой духъ оказывается совсѣмъ не злымъ духомъ 148
» XXVII. Катиша-трусиша и крокодилъ. 152
» XXVIII. Поѣздка на «малиновую» лужайку 156
» XXIX. Гроза. Новый подвигъ Коди 164
» XXX. Лягушки. Переполохъ. Немного силы воли и все прекрасно 177
» XXXI. Осень. Новая обязанность. Искушеніе 185
» XXXII. Неожиданная встрѣча 191
» XXXIII. Недавнее прошлое скоро забывается. Новая проказа. 198
» XXXIV. Наказанная сама собой. Кодя высказываетъ правду. 205
» XXXV. Автомобиль. Трагическое положеніе 211
» XXXVI. Бѣшеная скачка. Катастрофа 216
» XXXVII. Между жизнью и смертью. 224
» XXXVIII. Сочельникъ. Оригинальная елка 228

ЗОЛОТАЯ БИБЛІОТЕКА

1 р. 50 к. НОВАЯ КОЛЛЕКЦІЯ КНИГЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ **1 р. 50 к.**

въ изящныхъ изданіяхъ, въ оригинальныхъ золототисненныхъ переплетахъ съ золотымъ обрѣзомъ. Цѣна каждаго тома 1 р. 50 к.

Поставленныя при каждомъ выпускѣ въ скобкахъ буквы «Ст. в.» и «Мл. в.» означаютъ, что данная книга по своему содержанію доступнѣе дѣтямъ старшаго или младшаго возраста.

Эта новая коллекція книгъ для дѣтей разныхъ возрастовъ, предпринятая Т-вомъ М. О. Вольфъ, имѣетъ цѣлью дать въ руки дѣтей наиболѣе выдающіяся и популярныя произведенія такъ-называемой «литературы для дѣтей», русской и иностранной, а также классическія произведенія европейскихъ писателей, примѣненныя къ дѣтскому возрасту, въ изящныхъ иллюстрированныхъ изданіяхъ, по чрезвычайно дешевой цѣнѣ; всѣ сочиненія напечатаны въ одномъ форматѣ и съ внѣшней стороны однородно.

ВЫШЛИ ВЪ СВѢТЪ СЛѢДУЮЩІЯ КНИГИ:

БЕЗЪ СЕМЬИ. Исторія одного маленькаго человѣка. Повѣсть для юношества *Гектора Мало*. Сочиненіе, увѣнчанное французской академіей. Перев. съ французскаго *А. Н. Рождественской*. Съ 76 рис. 8 д. л. II+388 стр. (Ст. в.).

БОСОНОЖКА. Повѣсть *Бертольда Ауэрбаха*. Переводъ съ нѣмецкаго подъ редакціей *В. М. Чулицкаго*. Съ рисунками *Б. Вотье*. 8 д. л., 280 стр. (Ст. в.).

ВЕСЕЛЫЕ РАЗСКАЗЫ ПРО ШУТКИ И ПРОКАЗЫ ДЛЯ ДѢТЕЙ. *В. Буша*. Перев. *К. Льдова*. Съ 498 рисунками въ текстѣ. Изд. 5-е. 8 д. л., 363 стр. (Мл. в.).

ВОКРУГЪ СВѢТА БЕЗЪ ГРОША ВЪ КАРМАНѢ. Веселое путешествіе мальчика. *А. Баста*. Съ 306 рис. 8 д. л., 316+III стр. (Ст. в.).

ВОЛШЕБНЫЯ СКАЗКИ ПЕРРО. Напечатаны крупнымъ шрифтомъ. Съ 46 рисунками *Густава Доре*. Третье изданіе. (Мл. в.).

ДЖУНГЛИ. Разсказъ *Редьярда Киплинга*. Переводъ съ англійскаго *М. П. Благовѣщенской*. Съ рисунками *И. Киплинга, В. Драке* и *Р. Френзени*. 8 д. л. (Ст. в.).

ДНЕВНИКЪ МУРЗИЛКИ. Повѣсть-сказка о путешествіяхъ, странствованіяхъ, шалостяхъ и проказахъ маленькихъ лѣсныхъ человѣчковъ. Съ рис. 8 д. л., 192 стр. (Мл. в.).

ДОБРЫЙ, МАЛЕНЬКІЙ ЧЕРТЕНОКЪ. Повѣсть для дѣтей *графини Сегюръ* (урожд. Ростопчиной). Перев. съ франц. подъ ред. *С. И. Ярославцева*. Съ иллюстрац. *Г. Кастелли*. 418 стр.+II. (Мл. в.).

ДОНЪ-КИХОТЪ ЛАМАНЧСКІЙ. Разсказъ для дѣтей. Переводъ *А. Греча*. Изданіе 3-е, исправленное, съ 78 политипажами *Густава Доре*. 8 д. л., 262 стр. (Мл. в.).

ДѢВОЧКА-РОБИНЗОНЪ. Леля на необитаемомъ островѣ. Повѣсть для юношества въ 2-хъ частяхъ. Съ англійск. Съ 17 рис. Третье изд., подъ редакціей *В. Бѣлозерскаго*, перепечатанное безъ перемѣнъ со второго изданія. 8 д. л., 215 стр. (Мл. в.).

ЖЕМЧУЖИНЫ РУССКОЙ ПОЭЗІИ. Сборникъ стихотвореній. Собрала для дѣтей средняго и старшаго возраста *Марія Лемке*. Съ рисунками. 8 д. л., 288 стр.

ЗАПИСКИ ШКОЛЬНИКА (Сюоге). Сочин. *Эдмунда де-Амичиса*. Съ 16 рис. въ текстѣ и 32 отд. картинами. Третье изданіе. 8 д. л., 447 стр. (Ст. в.).

ЗВѢРОБОЙ (The Deerslayer). Повѣсть *Фенимора Купера*. Переводъ *Д. Коковцева*. Съ 21 рис. Изд. 3-ье. 8 д. л., 363 стр. (Ст. в.).

ИЗБРАННЫЯ СКАЗКИ БРАТЬЕВЪ ГРИММЪ. Перев. *Е. И. Песковской*, съ предисловіемъ *П. М. Ольхина*. Съ 78 рис. въ текстѣ. 2-е изд. 8 д. л., 364 стр. (Мл. в.).

КАНИКУЛЫ. Разсказъ *графини Сегюръ* (урожд. Ростопчиной). Переводъ съ французск. Съ 35 политипажами въ текстѣ, по рис. худ. *Берталя*. 8 д. л., 326 стр. (Мл. в.).

ЛУЧШІЯ СКАЗКИ Г. АНДЕРСЕНА. Перев. съ датскаго. Съ 130 рис. и 7 отд. картинами. 5-е изданіе. 8 д. л., 334 стр. (Мл. в.).

МАЛЕНЬКАЯ ПРИНЦЕССА. Приключ. Сары Кру. Повѣсть *Ф. Г. Бернетъ*. Перев. съ англ. *А. Н. Рождественской*, съ илл. *Г. Пиффарди*. 8 д. л., 291 стр. (Ст. в.).

МАЛЕНЬКІЕ МУЖЧИНЫ. Повѣсть *Луизы Олькотъ*. Переводъ *А. Н. Рождественской*. Съ 15 рис. 8 д. л., 547 стр. (Ст. в.).

МАЛЕНЬКІЕ МУЖЧИНЫ, СТАВШІЕ ВЗРОСЛЫМИ. Повѣсть *Луизы Олькотъ*. Перев. *бар. Н. М. Ровенъ*. Съ 10 рис. *Е. В. Аренсъ*. 8 д. л., 370 стр. (Ст. в.).

МАЛЕНЬКІЙ ЛОРДЪ ФАУНТЛЕРОЙ (Little lord Fauntleroy). Разсказъ для дѣтей, *Ф. Г. Бернетъ*. Переводъ съ англійскаго, подъ редакціей и съ предисловіемъ *М. Никольскаго*. Съ 24 рис. *Р. Г. Берчъ*. 8 д. л., 219 стр. (Ст. в).

МАЛЕНЬКІЙ ЧЕЛОВѢКЪ. Исторія одного ребенка (Petite chose). *А. Додэ*. Переводъ *М. Л. Лихтенштадтъ*. Съ 63 иллюстраціями. 8 д. л., 373 стр. (Ст. в.).

ИЗДАНІЕ ТОВАРИЩЕСТВА М. О. ВОЛЬФЪ
С.-ПЕТЕРБУРГЪ, Гост. Дв., 18 и Невскій, 13. | МОСКВА, Кузнецкій Мостъ, 12 и Моховая, 22.

ЗОЛОТАЯ БИБЛІОТЕКА

МАЛЕНЬКІЙ РУССКІЙ ИСТОРИКЪ. Новые разсказы про былое для дѣтей, *С. Ф. Литвинцева.* Со мн. илл. Шесть частей. Въ двухъ томахъ. 8 д. л., 208 и 232 стр. Ц. за кажд. томъ 1 р. 50 к. (Мл. в.).

МАЛЕНЬКІЯ ЖЕНЩИНЫ, или Мегъ, Джо, Бетси и Эми. Повѣсть *Л. Олькотъ.* Переводъ съ англійск. Съ 89 рисунками. 8 д. л., 250 стр. (Ст. в.).

МАЛЕНЬКІЯ ЖЕНЩИНЫ, СТАВШІЯ ВЗРОСЛЫМИ. Повѣсть *Луизы Олькотъ.* Переводъ *Е. Г. Тихомандрицкой.* Съ 70 рис., 8 д. л., 331 стр. (Ст. в.).

НЕОБЫКНОВЕННЫЯ СКАЗКИ. *Редьярда Киплинга.* Перев. съ англ. *А. Н. Рождественской.* Съ илл. автора. 8 д. л., 257 стр. (Мл. в.).

НОРВЕЖСКІЯ СКАЗКИ П. ХР. АСБЬЁРНСЕНА. Переводъ *С. М. Макаровой,* съ 25 отд. картинами и 47 политипажами въ текстѣ. 8 д. л., 328 стр. (Мл. в.).

ПИНОККІО. Приключенія деревяннаго мальчика. *Ч. Коллоди.* Перев. съ 480-го итальян. изданія *К. Данини,* подъ ред. *С. И. Ярославцева.* Съ рис. *Е. Мацанти* и *Г. Матни.* 8 д. л., 292 стр. (Мл. в.).

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ БАСЕНЪ И. А. КРЫЛОВА. Съ біографіей и словаремъ *М. Н. Никольскаго.* Съ портретами, видами памятника и могилы Крылова. Съ 32 рисунками *Н. Ольшанскаго* и *П. Беллингерста.* 8 д. л., 351 стр. (Мл. в.).

ПРИКЛЮЧЕНІЯ АЛИСЫ ВЪ СТРАНѢ ЧУДЕСЪ. *Льюиса Кэрролла.* Перев. *А. Н. Рождественской,* съ предисловіемъ и вступительной статьею. Съ иллюстраціями на отд. страницахъ и рис. въ текстѣ *Чарльса Робинзона.* 8 д. л., 249 стр. (Мл. в.).

ПРИКЛЮЧЕНІЯ ГЕККЕЛЬБЕРРИ ФИННА. Повѣсть для юнош. всѣхъ возр. *Марка Твэна.* Съ иллюстр. 8 д. л., 450 стр. (Ст. в.).

ПРИКЛЮЧЕНІЯ и ПУТЕШЕСТВІЯ БАРОНА МЮНХГАУЗЕНА. Полный переводъ на русскомъ языкѣ *Е. Лесковской.* Съ 118 илл. въ текстѣ и съ 29 отд. картин. *Густава Доре.* Второе изданіе. 8 д. л., 274 стр. (Мл. в.).

ПРИКЛЮЧЕНІЯ ТОМА СОЙЕРА. Пов. для юнош. всѣхъ возр. *Марка Твэна.* Перев. *М. Николаевой.* Съ 65 рис. 8 д. л., 404 стр. (Ст. в.).

ПРИМѢРНЫЯ ДѢВОЧКИ. 28 разсказовъ, въ разговор. для малыхъ дѣтей, *графини де-Сегюръ* (урожд. Ростопчиной). Съ 20 политип. въ текстѣ, исполн. худ. *Бертальмэ.* 8 д. л., 276 стр. (Мл. в.).

ПРИНЦЪ и НИЩІЙ. Разсказъ для юнош. всѣхъ возр. *Марка Твэна.* Переводъ *Н. С. Вытвина.* Съ предислов. *М. Н. Никольскаго.* Съ портретомъ автора и 153 рисунками. 8 д. л., 362 стр. (Ст. в.).

ПУТЕШЕСТВІЯ ГУЛЛИВЕРА по многимъ отдаленнымъ и неизвѣстнымъ странамъ свѣта. Соч. *Джонатана Свифта.* Перев. съ англійск. *М. Никольскаго.* Съ біографіей автора, съ 39 отд. карт. и съ 35 рис. 2-е изд. 8 д. л., 240 стр. (Мл. в.).

РЕЙНЕКЕ-ЛИСЪ. Соч. *Вольфганга Гете,* примѣненное къ дѣтск. возрасту *М. Л. Лесковскимъ.* Съ 27 автотип. рис. и съ 7 отдѣльн. карт. 8 д. л., 282 стр. (Мл. в.).

РОБИНЗОНЪ КРУЗОЭ, его жизнь, путешествія и удивительныя приключенія на необитаемомъ островѣ. Сочиненіе *Даніеля де-Фоэ.* Подъ ред. *И. Вѣлова.* Съ рисунками, рѣзанными на деревѣ. 8 д. л., VIII+334 стр. (Мл. и Ст. в.).

РУССКІЯ НАРОДНЫЯ СКАЗКИ. Съ 3 рис. въ текстѣ и съ 23 отдѣльными картинами *Аненскаго, Панова, Тейхеля* и друг. Третье изданіе. 8 д. л., 313 стр. (Мл. в.).

СВЯТОЧНЫЕ РАЗСКАЗЫ. *Ч. Диккенса.* Перев. съ англ. *Е. Г. Тихомандрицкой,* подъ ред. и съ предисловіемъ *М. М. Бродовскаго.* Съ портретомъ автора и съ 49 рис. въ текстѣ. 8 д. л., 4 нен.+III+312+I стр. (Ст. в.).

СЕРЕБРЯНЫЕ КОНЬКИ. Исторія голланд. семейства. *П. И. Сталь.* По англ. подлин. *Мэри М. Доджъ.* Перев. *А. Н. Рождественской.* Съ рис. *Т. Шулера.* 8 д. л. (Мл. в.).

СКАЗКИ ВИЛЬГЕЛЬМА ГАУФА. Съ 21 иллюстрац. въ текстѣ и съ 20 отдѣльн. карт. *Ѳеодора Вебера, Газемана* и *Людвига Бургера.* 3-е изд. 8 д. л., 441+II стр. (Мл. в.).

СКАЗКИ КОРОЛЕВЫ. *Кармэнъ Сильва.* Перев. и предисловіе *А. И. Яцимирскаго.* Съ 3 портретами королевы Румынской Елизаветы и мн. рис. 8 д. л., 293 стр. (Мл. в.).

СКАЗКИ ТОПЕЛІУСА. Переводъ со шведскаго *М. П. Благовѣщенской,* съ 2 портретами автора и рисунками въ текстѣ. 8 д. л., 226 стр. (Мл. в.).

СОНИНЫ ПРОКАЗЫ. Двадцать два разсказа въ разговорахъ для малыхъ дѣтей. *Графини де-Сегюръ* (урожд. Ростопчиной). Переводъ съ франц. 3-е изданіе. Съ 33 рис. въ текстѣ и съ 15 отдѣльн. картинами. 8 д. л., 348 стр. (Мл. в.).

ТРОЕ ВЪ ОДНОЙ ЛОДКѢ (не считая собаки). Разсказъ *Джерома К. Джерома.* Перев. съ англійск. *Е. Тихомандрицкой.* Съ 20 отд. рис. *А. Бенэ.* 8 д. л., 296 стр. (Ст. в.).

ТЫСЯЧА и ОДНА НОЧЬ. Арабскія сказки въ обработкѣ для русск. читателей *А. Афанасьева-Чужбинскаго.* Съ рисунками. 8 д. л., X+377 стр. (Мл. в.).

ХИЖИНА ДЯДИ ТОМА. Ром. *Бичеръ-Стоу,* примѣненный къ дѣтскому возрасту *М. Л. Лесковскимъ.* Съ 79 рис. въ текстѣ и съ 20 отдѣльн. картинами. Изданіе третье. 8 д. л., 414 стр. (Мл. в.).

ИЗДАНІЕ ТОВАРИЩЕСТВА М. О. ВОЛЬФЪ
С.-ПЕТЕРБУРГЪ, Гост. Дв., 18 и Невскій, 13. | МОСКВА, Кузнецкій Мостъ, 12 и Моховая, 22.

38.68.2.67